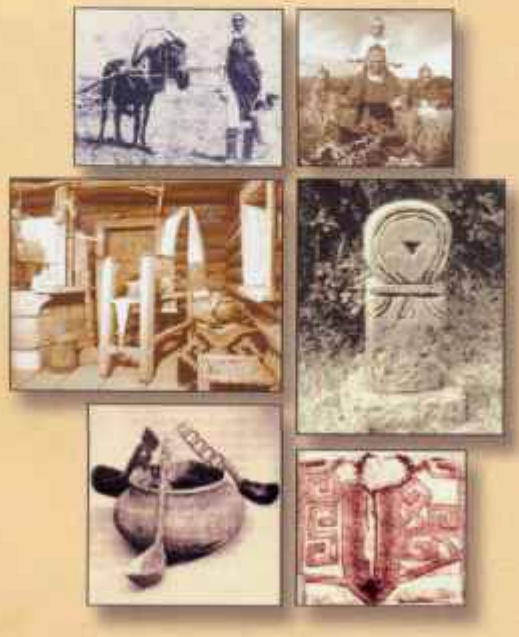
К 63.5
С 23
К-39765

Василий СБОЕВ

ЗАМЕТКИ О ЧУВАШАХ



ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
БЕСПЛАТНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Василий Сбоев

ЗАМЕТКИ О ЧУВАШАХ

Исследования об инородцах
Казанской губернии

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
2004

УДК 394/395(2Рос.Чув)
ББК 63.5(2Рос.Чув)
С 23

Национальная библиотека
Чувашской
Республики

ISBN 5—7670—1349—7 © Чувашское книжное издательство, 200

Василий Афанасьевич Сбоев
(1810—1855)

Известный русский ученый-этнограф, историк, писатель, профессор Казанского университета, автор первой научной монографии о чувашах Василий Афанасьевич Сбоев родился 21 марта 1810 г. в с. Чернуха Нижегородской губернии. Детские годы его прошли в чувашском селе Кошки Чебоксарского уезда (ныне с. Первое Чурашево Мариинско-Посадского района) у родни по материнской линии — в семье священника И.С.Протопопова (деда Н.И.Золотницкого — видного исследователя чувашского языка). Будущий ученый успешно окончил Казанскую духовную семинарию, Петербургскую духовную академию. Работал вначале учителем церковной истории и греческого языка в Казанской духовной семинарии, с 1841 по 1850 гг. преподавал в Казанском университете, занимая должность адъюнкт-профессора русской словесности. Как свидетельствовали слушатели, от лекций профессора Сбоева веяло животрепещущим интересом к «местной инородческой мифологии и этнографии» (*Агафонов Н.К.* Из казанской истории. Казань, 1906. С.206). Постоянно живя среди чувашей в детстве и общаясь с ними в дни приезда в отпуск уже взрослым, он вполне овладел чувашским языком. Был участником многих народных праздников и молодежных гуляний. Большой интерес и любовь к народному быту и культуре чувашей он сохранил на всю жизнь.

Поощряемый редактором «Казанских губернских ведомостей» А.И.Артемьевым, В.А.Сбоев в годы работы в университете серьезно занялся исследовательской работой. В своих статьях В.А.Сбоев стремился к объективному описанию народной жизни. Для него был характерен широкий круг интересов: от физического обличья до духовного облика, от языка до материальной культуры народа. Основательно изучив этнографическую литературу о чувашах, В.А.Сбоев подверг серьезной критике работы ученых XVIII в.: Ф.И.Страленберга, Г.Ф.Миллера, П.С.Палласа, П.И.Рычкова, И.И.Лепехина, не забывая, однако, подчеркнуть и положительные стороны их трудов. В.Сбоев обратил особое внимание на специфические черты материальной и духовной культуры чувашей, восходя-

ние к истокам и традициям, проанализировал и сопоставил опубликованные сведения и личные наблюдения, искал аналогии с соседними народами, стремясь обнаружить исторические корни, в особенности в области религиозных верований.

Выход в свет его работы «Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах» — первого серьезного научного труда о чувашском народе — оказался примечательным явлением в этнографической науке. Первоначально «Заметки о чувашах» печатались главами порознь в «Казанских губернских ведомостях» (1840—1850). В 1851 г. они вышли отдельной книгой в Казани, которая была переиздана уже после смерти автора (В.Сбоев умер 8 июня 1855 г.) в 1856 г., а в 1865 г. в Москве под другим названием появилось третье издание — «Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания».

Книга состоит из 13 глав. Отдельные главы посвящены земледелию и связанному с ним старинному земледельческому празднику — обрядовому молению в честь нового урожая и нового пива; поселениям и жилищам; свадебным обрядам; религиозным воззрениям; народным праздникам; погребальным ритуалам; устному народному творчеству; чувашскому языку. Ряд проблем Сбоевым поднят впервые. Никто до него не касался, например, таких вопросов, как рост двуязычия и брачных связей с русскими, проблемы взаимоотношения социальных и этнических факторов в видоизменении бытовых особенностей чувашского народа.

«Заметки о чувашах» были встречены оживленными откликами в периодической печати. По мнению востоковеда П.С.Савельева, «Заметки» оказались «лучшим сочинением о чувашах и во всех отношениях далеко оставили за собой пользующиеся некоторой известностью «Записки о чувашах» г-жи Фукс». Рецензент на книгу В.А.Сбоева Ф.Дмитриев указывал, что автор «обладал необходимым филологическим приготовлением и смотрел на предмет своего исследования не с одним праздным любопытством» (Русский вестник. 1856. Т.5. С.134).

Получившие большой резонанс как одна из лучших работ, «Заметки о чувашах» долгое время не подвергались критическим замечаниям. Они появились лишь с приходом в научную литературу квалифицированных исследователей, как Н.И.Золотницкий, В.К.Магницкий и др. Однако и они оценивали труд В.А.Сбоева очень высоко. Так, например, Н.В.Никольский отмечал, что «по широте охвата, красочности и увлекательности изложения представляет выдающееся явление в этнографической литературе конца 1-й половины XIX в. труд проф. Казанского университета В.А.Сбоева «Заметки о чувашах».

Исследования В.А.Сбоева представляют большую научную ценность. Как авторитетный знаток чувашского быта, он на-

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

ИНОРОДЦАХЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ВАСИЛЬЯ СБОЕВА.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1856.

Титульный лист книги В.А.Сбоева «Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах».

нес чувствительный удар по утверждениям реакционеров, решительно заявив, что чуваши — отличные земледельцы, убедительно показал качественные особенности земледелия у чувашей. Он представил наиболее полные для того времени сведения о топонимике, планировке чувашских селений, усадьбе, интерьере жилища, одежде и пище.

Предметом преобладающего внимания В.А.Сбоева было изучение народного творчества — фольклора, мифологии. Со сравнительно-исторической точки зрения он рассмотрел обширный материал по религиозным поверьям и обрядам. К изучению религии чувашей применил теорию о деградации, основная мысль которой заключается в том, что духовная культура современного ему чувашского народа есть итог не развития, а упадка, разложения господствовавшего некогда возвышенного мировоззрения: духовная жизнь народа шла как бы по нисходящей линии. Приведенный пантеон чувашских богов и духов довольно подробен, происхождение их названий подвергнуто лингвистическому разбору. В результате от установления их этимологии он перешел к проблеме влияния на верования чувашей мусульманства и православия. Внимание В.А.Сбоева привлекли отмечаемые чувашами старинные обряды, в частности, моления в честь нового хлеба и пива, обряды *ой чук* (уй чӳкӗ), *синзя* (ҫинҫе), *калым кон* (калӑм кунӗ), а также трансформация ряда традиций. Скрупулезно изучил культ предков, функцию йомзей (знахарей) в религиозной практике, общественных и семейных обрядах.

Подробно описаны в книге родильные, свадебные и погребальные обряды. Автор подчеркивает, что в жизни чувашей важное значение имела традиция, которая заставляла строго соблюдать важнейшие церемонии со всеми их составляющими атрибутами.

Любопытные сведения В.А.Сбоев собрал о чувашском календаре, приметах погоды. Умение предсказывать погоду он объяснял «какой-то таинственной национальной особенностью» чувашей.

Собранные им материалы в большинстве случаев уникальны. Научного и познавательного интереса они не потеряли, более того, внимание к наследию В.А.Сбоева возрастает.

«Заметки о чувашах» публикуются по казанскому изданию 1856 г. Для удобства читателей орфография приближена к современной литературной норме.

Г.Б.МАТВЕЕВ,
кандидат исторических наук,
заведующий отделом этнологии
и антропологии ЧГИГН

ЗАМЕТКИ О ЧУВАШАХ

Письма к редактору
«Казанских губернских ведомостей»

I

Исполняю данное Вам, почтеннейший Ал. Ив., обещание: пишу к Вам из темной глуши, из среды народа, едва вышедшего из дикого состояния. Прежде всего, я думаю, вы ждете от меня жалоб на томительную скуку жизни среди полудикарей: на скуку эту обрекали меня и те из моих товарищей, которые знали о моем намерении побывать в Петровский пост в чувашской стороне. Вышло напротив. Я превесело разъезжаю по чувашским селам и деревням и едва ли даже воспользуюсь убежищем от хандры, которое добрый товарищ наш Н.В. Рат благосклонно приготовил мне в Цивильске. Дело в том, что Чуваши — мои старые знакомцы. Назад тому лет двадцать пять я имел и случай, и обязанность изучать их язык и быт. Прожить четверть столетия — не поле перейти; много воды утекло в это время; многие из моих сведений о Чувашах успели ускользнуть из моей памяти; во многом Чуваши сами могли перемениться. Вот почему особенно приятно для меня теперь возобновить мое знакомство с ними, прислушаться к их языку, вникнуть в их настоящий быт, вспомнить прежнее, былое и сравнить его с теперешним состоянием этого народа. Может быть, заметки, наблюдения и сличения мои не вовсе будут лишены интереса и для некоторых из читателей вашей газеты: если так, то можете тиснуть их. Я выписываю Вам их из моего дорожного журнала, где впечатления, быстро схваченные, также быстро и записывались, и где не поместились только мои воспоминания, им же несть конца. Начинаю с начала, а конец отнесу к концу.

Вступив в пределы чувашской земли, я был приятно изумлен переменою, которую всего меньше надеялся в ней встретить. Вообразите: в Петровки, т. е. в то

время, когда полуязычествовавшая чувашская земля праздновала одно из важнейших своих торжеств и приносила богам баснобильнейшие жертвы, — в это время я видел богослужение с поклонами в христианской церкви; видел значительное число говельщиков и особенно говельщиц. В некоторых селах, напр., в Кошках, в каждую неделю поста число их простиралось от 40 до 60 человек. Мне объяснили притом, что говеющие исполняют долг христианский более по произвольным и внутренним, чем по внешним побуждениям, что во всю неделю Великого Поста в чувашских церквах совершается непрерывная служба и число говеющих бывает вдвое более, чем в Петровки, что к Госпожинкам неприобщившихся Св. Таин на 10000 человек остается не более 20 или 30 и что наконец ныне между Чувашами небывший у исповеди и Св. Причастия более 2 лет считается редкостью, явлением необыкновенным.

Но с каким расположением весь этот люд приступает к Таинствам? спрашиваете Вы. На этот вопрос я Вам ничего не отвечу от себя, а заставлю отвечать самих Чуваш. Раз, выходя из одной сельской церкви после вечерней службы, я обратился к двум шедшим за мною старикам и сказал им: «Говеете, друзья, но от мясного, верно, не отказываетесь; ведь теперь ваш праздник *Синзе*». — Ай, не так говоришь, бачка, — отвечали мне. — Есть скоромное, когда говеешь и когда пост, — *силых боле* (грех будет). Кроме хлеба, ничего не едим, домой не ходим, всю неделю здесь ночуем. Праздники наши не Синзе и не другие прочие, а те же, что и у вас». Подошедший к нам священник подтвердил их слова, сказав, что прежние суеверия у Чуваш брошены, что из 49 видимых мною говельщиков только трое сельские, все же прочие из приходских деревень, и на неделю размещены по квартирам у священно-церковнослужителей. В одном из стариков я узнал своего давнего знакомца. Некогда он был мужик пьяный, задорный, кляузник, коштан. Он частенько колачивал свою мать, старуху сварливую и безалаберную, и почти всякий раз расплачивался за то в волостном правлении. «Ну, Семен, — сказал я ему, — а поколотить старуху-мать, или кого-нибудь из родных и знакомых, ведь *силых мар* (не грех)?» — Как не грех, бачка? Большой грех! Теперь мы знаем, что грех. Прежде знали только, что *это больно дорого стбит*, — примолвил он со вздохом.

Само собою разумеется, что семена лучших понятий о важнейших истинах христианства насаждены в Чувашах попечительностию духовенства. Они сами начинают чувствовать, чем обязаны своим пастырям. Прежние скандалёзные их тяжбы и жалобы на священников выводятся и без сомнения скоро выведутся вовсе после того как последние, получая от казны окладное жалованье и будучи обеспечены в исправном доставлении им руги, поставлены в совершенную независимость от своей паствы. Для священников уже нет причины потворствовать слабостям своих духовных детей и смотреть сквозь пальцы на их проступки; а паства не имеет причины ни негодовать на поборы, ни жаловаться на любостяжание пастырей. Следствия этого взаимного между ними отношения и теперь уже начинают обнаруживаться в уважении паствы, в ее послушании и готовности исполнять основанные на религии требования священников. Я думаю, что очень и очень недалеко то время, когда служитель алтаря будет и поверенным другом, и наставником, и утешителем, и защитником своих духовных детей. Hoc in votis.

Частые сношения с Русскими, усиление торговой и промышленной деятельности также изменили во многих отношениях понятия Чуваш. Монополия Русских на чувашских базарах исчезла: большею частию Чуваши сами как заготовляют или закупают в Казани и уездных городах, так и продают на своих базарах нужные для домашнего обихода вещи. Многие из Чуваш скупают или выменивают на что-либо у своих соплеменников — сало, кожи, яйца, мед, хмель и проч., и привозят для продажи большею частию в Казань. Хмель играл прежде особенно важную роль в быту Чуваш: у каждого из них и теперь непременно есть *хумла-карды* (хмельник). Хмель продавали они прежде оптовым торговцам или на винокуренные заводы по 50 и даже по 60 рублей за пуд; и таким образом каждый из Чуваш на одном этом продукте мог выручать все, что нужно ему было для уплаты податей и для удовлетворения первейшим жизненным потребностям; а деньги, вырученные от продажи хлеба, он откладывал на черный день, или на *беду*, т. е. на случай, если попадет под *суд* (суд и беда у Чуваш — синонимы). Ныне цена на хмель упала очень низко: его продают уже по 3 или много по 4 рубля ассигнациями за пуд. После того естественно должен

был усилиться сбыт хлеба. И действительно, многие Чуваши торгуют скупаемым у соплеменников хлебом на довольно значительные суммы. У некоторых есть свои росшивы, на которых они доставляют свой хлеб в Рыбинск. Эти торговцы составляют цвет, высшую аристократию, сливки чувашского племени. Они обыкновенно говорят не только с Русскими, но и между собою не иначе, как по-русски; живут в чистых, просторных избах и угощают своих досов[1] и приятелей не сивухой, не мартовским пивом, не мореным медом, но чаем, белым вином, французской и кизлярской водкой. Последний предел, к которому стремится их честолюбие, составляют родственные связи с Русскими. Отдать дочь за Русского, или женить сына на Русской — это верх благополучия для Чувашенина-аристократа. Высшее, бонтонное чувашское общество, как и всякая аристократия в мире, находит себе подражателей в низших классах народа, который, если теперь не имеет еще ни возможности пить чай, ни расположения менять забористую сивуху и крепкое пиво на виноградное вино, то по крайней мере из подражания своему первообразу и для большего удобства в частых сношениях с Русскими старается изучить русский язык. Действительно, теперь весьма немногие из Чуваш вовсе не

---

[1] *Досам* называет Чувашенин человека, которому дал обет неразрывной дружбы. Надобно думать, что первоначально досящиеся, давая обет дружбы, дарили друг друга тем, что каждый имел у себя лучшего, и тем символически выражали свою готовность жертвовать для *доса* всем. Таким образом, взаимные дары составляли обряд при заключении дружбы. Под влиянием Русских, умевших как из дурных, так и из хороших свойств Чуваш извлечь свои выгоды, обряд этот потерял свое первоначальное значение. Русский купит, бывало, какую-либо безделку, напр., плисовую шапку, шелковый кушак, либо двухрублевый армяк, и спешит с этим подарком к богатому Чувашенину; а тот в простодушной уверенности, что это самая лучшая вещь у его друга, дарит ему один или два лучшие улья пчел, лошадь, корову или какую-нибудь другую ценную собственность. Наконец Чуваши увидели, что Русские их приятели вовсе не досы, что они под священным именем дружбы скрывают корыстные виды, и стали воздавать им не рай, или вовсе не доситься с ними. Таким образом, *досы* существуют теперь только по имени; и я убежден, что знаменитая фраза: *друзья мои! нет более друзей на свете*, первоначально произнесена была на чувашском языке каким-нибудь разочарованным Василием Ивановичем, и произнесена следующим образом: *«досы мои! ни в цивильском, ни в ядринском, ни в буинском, ни в курмышском, ни даже в чебоксарском уезде — нет более досов! Русские истребили, уничтожили, стерли их с лица земли»*.

знают нашего языка. Многие объясняются на нем так свободно, что только привычное к их говору и разборчивое ухо может признать в них Чуваш. Даже *хир-арым*, женский пол, все еще чуждающийся Русских и весьма мало имеющий с ними сношений, не совсем чужд некоторых познаний в нашем языке[1].

Таким образом, само время готовится окончательно решить бывший во дни существования библейского общества предметом сильнаго спора вопрос: можно ли совершенно обрусить Чуваш, Черемис и другие небольшие народцы, живущие в России и уже исповедующие христианскую веру? В настоящее время не иначе уже можно отвечать на этот вопрос, как утвердительно; можно, т. е. предполагать, что некогда они совершенно забудут и свой язык, и свой образ жизни, тем более что элементы этой жизни и сами по себе скудны и не имеют ни малейшей связи ни с настоящею их религиею, ни с историческими их воспоминаниями. Что такой метаморфоз дело сбыточное — доказательством служат многие примеры. Приведу из них один. В Тетюшском уезде есть село Каратаи. Жители его — Мордва; но во всем селе ни один человек аза в глаза не знает по-мордовски; мужчины говорят по-татарски и по-русски,

---

[1] Справедливость требует однако же заметить, что Чувашки только затверживают русские слова, но соединяют их по-своему, потому что наше словосочинение им вовсе не дается. Оттого понимать их иногда бывает очень трудно. С неделю тому назад я заехал в одну чувашскую деревню к знакомой мне старухе, у которой некогда крестил сына. Напившись чаю, я вздумал было разогреть свой завтрак. Но едва я приблизился к печи, как моя кума с испуганным видом закричала: *астой аксах* (т. е. хромой. Так зовут здесь Вашего покорного слугу, потому что в молодости я разбил себе ногу, упавши с лошади под мост, и более 2 лет ходил на костылях), *стой! В печчи народ много. И твоя будет*. Слова за исключением моего прозвища все русские, но взять их в толк! По крайней мере, я понял смысл их только тогда, когда разглядел, что печь действительно полна всякого рода и вида *апасду* (лепешками) и пирогами, заготовляемыми к наступающему сельскому празднику. *И твоя будет*. Это значит, что доброй хозяйке хотелось, чтобы и я позавтракал ее стряпнею. — В другой раз я спросил по-чувашски одну бойкую, черноглазую Чувашку, жену дряхлого старика, сколько ей лет. Она, видимо, обиделась тем, что ее Русский спрашивает по-чувашски, и горделиво ответила мне: *полтина лет поспел*, т. е. ей около 50 лет. Так точно говорили прежде и мужчины. Недостаток этот происходит, по моему мнению, оттого, что они стали учиться по-русски уже в зрелых летах. Можно и должно надеяться, что молодое женское поколение избавится от этого барбаризма также, как теперь избавилось от него молодое поколение мужеское.

а женщины — по-татарски. Если Мордве, живущей близ Татар, можно было отатариться, то почему же Чувашам и Черемисам нельзя обрусеть?

Говоря о чувашской аристократии, я и забыл напомнить Вам, что в настоящее время рядом с нею возникает новая, *ученая* аристократия, *юная Чувашландия*, долженствующая сильно действовать на возрождение и образование своего племени. Она состоит из молодых людей ученых, т. е. кончивших курс в одном из сельских приходских училищ и прямо с ученической скамьи поступивших в должностные и начальственные лица средней руки, преимущественно в делопроизводители, или, если угодно, в писаря в сельских расправах. Число грамотных Чуваш теперь уже довольно значительно; оно постоянно увеличивается выпуском из училищ новых грамотеев. Главными учебными заведениями, светилами чувашского просвещения в чебоксарском уезде считаются кошкинское и аттиковское училища, в которых учащихся бывает от 20 до 30 человек. В них учат чтению, письму, закону Божию, арифметике. Но достопочтенный священник, заведующий кошкинским училищем, И.В. Золотницкий, кроме этих предметов в свободные часы преподает желающим и более других смышленым мальчикам основные начала русской грамматики и краткую географию, приучая при том своих учеников к черчению карт. Мне показывали географическую карту, начерченную одним Чувашленком очень удовлетворительно. Чувашлята, как и Русские мальчики, принимаются за книгу неохотно, но за то чуть ли не скорее Русских привыкают к ней. Через год они приучаются бегло читать и свободно объясняться по-русски. Но когда мы говорим здесь о навыке свободно объясняться, то отнюдь не разумеем способности чисто и правильно говорить: это две разные вещи. Чувашенин никогда не приучится совершенно чисто и правильно произносить наши слова. Как ни бейтесь с ним, вы никогда не заставите его правильно произнести, напр., русское *д*, особенно в начале слова; у него всегда выйдет *т*. Я знаю внука обрусевшего Чувашенина; он не разумеет ни слова из языка своего деда, но роковое *д* все-таки произносит, как *т*. Видно, у Чуваш орудия слова (organa poqualae) имеют особенное устройство. Оттого, может быть, во всем их языке не более трех слов, начинающихся с *д* (*дваттa* — четыре, *дес* — говорить, *дос* — друг), произносимого притом с

грехом пополам; между тем как слов, начинающихся с любимого Чуващами *т*, в нем более 350. Кроме того, Чувашенин, говоря по-русски, разевает рот целомудреннее и экономнее даже Англичанина. От того буква *в* весьма часто переходит у него в *ф*, *б* — в *п*. — Нужно ли, впрочем, сказывать, что все это недостатки ничтожные, ничуть не препятствующие Русскому понимать Чувашенина, а Чувашенину — Русского?

Оставляя мелочи эти, порадуемся тому, что черты, в которых преимущественно обнаруживались дикость, варварство, грубость Чуваш, теперь или совершенно сгладились, или видимо сглаживаются. К прежним религиозным верованиям своим они питают отвращение и презрение. Священные рощи (керемети) все повырублены так, что и следов их не осталось. О варварском обычае *тащить неприятелю сухую беду*, т. е. вешаться во дворе своего врага, не слышно более. Чувашенин уже не смотрит более кретином. Он не видит в каждом Русском своего повелителя, *олбута* (господина). Чиновников Земской Полиции, равно как окружного начальника и его помощников, он не считает уже людьми, выше и больше которых нет ничего на свете. Он знает уже дорогу в Казань; знает также, что у него есть *Патша* (царь), защитник и покровитель всех угнетенных, за которого он молится в церкви и на службу которого идет охотно даже без очереди, взамен женатого родственника или только приятеля: случай несколько раз, как мне сказывали, повторившийся в Чебоксарах в последний рекрутский набор. Глубокое легковерие и бессмысленная простота Чуваш теперь уже более предание, чем действительность. Наученный прежними многочисленными опытами Чувашенин теперь более всего страшится быть обманутым и сделаться посмешищем своих знакомых; его простота изменилась в самую чуткую осторожность.

Не то было назад тому лет 25 и более...

Керемети существовали тогда в каждом почти селе, и в них открыто приносились языческие жертвы. Чуваши хромали на обе плесне и глезне, были плохими язычниками и весьма плохими Христианами. В керметях приносили кровавые жертвы только с корыстными целями, т. е. либо в случае несчастья, постигавшего то или другое семейство, либо в то время, когда надобно

было испросить у богов обильный урожай хлеба, хороший приплод скота и т. п. Обращенные в христианство (около 106 лет тому назад) не силою убеждения, но по принуждению, они не имели ни малейшего понятия об истинах нашей религии. Они крестились сами, крестили детей своих, в случае болезни исповедывались и приобщались Св. Таин, вовсе не понимая, что делают. Обыкновенно они бывали в церкви только три раза в жизни, т. е. когда их крестили, когда женили, когда отпевали[3]. Они видели в священниках доносчиков, врагов, преследователей своих; и самые законные действия их они перетолковывали по-своему, давали им другой смысл.

Надобно, впрочем, сказать, что вообще Русские с самого покорения здешней стороны, вероятно, очень не кротко обходились с Чувашами. От того последние старались, сколько возможно, удалиться от внимания победителей. Они селились как можно далее от больших дорог, от судоходных рек, у какого-либо грязного ручья и все непременно по скатам двух ложбин. Почти каждое чувашское село расположено так, что Вы приметите его только тогда, когда носом уткнетесь в него. Скрывать от Русских дорогу к селам и деревням чувашским считалось долгом, делом чести каждого Василья Иваныча[4]. Вы едете, бывало, проселочною чувашскою дорогою; русский ямщик Ваш, действительно не бывавший в этой глуши, не знает дороги. Вы заплутались. Вот идет Чувашенин. *Ачам* (молодец)! где проехать в № деревню? *Тюрах кай* (прямехонько ступай), — ответит он Вам непременно. Если Вы так неопытны, что

---

[3] Из этого положения изъемлются Чуваши отдаленных от сел деревень. Они бывали только *раз* в церкви. Их крестили и отпевали гуртом, чохом в то время, когда священнику случалось быть в деревне.

[4] Василий Иваныч — у Русских почетная кличка каждого Чувашенина, как *князь* — почетный титул Татарина. С чего Русские вздумали называть Чуваш Васильями Ивановичами? Есть предание, что иеромонах Вениамин Пуцек-Григорович (впоследствии митрополит казанский), преосвященным Лукою Конашевичем посланный с несколькими духовными лицами обращать Чуваш в христианство, крестил их целыми толпами, причем любил им давать свое светское имя *Василий*, а восприемником был диакон Иван Афанасьев, получивший потом место священника в одном из чувашских сел. Может быть, впрочем, эта кличка происходит и от того, что священники первоначально давали новорожденным Чувашлятам общеупотребительнейшие и известнейшие имена. А какое имя употребительнее *Василия* и *Ивана!*

последуете этому совету, то Вас непременно завезут либо на мельницу, либо к болоту, либо в лес, в котором еще не проложено безопасных езжалых дорог.

Но вот после многих остановок, объездов, переездов и заездов, Вы попали наконец в деревню, через которую лежит Вам путь. Едва Вы переехали за околицу, как ребятишки, игравшие на улицах, стремглав бросаются по домам с криком: *вырас! вырас!* (Русский! Русский!). В одно мгновение все ворота заперты, все двери затворены, нигде не видно души человеческой; вся деревня точно вымерла от моровой язвы. Делать нечего: Вы обращаетесь к разрешителю всех чувашских грехов — к выборному; у него Вы останавливаетесь и покупаете корму для лошадей. Выборный сначала принял Вас, как Русского, с достодолжным почтением. Но Вы не потребовали от него мирских лошадей, не *съели* у него дарового обеда, не поколотили его ни за что ни про что; Вы даже заплатили ему за корм лошадям, — и он с презрением смотрит на Вас, как на выродка, как на урода, с позволения сказать. Это значит, что Вы не умеете ездить по чувашским селам.

Научитесь этому искусству у выгнанного из службы подканцеляриста Брагина, который едет теперь[5] в преслоутый град Козьмодемьянск, чтобы партикулярно поскрыпеть перушком в тамошнем земском суде. Вот его грозная персона влетела во двор выборного на лихой тройке. Лошадей! — кричит хриплым басом, и ни с того ни с сего, вместо: здорово живешь, дает выборному две горячие оплеухи. Тот с глубоким уважением, с низкими поклонами провожает гостя в дом. Там Брагин приказывает подать себе вина, пива, яиц, *яшку* (суп) из курицы, и с избытком вознаграждает свое чрево за долговременный пост в Казани. Между тем лошади готовы. Уконтентованный даровым обедом Брагин выходит из дому, пошатываясь из стороны в сторону. Ему подана только пара мирских лошадей, да и тех выборный едва отыскал, потому что лошади все в работе, на сенокосе. Как? — восклицает Брагин — только пара? Не хочу: вези это сам; — и с этим словом он вынимает из кармана рукописный песенник, сборник образцовых стихотворений известнейших авторов, както Баркова, В. Пушкина и т. п., да две-три черновые просьбы, написанные им в Мокрой для Татар, за

[5] Т. е. бывало.

пятиалтынный. Все это он энергично разбрасывает по двору выборного и борзыми стопами идет к околице, очень хорошо зная, что пешком недалеко придется ему идти. Оторопелый выборный бережно собирает разбросанные бумаги, велит ямщику пристегнуть свою собственную лошадь, кладет в мошну синюю бумажку и сам отправляется вслед за сердитым господином. Как он там умолял Брагина не погубить его с ребятишками, как кланялся ему в ноги, а в руки будто насильно всучил синюю ассигнацию, — об этот молчит история. *Вот как в старину ездили* по Чувашам чиновные люди и приобретали себе всюду уважение и почтение.

Но это почтение ничто в сравнении с тем раболепством, с тем благоговением, которым Чуваши окружали свое домашнее чиновное лицо, своего волостного писаря. Он был в собственном смысле деспотом в своей волости: налагал поборы, брил лбы, сажал в цепь своего волостного голову, судил, рядил, наказывал, одним словом, делал все, что хотел. Чтобы показать Вам значение писаря в старинной Чувашландии, расскажу Вам анекдот, за достоверность которого ручаюсь. «Попадья торгует у Чувашенина на андреевском базаре *сяварак пол* (вертящуюся, бешеную рыбу). Продавец запрашивает слишком дорого. Попадья горячится, бранится; Чувашенин не уступает. — Побойся ты Бога, чувашская лопатка! — восклицает наконец попадья. — Ведь это неслыханная цена. — Эх, *мачка*, — отвечает раздосадованный Чувашенин, — *что Бога бояться: ведь Бог — не писарь*». — Так вот что значил писарь! Откуда брались эти писаря — не знаем. Знаем только, что конец их служебного поприща обыкновенно был двоякий: прослужив три-четыре года, они или отправлялись пешеходяще на Восток, или переписывались из мещан в купцы 2-й гильдии.

Какое же значение имел для Чуваш сам капитан-исправник, — об этом уж не говорю, между прочим, и потому, что устал. До следующего письма.

II

...Если нравственная жизнь Чуваш теперь, благодаря просвещенной заботливости светского и духовного начальства, во многих отношениях изменилась к лучшему, то это не может еще служить доказательством, что и внешний, материальный быт *всей* массы чувашского народа изменился. Большинство Чуваш с каким-то подобострастным уважением придерживается образа жизни предков... Между тем, чтобы оставить прежний образ жизни и изменить его на лучший, — для этого теперь у них, надобно сказать по справедливости, средств и способов несравненно больше, нежели сколько было прежде.

Но за всем тем внешний, материальный быт Чуваш улучшается не в желанной степени. Они вообще скупы для себя по привычке; им все еще мерещится, как страшный призрак, возможность беды, т. е. столкновения с судом. По этому предрассудку чувашское плебейство не заботится об улучшении своего материальнаго быта. И вот что еще странно: Чувашенин очень хорошо понимает выгоды и удобства быта зажиточных русских крестьян и мещан. Останавливаясь на ночлег или для корму лошадей в русских постоялых домах, он прихотничает, капризничает, жалуется на чад и сырость в комнате, на недостаточность обеда, либо ужина, который состоит из двух сытных блюд и за который он либо платит 5 копеек серебром с своего *рыла*, либо даже не платит и вовсе ничего, потому что за покупкою сена и овса для лошадей обед или ужин для самого возницы идет уже не в счет абонемента[1]. Но

[1] Не думайте, впрочем, чтобы это со стороны содержателей русских постоялых домов было разорительным великодушием. Эти господа в известное время года разъезжают по чувашским селам и с тех из Чуваш, которые занимаются извозом или которые вообще нередко останавливаются у них, собирают препорядочную контрибуцию натурою, напр., рожью, овсом и т. п. За все это они потом берут с тех же Чуваш втридорога.

Национальная библиотека Чувашской Республики К-39765

тот же Чувашенин, возвратясь восвояси, решительно забывает все претензии на комфорт — и живет чисто по-чувашски.

Беспорядочная постройка чувашских сел и деревень вошла у русских людей в пословицу. И в казанской, и в симбирской губерниях мне неоднократно случалось слышать, что русские люди всякую беспорядочную постройку называют *чувашскою*. Села чувашские не разбросаны так, как черемисские, часто тянущиеся на несколько верст, с большими перерывами и промежутками. Напротив, они обыкновенно представляют несколько более или менее сближенных между собою групп домов, расположенных — Аллах ведает — по какому плану. После этого Вы, почтеннейший Ал. Ив., уж и разумейте, что улиц тут нет, да и быть не может. Есть только между дворами проезды, прихотливо извивающиеся и более или менее тесные. В них очень легко можно заблудиться, заехать во двор, принимая его за улицу, потом в другой, третий и т. д., пока не уткнетесь носом либо в *карду*, либо в гуменный забор. — Ученые антикварии и археологи не только русские, но даже чувашские, объясняют эту беспорядочность постройки предположением, что Чуваши в этом случае подражали Татарам. Смелейшие и отважнейшие из них (т. е. не из Татар и Чуваш, из которых первые очень смелы, а последние — вовсе не отважны) выводят даже из этой беспорядочности домопостройки мысль, будто Чуваши суть народ не финского, как доселе думают ученые, но тюркского происхождения, потому что тюркские племена обыкновенно строят свои села и города точно таким же образом. Я падаю до ног пред археологиею вообще и чувашскою в особенности. Но мне кажется, что не здесь должно искать оправдания мысли о тюркском происхождении этого народа. Беспорядочность их сел и деревень есть простое и весьма естественное следствие и теперь еще продолжающегося у них отношения главы семейства к его членам. Глава семейства обыкновенно селился на избранном им или отведенном ему месте и загораживал себе под дом довольно обширное пространство. Семейство его множилось; дети его обзаводились своими семействами и строили себе домы в той же загородке, в которой таким образом являлось по нескольку изб, а родоначальник их жил в кругу своей семьи, составляя центр этого круга. Если два брата-

родоначальника устраивались таким образом, то мало-помалу пределы их поселений сближались между собою, сливались в одно; еще долго каждое из них носило свое название, по большей части происходившее от имени родоначальника, пока наконец то или другое с течением времени не забывалось или, что всего чаще случалось, пока оба названия не делались безразличными. Между тем, с увеличением этих селений и по мере ослабления родственных связей между ее жителями, открывалась потребность колонизации, — потребность выселиться из заветной дедовской или прадедовской загородки. Отделявшиеся от метрополии селились *либо* рядом с нею, *либо* в значительном отдалении от нее. В первом случае селения их носили название околотков *(сирмы*[2], напр., *Ир-сирмы, Оба-сирмы, Шаба-сирмы* и проч.); в последнем случае они получали название либо от имени родоначальника, т. е. главы выселившихся семейств, либо от каких-нибудь особенностей заселенной местности с прибавлением слова *ял* или *кассы* (напр., *Гарань-ял, Ибрай-ял,* т. е. Гаврилова, Абрамова деревня, *Анаткассы, Хоракассы, Анишкассы, Вурманкассы,* т. е. верхняя, черная, по реке Анишу расположенная, лесная деревня). Эти выселки или колонии сначала были, конечно, не многолюдны; домы новой колонии были населены членами одной семьи, людьми, близкими друг к другу по крови[3]; но эти *кассы* и *ялы* с течением времени распространялись и увеличивались, так что в некоторых из них теперь считается до 200 домов[4]. — Со времени обращения Чуваш в христиан-

---

[2] *Сирмы* по слова значит *овраг.* Чувашские села и действительно большею частою расположены, как я заметил еще и выше, по оврагам. — Для любопытства приложу в переводе названия этих околотков: *Ир-сирмы* — Богатый Овраг, *Оба-сирмы* — Волчий овраг, *Шаба-сирмы* — Лягушачий овраг.

[3] Здесь находится причина несправедливого мнения А.А. Фукс, которая в своих *Записках о Чувашах* (на с. 26) рассказывает, будто Чуваши почитают *за грех* брать себе жен из одной деревни. — Конечно, в малых деревнях все жители между собою более или менее близкая родня: тут уж закон христианский воспрещает жениться на девушке из одного села... Но в больших селах женях всего чаще выбирает себе невесту из односелок и вовсе не считает этого за грех.

[4] Совершенно не понимаю, с чего взяла г-жа Фукс, будто чувашские деревни не бывают очень велики, будто самые большие из них состоят из 25, 30 и 40 дворов, будто, наконец, единственное исключение составляет деревня Норваши, где 90 дворов (Зап. о чув., с. 96). Это неправда. Были и есть чувашские деревни и в 200 дворов, напр., Акташева (большая) и многие другие.

ство явилась при каждом селе особая, отделенная от чувашского селения либо леском, либо оврагом слободка, состоявшая из домов священно- и церковнослужителей; близ или в середине ее устраивалась церковь. Слобода церковная носит опять особое название, по большей части заимствованное от местного храмового праздника, как-то: *Введенское* (село), *Успенское, Троицкое, Покровское* и проч., и проч. Духовные, а вслед за ними и чиновники земской полиции в своих официальных бумагах именуют эти села чувашскими названиями, но как бы для пояснения присовокупляют к ним: Введенское, Успенское, Троицкое, Покровское и пр. с неизбежным *тожь*...

Таким образом, у одного и того же села бывает по нескольку кличек. По крайней мере, в чебоксарском уезде большая часть сел, кроме церковного, имеет еще по два и даже по три названия. Так, село *Яндашево* называется также — Шардани, Шоркассы, *Карамышево* — Бигильдино, Яльчики, *Кошки* — Чурашево, *Бичурино* (родина знаменитого нашего синолога, о. Иакинфа) — Шинеры, *Акулево* — Шемжери, *Кармалы* — Шутнерево, *Тогаево* — Наратъялы, *Кучкеи* — Темирчи, *Яцыбухово* — Водакассы и проч. Присовокупите к тому, что иногда деревни носят одно и то же название с селами, — и вы поймете неприятности, в которые легко может попасть путешественник, не знающий здешней стороны и поставленный в необходимость ехать проселочными дорогами. Да и знающий легко может попасть впросак по пословице: и на старуху бывает проруха. Я довольно хорошо знаком с чебоксарским уездом, но в нынешнюю мою поездку два раза имел неудовольствие быть мистифицированным сходными названиями сел и деревень. Меня утешали, по крайней мере, тем, что других вводило это в несравненно большее заблуждение, чем меня. И за то спасибо!

Домы чувашские обыкновенно строятся дверью на восток, куда Чуваши в язычестве обращались с молитвами к богам. Сеней у них не бывает; вместо них по правую сторону от двери устраивается чуланчик, называемый *булдыр*. На левой стороне от двери в каждом чувашском доме непременно находится волоковое окно. В старину Чуваши прилепляли к нему во время поминок усопших и других религиозных церемоний восковые свечи. Войдя в избу чувашскую, вы увидите тяну-

щиеся по южной и западной ее части *саганэ* — широкие нары с подпольем. Эти *саганэ* — очень длинные, почти в рост человеческий, служат и лавками, и ложем для всего семейства. На северной стороне избы обыкновенно находится битая из глины печь *(кумагга)*, с выдавшимся, значительно углубленным очагом, на котором варится *яшки*. На той же стороне делается волоковое окно для выпуска дыму. В южной стене, недалеко от киоти с иконою, иногда вырубается большое окно, заставляемое рамою; место стекол в нем весьма часто занимает коровий пузырь. Избы бедных или нетороватых Чуваш топятся по-черному; ежедневно два раза — утром и вечером — они бывают наполнены дымом. И вот причина, почему многие Чуваши преждевременно слабеют зрением!

За домом чувашским обыкновенно устраиваются скотные дворы, называемые *карда* (слово, которое употребляют и русские в казанской и симбирской губерниях). К юго-восточной стороне от дома обыкновенно строят амбары, инде одноэтажные и иногда двухэтажные. В них некогда помещались между прочим и *ирихи*, что-то вроде чувашских пенат. В *Записках о Чувашах* А.А. Фукс три раза толкует об *ирихах*. На с. 93 г-жа Фукс говорит: *«ирих — кусочи(е)к олова, привешенный к рябиновой ветке, которую всякий год меняют, а старого ириха с веткою бросают в реку»*. — Далее, на 97 странице говорится, что *«ирих не простой кусок олова, но маленький идол, с руками, ногами, глазами и величиною в вершок (?)»*. — На странице 141 о том же предмете повествуется: *«ирих, или веточки, связанныя из рябины, в каждом доме (?) над дверьми (?) находящиеся, служат Чувашам для удаления недоброжелательного духа, вредящего, как они думают, достижению супружеской цели (???)»*. — Все эти сказания, явно противоречущие одно другому, совершенно несправедливы. *Ирихи* были просто кадки или кузовья, поставлявшиеся или вешавшиеся в углу амбаров и наполнявшиеся костями принесенных в жертву животных. Очень явно, что в «Записках о Чувашах» принята случайная принадлежность предмета за самый предмет. Точно над кузовьями с костями жертвенных животных ставились иногда ветки, но к ним привешивался не один кусочек олова, а многие блестки, а у богатых Чуваш — и серебряные деньги. Ни об идолообразном устроении ириха, ни об рассказываемой «За-

писками о Чувашах» церемонии бросания *старого* ириха в воду я ни прежде, ни теперь не слыхал ни слова. Может быть, я как-нибудь и соберусь написать Вам, любезнейший друг, о старинном, языческом вероучении Чуваш: тогда объясню Вам и мои понятия о догматическо-религиозном значении ирихов. Теперь же продолжаю мой рассказ о материальном быте Чуваш.

Обыкновенную пищу их составляют: ржаной либо ячменный хлеб и *яшка* (суп, который готовится у богатых из крупы и говядины, а у бедных — либо из одной крупы, либо с борщевником или снитью и с молочною забелкою); обыкновенное же питье у них: вода. *Путу* (каша), *иггечь*[5] (приготовленный из творога сыр), *пажалу* (лепешки), *сявран-пол* (бешеная рыба), *сыра* (пиво), *эрехэ* (вино), — это роскошь, которую позволяет себе неторговый и, след., небогатый Чувашенин только тогда, когда у него бывают гости или когда он празднует что-либо особенное.

Празднуются у Чуваш с особенным торжеством и роскошью: Пасха и местные храмовые праздники. Но еще большими ликованиями Чуваши сопровождают дни брачные, поминовения усопших, моления об урожае и за урожай.

К Пасхе и местным храмовым праздникам Чуваши варят пиво и приготовляют вышеисчисленные лакомые кушанья. Процесс празднования этих дней совершается почти так же, как и у русских простолюдинов: пьют, едят и опять едят, и опять пьют и т. д., а где пиво, там у Чуваш — пляска. Вот и является доморощенный виртуоз с *пузырем* — под его довольно однообразные звуки молодежь начинает пляс, остальное общество шумит, топает ногами, бьет в ладоши. Соблюдая долг справедливости, я должен заметить, что у Чуваш иначе *начинается* празднование этих дней. Русские *сначала* принимают к себе духовенство со крестом и потом уже предаются веселью. Чуваши, напротив, тотчас по окончании обедни, сами предваряют визит духовных, толпами ходят по домам священно- и церковнослужителей, и домой возвращаются, так сказать, только допраздновать или положить начало празднеству на следующий день.

---

[5] А не *сырунек*, как названо в *Записках о Чувашах*, которые, мимоходом сказать, очень не церемонно обращаются с большею частию Чувашских слов и выражений.

Остальные из исчисленных мною празднеств совершаются у Чуваш совершенно оригинальным образом, с особенными церемониями. А.А. Фукс празднества эти (т. е. только два первые) описала частию неверно, частию неполно. При сей верной оказии я считаю нужным изъявить Вам, почтеннейший Ал. Ив., мою душевную благодарность за присылку *Записок о Чувашах*: они прибыли ко мне как нельзя более впору. Признаюсь, что в них я нашел много дельного, но еще больше неверного, неточного, неполного, ложного. Что это правда, — Вы увидите из следующего за сим моего письма, предметом которого, главным образом, будет по возможности подробное описание оригинальных праздников чувашских. Описанием этим не замедлю.

III

Принимаясь за перо для изображения чувашских оригинальных праздников, я прежде всего считаю нужным сказать Вам, Ал. Ив., что буду писать частию как самовидец, как testis oculatus, частию как testis auritus, или, говоря по-крещеному, как человек, заимствовавший многие сведения об этом предмете из рассказов достоверных людей и особенно из сказаний И. Ст. Протопопова, который долгое время был сельским священником и благочинным в чебоксарском уезде. Я начну мое описание с самого веселого праздника — с обрядов, которыми у Чуваш сопровождаются брачные торжества.

Чувашлята женятся в самой ранней юности, тотчас как выйдут им положенные для того законом лета. Чувашские красотки, напротив, засиживаются в девках очень долго. Вот причина: каждая из них, с двенадцати или тринадцати лет, уже более или менее порядочная хозяйка: она нянчится с младшими братьями и сестрами, ходит по воду, стряпает яшку, блюдет за чистотою и опрятностью своей хаты, участвует в семейных трудах при уборке сена, при жнитве и молотьбе хлеба. Отец ценит ее работу и не торопится выдавать в чужой дом. Чем трудолюбивее и способнее к работе девка, тем выше ее достоинства в глазах Чуваш. На лета ее, на красоту тут не обращается ни малейшего внимания. Будь ей двадцать пять и даже тридцать лет, будь она *неуклюжее смертного греха* да только приобрети себе славу хорошей работницы, — у нее никогда не будет недостатка в женихах; за нею непременно станет ухаживать несколько отцов семейства, проча дорогую работницу за своих сынков, хоть бы последние годились ей чуть ли не в детки. До обнародования ныне действующего узаконения о летах, какие должны иметь жених и невеста, пятнадцатилетние мальчишки сплошь да рядом

женились на тридцатилетних дульцинеях. Не подумайте однако же, чтобы при этих случаях могли иметь у Чуваш какое-нибудь значение известные стихи:

Увивается мальчишка
Вкруг старушкиной казны... и проч.

За чувашскою невестою никогда не дается в приданое ни копейки деньгами. Напротив жених или отец его должен по татарскому обычаю платить отцу ее *калым*, простирающийся иногда до 200 рублей и более, смотря по достоинствам невесты.

Но само собою разумеется, не каждый Чувашенин столько богат, чтобы вдруг найти у себя нужное количество денег и для уплаты калыма, и на свадебные издержки, а каждому нужна в домашнем быту помощница. Что прикажете делать в этом случае? как пособить горю? — Ответ очень простой: — *украсть невесту*. И действительно, кража невест с незапамятных времен употребительна у Чуваш. — Церемонии, которыми сопровождается брачное торжество, когда жених заплатит калым за невесту и когда невеста бывает краденая — совершаются неодинаково. Чем первые начинаются, тем последние оканчиваются. — Но прежде, чем стану описывать эти церемонии, считаю нужным сказать Вам несколько слов о так называемом воровстве невест, чтоб Вы, соблазняясь словом кража, не подумали, что здесь совершается нечто вроде ловли африканских дикарей, или, пожалуй, в виде классического похищения Сабинянок. Бога ради, не думайте этого. Здесь не бывает даже и того, что совершается в просвещеннейшем Великобританском государстве, в пресловутой деревне *Гретна-Грин*, где какой-нибудь кузнец либо трактирщик, пользуясь мраком одной статьи шотландского канонического права, венчает молодых людей без согласия их родителей, венчает, не требуя на то законных свидетелей и поручителей и не имея ни малейших прав совершать одно из таинств христианской церкви. — Чуваши, говоря собственно, воруют не невест, но калым, который должны бы заплатить за них[1]. На нарушение права калыма, как чисто татарского обычая, и светское, и

[1] Да и то не *весь*. После брака молодой непременно заплатит хоть половину калыма, если намерен получить все приданое, какое отец предназначил своей украденной дочери.

духовное наши начальства доселе смотрят безразлично. И это совершенно справедливо; потому что и в русских свадьбах дело редко обходится без купли. Чувашские женихи покупают невест; но зато, увы! русские невесты очень и очень часто покупают себе женихов. Очевидно, это крайности, равно унизительные как для прекрасного, так и для не прекрасного пола.

Притом прошу Вас заметить, что ни один Чувашенин не решится на кражу невесты без согласия своих родителей или (если их уже нет) ближайших родственников. И Чувашка не позволит украсть себя без преливинарных переговоров и статей. Следовательно, у жениха и невесты в этом случае *с вечера бывает дело смечено*. Всего удобнее уладить это дело весною и летом, когда родители и родственники находятся в поле, на работе, а сами девушки имеют притом особенные обязанности, исключающие их из участия в полевой работе. Девка, напр., идет в лес за снитью, либо за борщовником, либо за ягодами, отделяется от своих подруг, заходит в глушь, где ожидает себе богатой добычи. Тогда является пред нее издали следившая за нею сваха, заводит речь о достоинствах и богатстве жениха, которого она хотела бы избрать для нее, бранит родителей ее за то, что они долгое время удерживают ее от счастливого замужества единственно для своих выгод и в надежде получить за нее *большой* калым, и, наконец, со всем красноречием московской просвирни изображает, как было бы выгодно нашей красавице вступить в брак с таким-то женихом, как богата его семья, как он сам работящ и тороват. Редко случается, чтобы чувашские дульцинеи, особенно зрелые, не увлекались этим красноречием. Большею частию они дают tacitum consensum, но с возможною внимательностию слушают свах, когда те назначают время и место, где жениху хотелось бы видеть свою избранную и поговорить с нею о деле. Избранная идет на предложенное ей любовное свидание. Но вместо любовных объяснений жених и его товарищи, скрытно поджидавшие ее в назначенном месте, схватывают бедняжку без церемонии и сажают в кибитку, запряженную лихою тройкою и до того времени спрятанную где-либо в захолустье. Жених надевает тогда приличный случаю костюм, садится с некоторыми из товарищей на приготовленные для того нарочито верховые лошади и конвоирует поезд своей невесты. — Между тем отец его и заранее подо-

бранные для спроса поручители с рукоприкладчиком хлопочут уже на селе о составлении обыска. Священно-церковнослужители вельма редко имеют возможность прежде совершения брака[2] догадаться, краденая ли невеста, или купленная. Большею частию это обнаруживается уже после брака, когда отец и родственники невесты, узнав об ее похищении, прискачут в село. Тут начинается у них побоище с жениховыми родственниками и поезжанами. Но не опасайтесь за его слишком вредные последствия: расквасят носа два-три, вставят с обеих сторон несколько фонарей под глаза, махнут по разу друг друга под микитки — и баста! это только *церемония*. По окончании ее, обе враждебные партии дружно отправляются в питейный дом и упиваются там *до бессмертия*, как выразился мне один экс-дьячок, Николай Дмитрич, проживший 70 лет среди Чуваш, и едва не отвыкший от русского языка.

— Неужели же тем дело и кончается? — спросил я у Николая Дмитрича, который, надобно сказать правду, всегда присутствует при подобных случаях, чтобы поживиться даровым стаканчиком...

— *Ах тада* (вот еще)! Ведь эти мошенники (провал бы их взял!) — горланят и дерутся только для виду. Ну, выпьют по нескольку добрых красоулей да учредят, как свадьбе быть по-ихнему, как соблюсти старые законы и обычаи, и начнут с благопристойного начала чувашской свадьбы. Укравший невесту вместо обычного сватовства, договаривается с отцом ее о части калыма, какую может ему внести, и как дело уладится, свадебное торжество пойдет своим порядком.

Благопристойное, по выражению Николая Дмитрича, начало свадебных церемоний и празднеств есть *сватовство* и *поезд*. Для первого Чуваши не прибегают подобно Русским к пособию свах. Обыкновенно отец или, если его нет в живых, ближайший родственник жениха отправляются к отцу невесты договариваться о калыме и приданом. В случае согласия сватья дают друг

---

[2] Считаю нужным заметить, что если бы родственники невесты приехали и прежде совершения обыска и брака, то и тогда ровно ничего не сделали бы и ни под каким предлогом не решились бы отнять похищенную красотку. Увести невесту от церкви по мнению Чуваш значит лишить ее доброго имени.

другу руки, отец невесты получает задаток калыма, назначается день брака и свадебного поезда. Обе стороны об этом счастливом решении извещают родственников и ближайших знакомых, прося их принять участие в предстоящем торжестве. И невестин и женихов отцы варят в изобилии пиво, покупают вино, стряпают лакомые чувашския кушанья.

В настоящее время чувашский поезд совершается не везде одинаково: инде бывают поезда *малый* и *большой*, — деление, которое прежде было вовсе неизвестно. Малый поезд есть просто поезд жениха и невесты со свидетелями в церковь для бракосочетания, поезд тихий, скромный, трезвый, не сопровождающийся никакими особенностями. По окончании бракосочетания, молодая едет в свой дом, а жених — в свой. Я думаю, что наше православное духовенство особенно содействовало и благоприятствовало учреждению этого *малого* поезда, заметив в *большом* некоторые следы язычества и не желая, чтобы таинство христианское совершалось над пьяными и при пьяных свидетелях. Это отделение христианского обряда и таинства от шумных оргий делает честь попечительности и заботливости духовенства о своей пастве.

Впрочем и теперь без большого поезда чувашская свадьба не может обойтись. Чувашенину отказаться от него или от какой-нибудь употребительной церемонии значит лишить себя чести в глазах всей Чувашландии. Большой поезд обыкновенно бывает через три, четыре, пять и даже более дней после малого. Я опишу его так, как многократно видал его назад тому лет 25, когда еще малый поезд только что начинал входить кое-где в употребление.

В назначенный день в домы жениха и невесты собираются гурьбою родственники и знакомые. Жених наряжается в лучшее свое верхнее платье, на голову надевает теплую шапку, хоть бы то было в самое жаркое время, на шею — бисерное ожерелье; без рукавиц ему также нельзя обойтись, а без увесистой нагайки — и подавно. По окончании всех церемоний он выходит со свитою из избы, садится на лошадь и распоряжается укладкою гостинцев или, лучше сказать, угощений для невестиной родни. На особую телегу ставят бочку пива

ведер в восемь или много в десять[3], около полведра вина и кожаную суму, наполненную лакомыми чувашскими яствами. Дружка, сваxи, родственники, товарищи жениха и неизбежный пузырщик *(шыбырзе)* встают в кибитки и отправляются вслед за женихом. Если Вы на селе или в поле встретите группу всадников и несколько кибиток, в которых мужчины и женщины едут не сидя, а стоя, при оглушительном звоне колокольчиков, с гайканьем, с песнями под игру на пузыре, знайте: это большой свадебный поезд.

Между тем, предваряя приезд жениха, невеста посещает своих родственников и знакомых и поет для них импровизированные прощальные песни. А отец или ближайшие ее родственники приготовляются к приему жениха и его свиты: выставляют на двор скамьи и стол[4] с питейными и съестными припасами. Приезжает жених. *Хыйматыг*, т. е. посаженый отец и вместе дружка, спрашивает у отца невесты позволения въехать на двор. Дело редко обходится без намеренных и, разумеется, притворных сопротивлений; но наконец решается — растворением ворот настежь. Жених и его родные троекратно объезжают назначенный для них почетный стол, каждый раз кланяясь вышедшим из избы почетным невестиным гостям; в последний объезд жених трижды ударяет нагайкою по назначенному для него месту в твердой уверенности, что средством этим отгоняет нечистого *(шойтана)* от пиршества. Когда женихова свита усядется вокруг стола, начинается угощенье.

В то время в избе невесты совершается особая церемония. Невеста, окончив прощальные визиты, снова начинает оплакивать каждого из своих гостей. Не утаю, что мне нередко удавалось видеть при таких случаях непритворные слезы невесты и замечать неподдельное, глубокое чувство в этих импровизированных элегических напевах девушки, прощающейся с своими родными. Жаль только, что излияния этой Naturpoësie оканчиваются возлияниями вовсе не эстетическими и со стороны невесты весьма не бескорыстными. Оплакав всех гостей, она подносит каждому из них по ковшу пива,

---

[3] Но уж никак не в *сорок*, как утверждает г-жа Фукс. Столь почтенной величины бочек никогда не бывало у Чуваш.

[4] Чувашские свадьбы почти исключительно бывают весною и летом, осенью же и зимою — весьма редко.

становясь притом на одно колено и оставаясь в этом положении до тех пор, пока подчуемый не опустит в *коргга* (ковш) денег, сколько ему заблагорассудится или сколько может. Это, очевидно, уже проза.

После того, как невеста угостит всех, находящихся налицо родных и знакомых и соберет с них приличную дань, *хыйматлыг* входит в дом невесты, которая быстро облекается тогда покрывалом и уходит за занавес, где сидят ее подруги. *Хыйматлыг* просит у отца и родных невесты позволения войти в избу жениху и его свите. Получив на то согласие, поезжане вслед за женихом входят в избу с открытыми головами: один жених не снимает ни шапки, ни рукавиц. Некоторые нарочно для того назначенные поезжане тотчас вносят в избу гостинцы жениха, т. е. все привезенные им съестные и питейные снадобья, и ставят их на находящийся близ двери стол, вокруг которого жених и его свита по-прежнему обходят трижды, каждый раз кланяясь родным невесты. Тогда жених начинает угощать всех присутствующих своими питьем и яствами. Впрочем, тут особенной с его стороны хлопотливости не требуется; гости сами подчуют друг друга; один черпает ковш пива и подходит с ним к другому, говоря: *тава сана*, т. е. здравствую тебе, или лучше: здоровье твое, потом выпивает сам ковш и тотчас же подносит другой ковш тому, за здоровье которого пил, и который, как бы ни был пьян, не может отказаться от потчевания.

Во время этих оргий невеста оканчивает свой туалет и свои сборы, свахи — так же. Последние надевают на себя синие суконные кафтаны, а чрез плечо — перевязь *(теветь)*, которая у богатых украшается бисером и серебряными деньгами, как-то: полтинниками, четвертаками и гривенниками, а у бедных — *тухланками*, т. е. тонкими оловянными или медными кружочками, издали похожими на золотые и серебряные монеты. По окончании всех приготовлений гости выходят и располагаются в своих экипажах, или садятся верхом на лошадей. Наконец свахи выводят из избы невесту. *Хыйматлыг* берет ее в охапку и сажает верхом на лошадь, в седло. Весь поезд трогается. За воротами невестиного дома, если она односельская с своим суженым, а если нет, то за сельскою или деревенскою околицею, жених подъезжает к невесте и, распахнув ее покрывало, зорко смотрит ей в лицо, а потом трижды очень плот-

но ударяет ее нагайкою. Это есть символическое действие, выражающее ту мысль, что жених будет глядеть в глаза своей суженой, т. е. любить ее, но что за непослушание будет взыскивать с нее строго, как ее господин и повелитель.

Если малый поезд уже был, то вся кавалькада отправляется в дом жениха, куда везут и все приданое невесты. Если же не был, то все гости за женихом и невестою едут в церковь для бракосочетания, по окончании которого над молодою совершается обряд *окручивания*. Свахи расплетают ей косу и вместо девичьего головного украшения — тохьи[5], — надевают на нее полновесную *хошпу*[6] и потом весь поезд отправляется в дом жениха. *Хыйматлыг* и свахи вводят в избу молодых, которые, переступив через порог, стоят с преклоненною головою. Нарочно приглашенный старик, *йомся*[7] (колдун, ворожея, мудрец), вооружившись, подобно всем прочим гостям, ковшом пива и взяв шапку под мышку, говорит приветствие наклонившимся пред ним новобрачным, желая им мира, согласия, богатства и вообще всякого добра. Выслушав то приветствие,

---

[5] *Тохья* — это татарская тюбетейка, конусообразная и притом с двумя ремнями, застегивающимися под подбородком. Верхние части его бывают вышиты шерстью и бисером, а нижние — украшены серебряными деньгами. Тохья — исключительно девичий наряд.

[6] *Хошпа* — головной убор замужних. Это кожаный колпак, имеющий цилиндрическую форму, без верхней покрышки. К хошпе, также как и к тохье, пришиваются по бокам два ремня, которые, как у солдатских киверов, застегиваются под подбородком. К задней части хошпы притягивается унизанный медными бляхами и разноцветным бисером ремень шириною в четверть, а длиною он должен быть ниже пояса Чувашки. Верх хошпы унизывается у бедных Чувашек пятью или четырьмя рядами тугланок и одним рядом мелких серебряных денег; у богатых же вся хошпа бывает унизана шестью рядами серебряных денег, сначала гривенниками, потом пятиалтынными, двугривенниками и т. д., до целковых, которыми оканчивается шестой и последний ряд. Ремни хошпы, идущие к подбородку, также украшаются серебряными монетами.

[7] *Йомси* есть необходимая принадлежность чувашских свадеб, подобно тому, как наши колдуны, кудесники, знахари приняты за необходимую принадлежность свадебных пиршеств у нашего простонародья. *Йомси* — выродки древнего языческого жречества. Им Чуваши отдают необыкновенный почет, потому что и теперь еще верят в их сверхъестественное могущество, полагая, будто в их власти извести молодого или молодую, воспрепятствовать им в достижении супружеской цели, лишить их вообще мирного сожития, довольствия, счастия и проч.

молодые отходят к печке; новобрачная, все еще находящаяся под покрывалом, делает ей низкий поклон, приветствуя в ней будущее поприще главнейших своих занятий. — Затем начинается церемониал снятия с молодой покрывала. Ближайший родственник новобрачного[8] берет в руки суковатую ветвь[9] и с нею при музыке, при единогласном всех гостей гайканье и хлопанье в ладоши пляшет от порога до передних нар вприсядку и, подошед к молодой, дотрагивается этой веткой до ее покрывала; повторяет ту же операцию в другой раз; наконец, в третий раз, зацепив покрывало суком ветки, стаскивает его с невесты и на время выходит с ним из избы. — Тогда новобрачных ведут за стол и покрывают их головы войлоком; на стол ставят горячую яшку: каждый из гостей подходит к этому кушанью, и, почерпнув полную ложку яшки, да чуть прихлебнув, бросает остальное на головы новобрачных. Заметьте, что гости порядочно уже подгуляли: иной махнет и так, что попадет прямо в лицо молодой либо молодому, которые морщатся, кривляются, бранят втихомолку тех из гостей, которые разят им яшкой прямо в лицо; но несчастные не смеют выйти из-за стола, пока вся яшка на них не разбросана.

Затем следует новая церемония. Молодая берет коромысло с ведрами и, предводимая сестрою новобрачного[10], идет по воду. Подошед к речке или ключу, из которого местные обыватели пользуются водою, она кланяется речке или ключу и, почерпнувши воду, ставит ведра на землю; а золовка, толкнув их ногою, проливает воду. Та же церемония и в другой раз. Наконец, зачерпнув воду в третий раз, она дарит золовку либо деньгами, либо какою-нибудь ценною для молодой Чувашки вещью. Умилостивленная этим золовка не препятствует уже снохе нести ведра до дому новобрачного[11].

---

[8] А не *дружка*, как говорит А.А. Фукс.

[9] У А.А. Фукс эта ветвь превратилась в *палку саженной величины*. (Зап. о Чув., с. 66). — Да такой палкой пляшущий и беснующийся родственник новобрачного мог бы и молодой, и многим из гостей выколоть глаза.

[10] А если нет у новобрачного замужней сестры, то ближайшая его родственница заступает ее место.

[11] У А.А. Фукс все это рассказано совершенно превратно. Где у нее стоит: *молодая*, там читай *золовка*, а где — *золовка*, там читай *молодая*, таких qui-pro-quo в ее описании Чувашских свадеб очень немало. (См. Зап. о Чув., с. 66, 67).

Имеет ли какое-нибудь особое значение и назначение принесенная новобрачной вода, — этого я не знаю. Знаю только, что непосредственно за принесением воды, молодых отводят в клеть на брачное ложе.

Гости пируют между тем в избе, а свахи поют и пьют около клети, где положены новобрачные. Как скоро деревянная, довольно хитро устроенная запорка клети отопрется, свахи, дружка и поддружье входят к молодым. Если молодая оказалась невинною, то поддружье тотчас же берет signa ее innocentiae, торжественно вносит их в избу и с отчаянным удальством пляшет, показывая эти signa всем родным молодого и молодой[12]. Спустя несколько времени, является и новобрачная в сопровождении свах; левая рука ее обвита холстом, на правой лежат подарки для ближайших родных молодого: вышитые мелким бисером или разноцветными шерстями рубахи и сарпаны[13]. Вошед в избу, молодая как бы в доказательство того, что она лицо домашнее, становится у печки, уже не кланяясь ей. Одна из свах наливает в ковш пива и передает его молодой, а та с низким поклоном подносит его сперва свекру, а потом и прочим гостям. В то же время она раздает всем родным своего мужа приготовленные для них дары. Все не только одаренные молодою, но и удостоившиеся чести получить от нее ковш с пивом, кладут в него по нескольку монет[14] медных или серебряных. Потом на несколько дней начинается пир на весь мир, уже не в одном жениховом, но в нескольких родственных ему домах.

Описывать эти пиры нет никакой надобности: Чуваши пьют, едят и потом спят, и потом опять едят, пьют и спят... Я лучше расскажу Вам один анекдот. Один

---

[11] Еще *Миллер* (в своем «Описании живущих в Казанской губернии народов») заметил, что «из всех здешних инородцев одни Чуваши ценят девственность новобрачной». — Миллеру сказывали даже, что если невеста чувашская оказывалась *несохранною*, то дружка, взявши ковш, проверчивал на дне его дыру и, зажав ее пальцем, подносил в ковше гостям пиво, а у тех — в рот текло, да не попало. — Все это, я полагаю, было справедливо лет больше чем за сто назад, когда знаменитый наш академик посетил Казань, возвращаясь из камчатской экспедиции. Но ныне — совсем не то. Теперь все чувашские, как и всякие другие выходящие замуж девушки — беспорочны.

[12] *Сарпанами* называются редко вытканные полотенца, которыми Чувашки, если не надевают хошпы, обвязывают свои головы.

[13] А.А. Фукс вовсе не справедливо говорит, будто молодая кладет в ковш с пивом свекру и гостям деньги. Напротив!

из наших близких и любезнейших товарищей, человек очень ученый и любознательный, раз как-то проездом остановился в чистопольской чувашской деревне. Дело было в *середу* и наш друг за неимением никакой другой провизии приказал для обеда сварить себе несколько яиц. В то время, как он занимался потреблением их, возвратившиеся с работы домохозяева начали преаппетитно хлебать молоко. Друг наш с свойственною ему набожностию напомнил Чувашам, что тогда был день постный — середа, и что грех есть скоромное в постные дни. — А сам ты что ешь? — спросил его один из них. — Да я Немец, — отвечал он. — *А мы Чуваши!* — Ученый и любознательный друг наш стал в тупик и ничего не мог возразить на этот весьма уважительный аргумент.

Анекдот этот я рассказываю Вам, почтеннейший А. И., для того, чтобы Вы в своих поисках и поездках по здешней губернии для собрания сведений о местных нравах и обычаях не попались впросак. А попадетесь, уверяю Вас, попадетесь, если не послушаетесь меня и станете в тупик с квадратом. Вот, наприм., Вы приезжаете в чувашское село и останавливаетесь в доме, где, положим, недели две тому назад была свадьба. Если там есть еще *юлашки* (остатки свадебного празднества), то молодая с преклоненною головою, и даже став на одно колено, непременно поднесет Вам ковш с пивом. Пиво Вы выпьете, я это знаю. А молодая, как Вы ни вертитесь, все будет стоять пред Вами, и чем дольше будет стоять, тем больше будут хохотать ее домашние. Видите, что Вы в критическом положении. Угодно ли, чтоб я вывел Вас из него и преподал Вам одно из моральных правил? — Извольте: положите в *корггу* — ковш, поднесенный Вам молодою, несколько денег, да поцелуйте ее, если она хороша. Вот и все! Видите, какой я нравственно-советодательный человек! Поищите такой морали у Шлейермахера, у Гегеля, у Шеллинга, у Ронге: право, не найдете!

Приняв к сведению и приложив к сердцу сообщенное мною Вам правило нравственной философии, Вы, надеюсь, не осердитесь на меня за то, что я описание других чувашских праздников отлагаю до следующего письма, тем более, что настоящее послание мое, как видите, довольно обширно. В следующем письме я поговорю между прочим о Чувашах как хлебопашцах.

IV

Прежде, нежели стану описывать Вам, почтеннейший Ал. Ив., чувашский *праздник Тора тыражин чуклес*, т. е. моление об урожае и за урожай хлеба, я считаю нужным сделать несколько сельскохозяйственных замечаний, могущих объяснить и причину, по которой тотчас за окончательной уборкой хлеба настает самый светлый и разгульный праздник для всей Чувашландии.

Кто бывал в чувашской стороне, тот не мог не заметить, что Чуваши смышленые, усердные, отличные земледельцы. Почти ни у одного из них не останется неудобренным его участок; ни один из Чуваш не потерпит, чтобы хлеб у него был сжат, свезен на гумно и обмолочен несвоевременно. В этом отношении они далеко выше здешних русских крестьян[1]. Заранее вижу

[1] Сами русские крестьяне не только сознаются в этом, но даже верят, будто Чуваши и Черемисы одарены чудною способностью еще осенью предсказывать, каков должен быть урожай следующего года. И действительно, у Чуваш от одного поколения к другому в точности передаются наблюдения над приметами и условиями бывшего в тот или другой год урожая или неурожая. Собрание этих наблюдений и составляет их агрономическую теорию. Иногда эта теория оказывается замечательно верною. Приведу пример. Лет пятнадцать тому назад приехал в одно чувашское село исправник, человек образованный и почти наизусть выучивший все бывшие тогда в ходу русские курсы науки Сельского Хозяйства. Он созвал к себе стариков, пожурил их за то, что у них доселе незасеяны озими, попросил на сходку местного священника, показал ему какую-то брошюру, в которой время посева ржи определялось с математической точностью, и пригласил его перевести во услышание стариков некоторые места из этой брошюры. Чуваши со вниманием слушали перевод священника и комментарий ученого начальника, и, покачивая головами, твердили: *сяпа, сяпа* (так, так!) В заключение исправник объявил, что он на обратном пути из Казани опять заедет в это село и строго взыщет с тех десятков, у которых поля окажутся незасеянными. Священник сам снимал около 40 десятин земли. Веря всему печатному, и, может быть,

Вашу улыбку, любезнейший Ал. Ив., вижу Ваше дружеское желание обвинить меня в пристрастии к моим полудиким приятелям... Но погодите: сначала выслушайте, а потом уже бросайте в меня камень осуждения... Что Чуваши, как земледельцы, усерднее, деятельнее, а, главное, смышленее здешних русских крестьян, — в этом удостоверит Вас уже и то обстоятельство, что последние, т. е., русские крестьяне, не пони-

---

желая подать пример своим духовным детям, он тотчас принялся за посев. — Исправник, возвращаясь из Казани, действительно заехал в то же село, и, узнав, что Чуваши все еще не принимались за посев, снова собрал стариков, разбранил их в прах за явное неуважение к его агрономическим теориям, назвал варварами, болванами, неспособными даже к тому, чтобы желать себе добра. — Как, бачка, себе добра не хотеть? Мы потому до сих пор и не сеяли, что добра себе хотели. — Как? Что? — спросил исправник. — Сеять-то, бачка, нельзя; по солнцу бы и можно, да примета дурная есть: беда выдет. — Какая примета? — Да много примет есть; нехорошо будет, если теперь посеем. — Да какие же, говорю я, приметы? — Да вот те, что еще старики наши от своих стариков слышали. — Напрасно исправник старался узнать эти таинственные приметы; на все его расспросы Чуваши отвечали ему: так, бачка, знаем, что нехорошо будет; отцы наши и отцы отцов наших так говорили! Пораженный уверенностию, с какою чуваши настаивали на своем, он перестал их понуждать. Спустя около недели по отъезде исправника из села, они принялись за посев, который по позднему времени и по многим другим неблагоприятным обстоятельствам, казалось, не обещал ничего доброго. — Но что же вышло? У Чуваш взошли озимые чудесные, а у священника зерно поел червь. — Множество примеров подобной сметливости этих полудикарей рассказывают живущие среди них Русские. Как люди, близкие к природе, Чуваши, подобно американским дикарям, инстинктивно, *чутьем* понимают ее и нередко предугадывают в ней такие перемены, которых никак не может предвидеть образованный человек, несмотря на изобретенные ни для того искусственные средства. В нынешнюю мою поездку в Чувашландию мне указывали на одного Чувашенина Айдаровской волости, по имени *Кирка Михаиа* (т. е. Михаила Кирилова), которому общее мнение Русских приписывает удивительную способность накануне предсказывать вепро или ненастную погоду следующего дня. Несколько раз я пытался поверять эту способность и спрашивал его, каков завтра будет день? Михалка посмотрит на небо, на лес, втянет в себя носом несколько раз воздух и ответит: *завтра будет ясная, хорошая погода* (хотя бы во время этого рещительного предсказания все небо покрыто было облаками), или: *завтра будет сильный дождь и гром* (хотя бы накануне небо было чистое и безоблачное), или: *завтра будет небольшой дождь с утра до обеденной поры* и т. п. — К удивлению моему, эти предсказания каждый раз исполнялись с совершенною точностию. Но Чуваши не находили в этом ничего удивительного. *Он узнал это от матери; у него мать была йомся*, говорили они мне, полагая, что в этих словах заключается самое удовлетворительное разрешение дела.

мая своих выгод и даже вопреки предписаниям начальства, ежегодно делят между собою земли на посев ярового и ржаного хлеба. «*Авось*, — думает себе русский человек, — на нынешний год достанется мне загон поближе к селу». Достаться-то, может быть, и достанется, да что толку в этом? Не зная, кому какой участок должен выпасть по жеребью, русские крестьяне и не думают удабривать свои поля навозом; они обыкновенно свозят его с дворов своих в ближайшие к селам овраги, отчего в русских селениях воздух в известные времена начинен бывает такими благоуханиями, что и не дохнешь. — Напротив, Чуваши делят свою землю на участки только после народной переписи и пользуются ими уже до следующей ревизии, если только в том или в другом семействе не произойдет убыли. Таким образом, Чувашенин смотрит на однажды доставшийся ему участок, как на свою по крайней мере двадцатилетнюю неотъемлемую собственность, и всегда тщательно удобряет его навозом, который нередко даже покупает у соседних русских крестьян, свозит с своего загона каменья, проделывает на межах канавки для стока воды, если загон расположен по низменному или покатому месту. Очень естественно, что такая заботливость всегда, за исключением общенеурожайных годов, оканчивается счастливыми последствиями и что у Чуваш хлеб вообще родится лучше и в большем изобилии, чем у Русских.

Еще больше деятельности и рвения оказывают Чуваши в уборке хлеба. К половине Сентября хлеб у них уже свожен с полей на гумна. В исходе Сентября и в Октябре месяце, который по-чувашски называется *авынъ*, т. е., овинный месяц, уже начинается и быстро идет у них к концу сушка и молотьба хлеба, для которой они спешат пользоваться каждым ясным днем, каждою светлою, безоблачною ночью. Овины чувашские устраиваются, как и у Татар, *шишами*, которые для безопасности от пожаров обставляются с той стороны, откуда дует ветер, широкими лубьями. У многосемейных или засеявших большое количество земли Чуваш бывает на гумнах по два, по три овина, и в многолюдных семействах весьма часто в один день оканчивается треховинная молотьба. К исходу Ноября каждым, даже самым ленивым и маломощным Чувашенином эта операция уже непременно бывает окончена: хлеб весь смолочен и убран в амбары. А это и есть эпоха, с которой начинается *кюр-сыры*, т. е. осеннее пивоварение и розго-

вение новым хлебом. Конец Ноября и весь Декабрь месяц изстари предназначены были у Чуваш для благодарственного богам жертвоприношения *(чук)* за разные их благодеяния, отчего Декабрь и доселе называется по-чувашски *чук-оих*[2].

Далеко не так деятельны Русские и Татары в уборке хлеба. У них обыкновенно по три, по четыре года и даже более хлеб лежит на гумнах немолоченный, в копнах, отчего, разумеется, и сырость много портит его, и мышь немало истребляет. Не думайте впрочем, что я хвалю Чуваш и их земледельческие достоинства, основываясь на каких-либо частных случаях, или на наблюдениях, сделанных мною только в некоторых чувашских и русских деревнях, или в пределах одного какого-либо уезда. Нет, леность и медленность русских крестьян и Татар в уборке хлеба и рьяная в этом отношении деятельность Чуваш составляют их общие относительные, характеристические свойства. Эти свойства могут послужить Вам признаком, по которому Вы легко отличите Чувашское жилье от русского и татарского. Я не шучу. Еще въезжая в село или в деревню, Вы и

---

[2] Замечательно, что чувашские названия месяцев *(оих)* указывают на работы и занятия, какия приличны тому или другому времени года. Исключение из этого правила составляют только три первые месяца по нашему счету, а именно Январь называется у Чуваш *мункырлач* (от *мун*, большой и татарского слова *кмырылакк*, все ниспровергать, низлагать, приводить в оцепенение, т.е. месяц, приводящий природу в сильное оцепенение), Февраль — *кизинь-кырлач* от *кизинь*, меньший и того же татарского глагола, т. е. менее оцепеняющий, менее морозный), Март — *корус-оих* (от древнеперсидского слова *науруе*, новый год, который, как известно, начинался у Персов с нашего 9-го марта). Но наименования следующих затем месяцев заключают в себе, так сказать, программу периодических занятий Чуваш. Апрель называется у них *пожа-оих* (от *пожа*, незанятый, свободный, месяц неземледельческий, свободный от земледельческих работ), Май — *агга-оих* (от *аггас*, сеять, месяц сеяния ярового хлеба), Июнь — *сю-оих* (от *сю*, лето, летний месяц), Июль — *хир-оих* (от *хир*, девица, месяц девичий, месяц свадеб, которые и действительно у Чуваш бывают большей частию в Июле) или также *уда-оих* (от *уда*, сено, месяц сенокоса), Август — *сюрла-оих* (от *сюрла*, серп, месяц жатв), Сентябрь — *шдине-оих* (от *шдинь*, лен, месяц, в который собирают лен), Октябрь — *авын-оих* (овинный месяц или месяц молотьбы), Ноябрь — *юба-оих* (от *юба*, поминки, месяц поминовения усопших), Декабрь — *чук-оих* (месяц жертвоприношений, чукления). — Год чувашский начинается с 15 Ноября, так что последняя половина Ноября и первая Декабря — *чук-оих* и т. д. Таким образом, *кюр-сыры* или праздник *Торо тыраджин чуклес* совпадает у Чуваш с празднованием их нового года.

в казанской, и в симбирской, и оренбургской губерниях заранее можете определить, кто в этом или в этой деревне, Русские ли, Татары ли, или Чуваши: Вам стоит только взглянуть на гумна. Если Вы в исходе Ноября или Декабря не заметите на гумнах ни одной хлебной копны, а только увидите воткнутый на верхушке каждого овинного шиша необмолоченный сноп[3]; то смело заключайте отсюда, что это селение чувашское, а не татарское и не русское. Если же на одних гумнах заметите копны необмолоченного хлеба, а на других одну солому и неизбежный сноп на верхушке шиша; то примите это за несомненный знак, что тут вместе с Чувашами живут либо Русские, либо Татары...

Само собою разумеется, что спешная уборка хлеба требует со стороны Чуваш напряженных усилий, труда неутомимого. И действительно, весьма часто случается, что Чуваши, пользуясь хорошею погодою, по двое, и даже по трое суток сряду проводят в работе на гумне, почти не смыкая глаз и едва успевая перекусить кое-что в немногие минуты выдающегося им досуга; зато по общему ходу дел человеческих чем больше маяты и труда, тем больше радости по его счастливом и успешном окончании. И Чувашенин естественно предается шумному веселью, окончив свои земледельческие работы и наполнив сусеки своих амбаров разного рода житом. Это веселье он обнаруживает разгулом и попойками на празднике *чукленья* хлеба.

Каждый «Василий Иваныч» счел бы себя величайшим грешником, если бы стал употреблять новый хлеб и новое пиво, не совершив предварительно *чукленья* или моления о хлебе. Это моление Чуваши производят не все вдруг, но поочередно и по предварительному взаимному соглашению[4]. К заранее назначенному дню определенное семейство из нового солода и хмеля в

---

[3] С незапамятных времен у Чуваш ведется обычай: окончив молотьбу, оставлять на шишах по одному необмолоченому снопу. Это жертва птицам небесным и вместе знак, что хозяин гумна кончил свои тяжкие работы и что добрый гость не будет ему в тягость, а напротив, доставит ему случай и удовольствие выпить с дорогим «досом» или любезным знакомцем лишний ковш пива, с обычным доброжелательным восклицанием: *таву сана* (здоровье твое!).

[4] В *Записках о Чувашах* (с. 71) говорится, что в хлебородные годы Чуваши начинают хлеб молить в деревне *все в один день*. — Это неправда. Кто не пригласит к себе на чукленье своих досов и прияте-

большом количестве варит пиво, покупает вино, — печет из новой муки хлеб, из новой крупы варит кашу, заготовляет прочие съестные припасы преимущественно из того, что родилось в этот именно год, созывает из своей и других деревень родных, досов и приятелей. Все приготовленные яства ставятся на большой стол, посреди которого горделиво красуется весьма почтенной величины кадка с пивом, называемая *лыэык лянггыс*. Как скоро соберутся все родные и все приглашенные знакомые, то старший в семействе берет со стола каравай хлеба и, держа его в правой руке, а в левой под мышкою — шапку, обращается к нарочно растворяемой на этот случай двери и открытому волоковому окну. Его примеру следуют и все присутствующие. Глава семейства читает благодарственную за урожай хлеба молитву Господу Богу и просит, чтобы Господь и на будущий год благословил труды их обилием, чтобы умножил их скот, чтобы ниспослал им вовремя и в меру дождь и свет и чтобы даровал бедному своему народу мир и тишину. Потом трижды осенив избу хлебом, глава семейства разрезывает его на кусочки, которые и предлагает всем присутствующим. Каждый обязан взять кусочек, одну половину его съесть, а другую бросить на печь. Та же история повторяется с *игечами* (сырцами), а затем с кашею, с тем только преимуществом в пользу каши, что каждый съедает целую ложку ее, а на печь не бросает. В заключение все по примеру старшего в семействе черпают из лянгыса пиво и с ковшами в

лей, тот и сам не будет приглашен. А у Чуваш без досов и приятелей и праздник не в праздник: хлеб в кадыке остановится, пиво и вино не войдет в горло. — Да и сама наша почтенная писательница немножко противоречит себе. На той же странице она говорит, что для моления хлеба, *вся родня собирается в избу к старшему в семействе*. А ведь весьма часто случается, что в целой деревне нет ни одного чужого человека: все родня между собой. По моему мнению, такую непоследовательность в повествования можно объяснить только предположением, что А.А. Фукс описывала чувашское чукленье со слов своего толмача *почтенного*, как она говорит, Йомси Андрея Васильича, который между тем был большой мастер, по знаменательному выражению Чуваш, *сэя-сэяс* (лгать с целью обмануть, надуть). Если бы он не был обманщик, то не захотел бы нашу писательницу и ее читателей привести к нелепому заключению, будто целая деревня, в которой все родня между собою, может ограничиваться чукленьем в одном доме. Хорош был бы праздник, да не чувашский!.. При том сама же А.А. Фукс говорит, что *во всяком доме нарострят из нового хлеба солоду, наварят пива* — для чукленья (с. 71). — Как же тут можно *всем* в деревне *молить в один день?!*

руках опять обращаются на восток с теми же благодарениями и молитвами к Господу Богу, к Божией Матери и к ангелам-хранителям, произнося в начале и в конце каждой молитвы: *пирин сылыгъане кайзяр, Тора, акбраг, сирлах*, т. е., остави нам, Господи, грехи наши, спаси и помилуй! Потом каждый, отлив немного пива в лянтыс из ковша, над которым совершал молитвословие, выпивает остальное. За этою трезвою и целомудренною частию празднества начинается уже шумная попойка, является соблазнитель-пузырщик и с ним песни, пляски — и пир идет горой.

Вот как в настоящее время Чуваши чуклеют или молят хлеб! Подобным же образом празднуют они благополучное окончание всякого вообще важного дела: только, разумеется, содержание молитв и благодарений бывает тогда иное, приноровленное к поводу празднества. Не спорю, что в церемониях чукления проглядывают еще следы языческого верования Чуваш, сюда относится, напр., составляющее, как по всему видно, необходимую принадлежность чукленья обращение молящихся на восток к дверям, а не к иконе, которую, впрочем, в темной, очень слабо освещенной, чувашской избе и рассмотреть довольно трудно. Но зато в самих молитвах и воззваниях, употребляющихся при чукленье, незаметно следов паганизма. Если угодно, то я, пожалуй, приведу Вам, любезнейший Ал. Ив., и пример для объяснения слова — чуклес. У русских простолюдинов казанской и симбирской губернии Вы можете услышать следующие, состряпанные по чувашскому синтаксису, фразы: *я уже молил малину; я еще не молил орехов, яблоков, арбузов* и проч. Что же у русских простолюдинов значит молить малину, орехи, яблоки, арбузы и проч.? Ни больше, ни меньше, как разговеться этими плодами, в первый раз в году отведать их, разумеется, предварительно перекрестясь и сотворив обычную молитву: *Господи благослови!* Равным образом и чувашское: *Тора тыражин чуклес* значит: помолясь Богу, в первый раз отведать нового хлеба и вдобавок погулять с радости о счастливом окончании тяжких трудов.

Но в старину иначе совершалось чукленье. В молодости мне случалось несколько раз видеть эту церемонию в ее, вероятно, старинном виде, с странною однакож примесью молитв, обращенных к христианскому Богу и к христианским святым. Оргии входили тогда в

самый состав обряда; благодарение воздавалось множеству языческих божеств. Йомси были совершителями молитвословия[5]. Поставив Чуваш строем перед растворенною дверью, йомся с вышеписанными мною обрядами читал молитвы над хлебом и вообще над снедями *Сюльди Торе* (Верховному Богу). Но как скоро доходило дело до молитв над пивом, то богов являлось множество. *Йомся* провозглашал благодарные молитвы богу верховному, матери богов, богу-творцу мира, богу-творцу душ, богу солнца, богине солнца, богу месяца, богу, открывающемуся в видениях пророческих, богу-раздавателю счастливых жребиев, богине-раздавательнице счастливых жребиев, богу грома и молнии, богу изобилия, богине земли, богу благодеяний, богу ветра, богине ветра, богу водяному, лесному, домовому, богу домашнего скота, богу дорог и проч... Потом йомся обращался с молитвами к разным кереметям, как-то: большой, средней, малой, серебряной, злой и проч., и проч. По возглашении молитвы *каждому* богу и *каждой* кереметь, йомся и все присутствующие кланялись, приговаривая: *сирлаг, амбраг* (помилуй и не оставь или спаси), а потом с восклицанием: *смелле*[6], пили по ковшу пива. Что люди пьют и пьют во имя Аллаха без счету, — это конечно еще не редкость. Но вот что редкость и что составляет замечательный пример самообольщения. Чуваши пили в твердой, непоколебимой уверенности, что это пьют не они,

---

[5] По старинному обычаю йомси приглашаются и ныне на все праздники, но только за уряд и из опасения, чтобы они не накликали какой-либо беды. Ныне они далеко не так сильны, как были прежде. Некогда они были и народными врачами, употреблявшими для лечения болезней разные симпатические, антипатические, феургические и другия средства, и жрецами, совершавшими общественное и частное богослужение, и советниками народа, и вождями его. Беда ли, бывало, постигнет Чувашенина, или нежданно-негаданно привалит к нему счастье, либо удача в сомнительном деле, — он сейчас с подарком к йомсе, а тот назначает ему, какое именно животное и где, дома ли или в керемети и какой именно, он должен принесть богоч умилостивительную, или благодарственную жертву. И ныне Чувашенин обращается к йомсе за советом в случае болезни, неурожая хлеба, падежа скота и т. п. Но йомси, из опасения видеть неисполненными свои приказания, уже не смеют и заикнуться о жертвоприношениях. Теперь они обыкновенно советуют ищущим их помощи *либо* сходить в село *Ишаки*, для поклонения тамошней чудотворной иконе Святителя Николая, либо поставить Спасителю известного достоинства свечу в приходской церкви.

[6] *Смелле* — сокращенное или, пожалуй, испорченное арабское: *бисмиллях* (во имя Аллаха)!

но сами боги и керемети. Еще не делая поклона богу, богине или керемети, они поднимали свои ковши с пивом, как будто подчуя кого-либо, и говорили шепотом: *она коргга барас* (ему или ей, т. е. богу или богине, надо дать ковш пива)! Если бы Вы стали уверять Чувашенина, что боги не принимают и не могут принять участия в его чукленье, что не боги, но он сам пьет уготованное для них пиво; то он насмеялся бы над Вами, как над человеком глупеньким, еще не способным понимать дела. Примеры такого странного самообольщения, без сомнения имеющего основание в тайных, либо затерянных верованиях народа, мы будем иметь случай рассказать еще раз, когда станем говорить о чувашском поминовении усопших... Извините за отступление, которое впрочем если не теперь, то после придется к делу. Продолжаю мой рассказ. — Перебравши всех богов, богинь и все керемети и выпив за каждого и за каждую по ковшу пива, молящиеся Чуваши в заключение обращались к иконе, прилепивши к ней восковую свечу; все присутствующие, сотворив крестное знамение, кланялись иконе, и йомся провозглашал: *вырыс Тора! сирлах, анбраг* (русский Бог! спаси и помилуй), *Тора Амыж! сирлах, анбраг* (Божья Матерь! спаси и помилуй), *Пилюхси Тора! сирлах, анбраг* (Божий Ангел! спаси и помилуй), *Тора Никола! сирлах, анбраг* (Бог Николай! спаси и помилуй). И за каждым возгласом следовало новое пивопитие. К концу церемонии многие из Чуваш уже едва держались на ногах. Повторяю, это были гнусные оргии, в которых религиозные действия и обряды смешивались с отвратительным пьянством. Если в нынешнем чукленье и проблескивают еще следы прежней религии Чуваш, то, по крайней мере, самый обряд молитвословия строго отделен от всего похожего на вакханалии. Немаловажно также и то, что в нем нет теперь прежнего смешения языческих божеств с христианским Богом, с христианскими святыми и что Святитель Николай не называется уже Богом.

В заключение считаю нужным сказать, что я описал старинный обряд чукленья, исключительно руководствуясь моими воспоминаниями, может быть, не во всех частях верными. В нынешнюю мою поездку в Чувашландию, сколько я ни старался поверить их с живою действительностию, — все было напрасно: Чуваши и теперь чуклеют, да не по-старинному! Как не позавидовать прежним путешественникам!..

V

Что значат по мифологии Чуваш все эти многочисленные божества, которым возносили моления во время чукленья? В каком отношении находились они друг к другу и к людям? Коротко, в чем главным образом заключалось древнее вероучение Чуваш? — спрашиваете меня Вы, любезный друг!

Отвечать на эти вопросы не так легко, как представляется с первого взгляда. У Чуваш не было ни религиозного законодателя, ни храмов, ни идолов, с которыми бы они неразрывно соединяли и от одного поколения к другому передали определенные религиозные понятия; у них не было и нет ни письменности, ни памятников древности. Народ этот долгое время был вовсе неизвестен и восточным, и западным историкам и географам; только в половине XVI столетия он вдруг явился в истории. По крайней мере известно, что имя *Чуваш* в первый раз упоминается в русских летописях только в 1551 году[1]. До этого времени ни греческие, ни западноевропейские, ни русские, ни арабские писатели, из которых особенно последние были издавна очень хорошо знакомы с здешним краем, не говорят об этом народе ни слова. Да и русские бытописатели с 1551 года вносят иногда в свои сказания Чуваш, уж конечно не

[1] Описав основание Свияжска (в 1561 году), летописец присовокупляет, что «*Чювашу* и Черемису, и Мордву, и Можаров, и Тарахановъ привели к правде». Карамзин, Ист. Гос. Рос. т. VIII, примеч. 232. — Карамзин упоминает о Чувашах еще под 1524 годом (т. VII., с. 128); но не сказывает, на каком основании он рядом с Черемисами, клявшимся в верности Сафа-Гирею, ставит имя и Чуваш. Вероятно, он употребляет его здесь per anticipationem. Впрочем о теперешнем названии Чуваш и об народных именах, под которыми они могли скрываться в наших летописях и у восточных писателей, я буду говорить особо.

для того, чтобы вдаваться в рассказы о «поганой и злочестивой вере» этого народа. Откуда же заимствовать сведения о ней?

Из преданий самого народа? Да, за совершенным отсутствием у него письменных памятников, предания народные должны бы быть важнейшим и первостепенным источником для составителя древней чувашской мифологии. Но на деле оказывается этот источник и мутным, и скудным, и вообще неудовлетворительным. Уже сто лет прошло, как Чуваши обращены в христианство. В это время, под более или менее сильным влиянием новой религии во многом должны были измениться и языческие их религиозные понятия; многие поверья должны были или остаться вовсе забытыми, или принять новую форму. Правда, что до двадцатых и даже тридцатых годов текущего столетия Чуваши были плохие христиане, но вместе с тем они были плохие ревнители и древней религии: обыкновенная участь тех народов, которые принимают новую веру не по убеждению, а из корыстных видов[2], и у которых индифферентизм или совершенное равнодушие и к прежнему, и к новому вероучению питается и поддерживается грубостию, невежеством, всецелым погружением массы народа в быт материальный, в жизнь для удовлетворения одним животным потребностям. Долгое время Чувашенин не сознавал противоположности между обеими своими верами; внешние обряды той и другой он безразлично исполнял потому единственно, что считал это средством к достижению корыстных, материальных целей, каковы, напр., предотвращение от себя известных болезней, испрошение у неба плодородия, богатства и проч. Молясь в случае нужды богам языческим, он молился и Богу христианскому. Отправляя вместе с Русскими христианские празднества, не пи-

[2] Меры, употребленные для обращения их, были следующие: сначала указом 1743 года все принявшие и имеющие принять крещение освобождены от мурз, господ своих; всем таковым же, живущим по крепостям у заимодавцев, в уплату по заемному письму, сочтена служба заимодавцу с оценкою каждого года в 5 руб. Потом предоставлена была крестившимся свобода от податей, которые и за принявших христианство собирались с некрещеных. Наконец, положено было желающим принять крещение выдавать единовременную денежную награду. Разумеется, что при этом случае Чуваши крестились в разных местах раза по два и по три (См. Дневные Записки путешествия Ив. Лепехина, ч. 1, с. 168).

тая ни особенной любви к древним, ни особенного отвращения к новым верованиям, Чувашенин, так сказать, механически перенимал от Русских некоторые их религиозные понятия, привыкал обращаться с молитвами к христианским святым, особенно и достойно чествуемым нами, и постепенно забывал, или по крайней мере исключал из своего молитвословия многие даже весьма значительные в древней мифологии божества. Так, еще в семидесятых годах прошлого столетия выброшены были из употребляемых при жертвоприношениях молитв имена даже принадлежавших к высшему разряду (к числу небесных) божеств, каковы например: *алык азягган* или *озян* (страж жилища богов и блаженных духов, до слова: отворяющий двери)[3], *хурбан* (бог жертв, т. е. бог, который переносил на небо молитвы, возносившиеся людьми при благодарственных и умилительных жертвоприношениях и которому в старину приносилась жертва *прежде* всех других богов) и некоторые другие[4]. Вообще число языческих божеств, к которым Чувашенин обращался с молитвами, уменьшалось по мере того, как он узнавал новые предметы поклонения в лице того или другого христианского святого мужа. Конечно, и этим сделан был уже важный шаг к изменению его древнего вероучения. Но еще более должны были измениться старинные верования его, когда стечение разных обстоятельств, а особенно последовавшее в начале текущего столетия строгое воспрещение языческих жертвоприношений и обрядов, вывели его из безразличного положения в отношении к обеим религиям. От ознакомления с христианскими верованиями у Чуваш (хотя и не все они приняли крещение) многие языческие божества получили совершенно другое значение, нежели какое они имели прежде: с именами их стали соединять почти такие же понятия, какие мы соединяем с именами ангелов и некоторых угодников божиих. Вот несколько примеров: *люлюхси* (древний бог-раздаватель счастливых жребиев и внешних благ) в вероучении Чуваш, еще приверженных к язы-

[3] Ныне титул этот многие из Чуваш приписывают апостолам Петру и Павлу, как хранителям ключей царствия небесного.

[4] В статье о *Чувашах*, писанной во второй половине прошлого века и помещенной в Северном Архиве за 1827 год (час. 27), о божествах этих нет и помину. Память об них сохранилась в темном преданиии некрещеных Чуваш, которые впрочем ни жертв им не приносят, ни имен их не призывают в своих молитвах.

ческим заблуждениям и тайно враждовавших против новой религии, незаметно сделался почти тем же, чем у христиан — Архангел; *пигамбар*[5] (бог, сообщающий видения пророческие и вообще раздающий душевные дарования) превратился у одних во что-то похожее на Георгия Победоносца, а у других — на Илию пророка; понятие о *сюльди-тор-аныш* (верховной богине, матери богов) перенесено на Пресвятую Деву; понятие о *тор ира* (бог благодеяний) — на ангела-хранителя и т.д. — Что же отсюда следует? То, что не только теперь между Чувашами Вы не найдете ни одного знатока их *древней* религии, но не нашли бы и двадцать, даже тридцать лет тому назад. И так если бы мы на основании *предания*, или по *теперешним* понятиям тех крещеных Чуваш, которые в душе еще расположены к древнему паганизму, составили себе понятие о их мифологии, то без всякого сомнения это была бы только *слабая* тень *древней* их мифологии: она не имела бы ни смысла, ни значения старинного вероучения Чуваш.

Но не сохранились ли, спросите Вы, древние предания и верования у Чуваш некрещеных? — Не могу отвечать на этот вопрос утвердительно. Я имел случай толковать о религии с некоторыми из них; но кроме давно известных верований и темных преданий о трех божествах, которых имена были мне неизвестны и о которых буду говорить в своем месте, — я не мог узнать от них ничего особенного. Ритуальные какие-либо особенности, может быть, у них сохранились от древних времен, но догматические верования — едва ли. В этом я убежден между прочим и свидетельством достоверных людей, имеющих частные сношения с Чувашами, еще непросвещенными или только недавно просвещенными христианством. Число некрещеных Чуваш с половины прошлого века было вовсе незначительно в сравнении с целою массою народа[6]. Естественно, что

---

[5] И *пюлехси*, и *пигамбар* в самой древней мифологии Чуваш, еще до сближения их с христианскими понятиями, имели вовсе не то значение, какое получили впоследствии. Что первоначально *пюлехси* был бог податель внешних, а *пигамбар* — внутренних, душевных благ, — это подтверждается отчасти этимологическим производством и первоначальным значением их названий, о котором я буду говорить в своем месте, а отчасти свидетельством лиц, живших во времена, близкие к эпохе обращения Чуваш в христианство.

[6] И до 1830 года в казанской епархии (т. е. в губерниях казанской и симбирской) число некрещеных Чуваш не восходило выше 4250

они жили и живут одною жизнию с этою массою и что их религиозные понятия подвергались тем же изменениям, какие испытали на себе верования их крещеных единоплеменников. Притом не надобно упускать из виду и того, что язычествующие Чуваши ничуть не отличаются особенною привязанностию к своей вере, от которой не отрекаются только потому, что одному запрещает это отец, другому — старуха-мать, третьему — опасение быть изгнанным из родины, отделенным от родственников и тому подобные чисто внешние, а отнюдь не внутренние побуждения. Один из чувашских священников симбирской епархии, имеющий в своем приходе и новокрещеных и старокрещеных Чуваш и хорошо знакомый с их язычествующими единоплеменниками, пишет ко мне, что крещеные Чуваши, по его замечанию, ни теплы, ни холодны к своей языческой вере, новокрещеные оказывают к ней глубокое, искреннее отвращение, но между старокрещеными есть еще, хоть немного, тайные ее приверженцы... Может быть, отзыв моего ученого корреспондента о старокрещеных Чувашах не совсем беспристрастен; но то, что он говорил о новокрещеных, подтвердили мне и некоторые другие Чувашские священники, с которыми я или лично беседовал, или входил в письменные сношения об этом предмете. Конечно, у необращенных в христианство Чуваш понятия Бога не так чисты, как у тех, которые совершенно оставили языческия заблуждения; но никак нельзя сказать, чтобы они были ближе к древнему вероучению, чем понятия, господствовавшие у крещеных Чуваш в конце прошлого и начале текущего столетия. Другими словами: понятия эти ни языческие, ни христианские, но походят на те и другие, приближаются к ним, потому что составлены из смеси языческих и христианских элементов. А строго отделить эти элементы один от другого, показать, что принадлежит в них древнейшему вероучению и что принесено в них вновь влиянием христианства, — дело мудреное и даже

человек. Но в этом году знаменитый иерарх наш, преосвященный Филарет, архиепископ казанский и симбирский (ныне митрополит киевский) обратил в христианство и крестил 2268 человек. Пример благочестивого пастыреначальника нашел подражание и в подчиненных ему служителях алтаря, с успехом продолжавших и продолжающих начатое им дело. Теперь из 300000 человек Чуваш, живущих в Казанской губернии (по 8-й ревизии), едва ли осталось некрещеных до 2000 человек.

невозможное, если не сыщем надежного руководителя. Выходит, что и предания некрещеных Чуваш составляют очень скудный источник для того, кто хотел бы приобресть себе понятие об их старинной вере. Где же искать верных и несомненных источников?..

В авторах, — подсказываете Вы, любезный друг, — в авторах, писавших о Чувашах! — Последуем вашему совету: посмотрим, — я хотел сказать, — послушаем, что скажут они нам о древней религии Чуваш, а мимоходом выскажем наше мнение о достоинстве и других сообщаемых ими сведениях об этом народе... Но не пугайтесь, любезнейший Ал. Ив., я буду так беспримерно добр, так обязательно учтив, что не позволю себе вдаваться в подробный пересмотр старого хлама, т. е. писаний давно минувших дней: время мне подумать наконец de captatione benevolentiae, о снискании благосклонности читателей...

VI

...Самых интересных сведений о Чувашах вообще и об их древней религии в особенности следовало бы конечно ожидать от тех авторов, которые до 1743 года изучали и описывали этот народ. Они легко могли узнать его первоначальные верования, ознакомиться с его демонологиею, подвергнуть наблюдению сохранившиеся отдаленной древности его обычаи, обряды, нравы и передать нам самое удовлетворительное их описание. Я говорю: *могли* передать, но передали ли — это другой вопрос, на который едва ли приведется нам отвечать утвердительно.

Нам известны только два описания Чуваш, составленные ранее 1743 года, т. е. до обращения этого народа в христианство.

Первое из них принадлежит *Страленбергу*, Шведу, который взят был Русскими в плен, если не ошибаюсь, в Полтавской битве, и в плену составил историческое описание северной и восточной части Европы и Азии. Здесь не место входить в рассуждения о том, до какой степени был справедлив *Шлецер* отподчивавший этого Шведа не совсем ласковыми и даже немножко крепковатыми эпитетами[1]. Страленберг мог, конечно, наделать много ошибок в русской истории и статистике; но мог говорить и правду в этнографии России, мог верно описать те народы, которые видел лично и к числу которых между прочими принадлежат и инородцы здешней губернии. Потому мне кажется, что вовсе неосновательно поступали те писатели, которые без разбора осуждали наповал все сведения о Чувашах, сообщаемые Страленбергом. Так, автору *Записок о Чувашах*,

[1] См. Нестор. Ч. I. Введ. Отделен. V. с. 144.

не потрудившемуся даже рассказать, в чем заключаются известия Страленберга об этом народе, угодно было назвать их *содержащими в себе одно пустословие*[2], — суждение, кажется, уж слишком поспешное, ничем не доказанное и притом очевидно повторенное с голосу других. Очень сожалею, что у меня нет теперь под руками немецкого подлинника Страленбергова; но, сколько могу судить по сокращенному французскому переводу его исторического описания Российской Империи, — Страленберг *пустословит* на счет Чуваш не более прочих писателей XVIII и даже XIX века[3]. Скажу более: те именно пункты его известий, которые наиболее подвергались осуждению последующих писателей, — оказываются совершенно справедливыми. Так, напр., многие, по уверению Лепехина[4], находили ложным его сказание о том, что Чуваши подобно последователям Зароастра обожали солнце, луну и прочие светила небесные и вообще видели в свете высочайшее существо и поклонялись ему, не имея у себя ни храмов, ни алтарей, ни кумиров. Мы увидим впоследствии, что эти сказания Страленберга точно имеют свое основание в древних верованиях Чуваш и что они для разъяснения первоначальной жизни этого народа гораздо важнее многих широковещательных и многошумящих рассказов о нем позднейших писателей. Миллер заносчиво преследует Страленберга почти на каждом шагу и, думая обличать его ошибки, ошибается сам. Сказание, напр., Страленберга о том, что язычествовавшие Чуваши имели некоторые понятия о Христе и что они не без сознания отправляли вместе с Русскими важнейшие христианские празднества, как-то: Рождество Христово, Пасху, Благовещение, Пятидесятницу и Николины дни, — Миллер признает совершенно неосновательным и — ошибается, потому что страленбергово известие подтверждается и свидетельством других писателей, напр. Лепехина и Рычкова, и примером теперешних некрещеных Чуваш. В такого рода ошибки Миллер попадает очень часто. Вот еще подобный случай. Страленберг пишет, что Чуваши на деревьях керемети вместе с кожами вешают и кости жертвенных живот-

---

[2] Зап. о Чуваш. и Черем. С. 123.

[3] Description historique de l'Empire Russien. 1757. Tome 1. p. 278, 280, tome II. p. 152.

[4] Дневные Записки путешествия Ив. Лепехина. Ч. I С. 166.

ных. Миллер, напротив, утверждает, что *все* кости жертвенных животных, а по показанию г-жи Фукс[5], даже и шкуры их, *всегда и непременно* сожигались. Оказывается, что Страленберг прав, а Миллер и г-жа Фукс — не совсем. Чуваши точно вешали на деревьях кереметей кожи, снятые с *лошадей*[6], принесенных в жертву; при коже оставались непременно все головныя *кости*, грива, хвост и *ноги* лошади. — Вообще полемика Миллера против Страленберга неудачна. Это однако же не значит, чтобы мы находили удовлетворительными сказания Страленберга. Ничего не бывало: мы считаем их очень скудными, неполными, недостаточными. Но совершенно ложными мы признаем у него какие-нибудь два или три известия; напр., сказание о том, будто Чуваши строят свои домы дверями на полдень, или о том, будто у них когда-то существовала самобытная письменность, на истребление которой, по словам Страленберга, указывает народная поговорка: *книги корова съела* (книге-зане и-не сийза питерны). Не забудьте притом, что у других писателей о Чувашах ошибки считаются не единицами, как у Страленберга, а десятками.

Другой автор, описывавший Чуваш до обращения их в христианство, есть известный историограф наш Г. Фр. *Миллер*. Возвращаясь в 1743 году из ученого путешествия по Сибири, он на несколько времени остановился в Казани, собрал несколько сведений об инородцах здешней губернии и составил сочинение под заглавием: *Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: Черемис, Чуваш и Вотяков*, напечатанное сначала на Русском языке в его журнале: Ежемесячные Сочинения, к пользе и увеселению служащие (1756 года, за месяцы июль и август), потом на Немецком языке (в Sammlung Russischer Gesichte 1758, I t. III), и наконец в 1791 году особою книжкою со многими поправками против прежнего издания. В этой книге, говоря строго, мы не многое должны признать при-

[5] Записки о Чувашах, с. 22.

[6] Кожи других жертвенных животных — быков, коров, овец — Чуваши иногда оставляли на время в кереметях, а иногда тотчас же уносили с собою домой и продавали на базарах, а на вырученные деньги покупали ножи либо котлы для употребления в кереметь, соль, муку, медь, и т. п. припасы, для будущих жертвоприношений. — Черемисы никогда не продавали жертвенных кож; они хранили их у себя, как святыню.

надлежащим Миллеру: он без разбору вносил в нее все, что слышал от толмачей, данных ему из здешней губернской канцелярии. Результатов, личных наблюдений автора здесь почти вовсе не видно. По крайней мере, сведения о Чувашах он заимствовал исключительно из рассказов толмачей: он сам признается, что ни в одной чувашской деревне не был. И не странно ли, что собранные таким образом сведения, естественно не полные и во многих отношениях неверные, у нас долгое время пользовались вовсе незаслуженною честию неоспоримого авторитета, и что позднейшие писатели очень часто целиком повторяли слова Миллера, хотя для того, чтобы видеть их несправедливость, нужны были не особенная проницательность, не особенное остроумие, не особенная наблюдательность, а просто здоровые чувства зрения и слуха — и только?.. Вся брошюра Миллера разделяется на *восемь* глав. *Первая* из них под заглавием: *О жительстве Черемис, Чуваш и Вотяков*, представляет географический очерк местности, занимаемой этими народами, — очерк весьма неудовлетворительный. Так, напр., автор говорит, что *жилища этих народов простираются до 200 верст выше и ниже города Казани.* — Очевидно ему неизвестно было, что Чуваши живут не только в нынешних губерниях нижегородской, казанской, оренбургской, симбирской, но и в губерниях саратовской и пензенской. Кажется, что Чуваш, живущих ниже Симбирска в нынешних губерниях симбирской, саратовской и пензенской, он считал Мордвою. *Во второй* главе говорится *о телесных и душевных дарованиях* Черемис, Чуваш и Вотяков. Душевные или нравственные свойства их автор ценит чохом, гуртом: все упомянутые народы, по его словам, одинаково тупоумны, крайние невежи, к порокам весьма склонны, воры, отчаянные разбойники, горькие пьяницы. Но во внешних свойствах Миллер находит разницу между ними: *у Вотяков*, говорит он, *волосы темноватые, как и у Чухонцев, а у Чуваш почти у всех желтые или рыжие; бороды у последних продолговаты клином.* Замечательно, что и г-жа Фукс горько сетует о том, *что не только у Чуваш, но и у Русских, живущих в соседстве с Чувашами, она не нашла ни одной окладистой бороды, что бороды у них маленькие, клочком, составленным из несколько волос*[1]. — Я не спорю за нравственные качества, которые

[1] Записки о Чувашах, с. 11.

Миллер приписывает Чувашам наравне с Черемисами и Вотяками, хотя и не могу умолчать, что этот грозный и гуртовой суд нашего автора основан не на изучении своего предмета, а просто на одних слухах и толках, принятых мимоходом, без всякой поверки, без всякого соображения с действительностию. Но за волосы, за бороды Чуваш, как за вещи очевидные, для верного описания которых не требуется, слава Аллаху, ни особенного изучения, ни особенной наблюдательности, — я объявляю решительную войну и Миллеру, и г-же Фукс, и во услышание всех читателей Вашей газеты утверждаю, что у Чуваш волосы большею частию черноватые[8] или темно-русые, что рыжие между ними чрезвычайно редки, что истинно чувашская борода есть темно-русая, густая и довольно окладистая, что у них весьма часто встречаются бороды, от густоты волос свивающиеся прядями, наподобие заплетенных кос, — и это почитается у Чуваш, как и у Русских простолюдинов, признаком особенного благоволения домового. — В *третьей* главе автор описывает одежду Чуваш, Черемис и Вотяков, упоминает о *тохье*, называя ее *чепцом* (?), *хошпе, сарпане, тевети*. В этой главе мне особенно бросилось в глаза два сказания: *во-первых*, автор говорит, что у *Чувашек, как и Черемисок, рубахи вышиваются по подолу*. Это справедливо, но не совсем. *Рубашки* Чувашек всегда бывают вышиты разноцветными шерстями, либо шелком и бумагою и по подолу, и около шеи, и около груди. У девок на груди бывает одна вышивка наподобие креста с венком, а у замужних женщин — две. *Во-вторых*, Миллер утверждает, что *Чуваши ни в чем не разнятся от Черемис, живущих в Козьмодемьянском дистрикте*. Г-жа Фукс вероятно со слов Миллера пишет, что *никак* (?) *невозможно* (sic!) *путешественнику вдруг отличить Чуваш с Черемисами* (т. е. от Черемис), *ни мужчин, ни женщин по их наружности и костюму*[9]. — Помилуйте: отчего же невозможно? У Чувашенина кафтан (сукман) всегда серый, а онучи черные; у Черемисинина — кафтан белый, да еще с откидным воротником, и онучи тоже белые: вот вам и самый верный и

[8] Скромность побуждает меня сознаться, что не я первый открыл черноватые волосы у Чуваш. За 80 лет ранее меня Паллас сказал: Man sieht auch bey den Tschuwaschen keine lichbraune oder rothliche, sondern durchgängig, wie bey den Tataren, schwärzliche Haare. — Pallas: Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. 1-r Th. S. 87.

[9] Записки о Чувашах и Черемесах, с. 203.

весьма неголоволомный признак, посредством которого весьма легко можете отличить Чувашенина от Черемисинина. Я уже не говорю о разнице в женских костюмах и в физиономии того и другого народа. — *Четвертая глава о пище, торгах и промыслах* есть, по моему мнению, самая лучшая во всей книге Миллера; жаль только, что она очень коротка, и что автор в некоторых случаях не входит в подробности, которые для нас могли бы быть очень интересны. Миллер говорит, что любимым кушаньем Чуваш было — лошадиное мясо: это совершенно справедливо, потому что и теперь некрещеные Чуваши большие охотники до него, да и крещеные, бывало, лакомились им потихоньку, чтоб не проведал об этом приходский священник. Свиней они у себя не держали и свининой брезговали, может быть, из подражания Татарам[10]. Но вопреки обычаю татарскому они ели кровь; закалывая скотину, особенно жертвенную, они сцеживали из нее кровь весьма бережно и варили ее, смешав с жиром и крупою, в сычуге убитой скотины[11]. Во время Миллера Чуваши занимались больше скотоводством и пчеловодством, чем земледелием, которое, как работа менее других прибыльная и важная, предоставлялась преимущественно женщинам. Но главнейший промысел Чуваш и единственное занятие их на зимнее время составляла охота на медведей, волков, лисиц. Черемисы славились тогда уменьем стрелять из луков, а Чуваши были мастера владеть винтовкою. Впрочем, замечает Миллер, больших зверей ловят они по большей части ямами, а мелких — сетями[12].

---

[10] Ныне уже ни один Чувашенин не пушается свининой.

[11] Кушанье это, сколько я могу припомнить, называлось *поддармыж*, и было очень вкусно — для голодного. Иногда на кровн жертвенного жцвотного Чуваши месили тесто и пекли из него лепешки, называемые *юсман*. От жертвенных же кушаний ведет свое начало и *ширтан*, род колбасы. Вот как его готовили: разрезав остатки жертвенного мяса на мелкие части, посолив и изжарив их, начиняли ими бараньи кишки, прокапчивали их, и когда нужно было подавать на стол, то снова поджаривали в масле. Ширтаном потчевали Чуваши только закадычных друзей и гостей. Толларыж и юсман ныне вышли из употребления; но ширтан готовят Чуваши и теперь, только, разумеется, не из жертвенного мяса. Многие и из Русских, даже из чиновников, большие охотники до чувашского ширтана.

[12] Здесь у Миллера опять недомолвка. Чуваши и Черемисы ловили больших зверей, особенно медведей, не ямами только, но и другими замысловатыми и забавными способами, похожими на те, какие Лепехин (Часть 1, с. 193,) видел у Башкирцев. Большая часть их

Все нужное для домашнего обихода, как-то: ножи, ножницы, шелехи, корольки, табак и проч., Чуваши на базарах выменивали у Русских на меха лисьи, беличьи, волчьи, медвежьи и т. п. — *Пятая* глава: *о языке, художествах и науках,* очень скудна. Автор думает, что наречие вотяцкое и особенно пермское сходно с черемисским, что черемисский язык имеет некоторое сходство с финским, а чувашский больше близок к татарскому. По тому поводу, что Чуваши Русских называют *Вюрез* (т. е. Вырыс), от татарского *Урус,* Миллер совершенно справедливо замечает, что они к татарским словам, начинающимся с *о* и *у,* прибавляют *в,* напр., *десять* по-татарски *он,* по-чувашски *вонна; огонь* по-татарски *от,* по-чувашски *вот; лес* по-татарски *урман,* по-чувашски *вудман* и т. д. Потом автор переходит к разным названиям народов, городов и рек на языках чувашском, черемисском и вотяцком; рассказывает, что Казань по-чувашски называется *Хозан,* Свияжск — *Свия,* Чебоксары — *Чобошкар* (т. е. Шубашкар), Козьмодемьянск — *Чиклен* (т. е. Чикмене), Цивильск — *Сюрби* (т. е. Сюрбю или Сюрбеве), Волга — *Ал* (т. е. Адыл), Кама — *Шорог-Адаль* (т. е. Шора-Адыл), *белая* Волга, потому что вода в Каме светлее и белее, чем в Волге). Вот и все содержание главы *о языке, художествах и науках!* — *Шестая* глава посвящена *религии* Чуваш, Черемис и Вотяков. Главная, основная ошибка автора здесь заключается в его ложном предположении, будто у всех этих народов совершенно одна и та же религия. Верный этому предположению, он нарочно изложил ее в чертах столь общих, что они могут быть отнесены чуть ли не к каждой языческой религии, основанной на дуализме. По словам его, Чуваши верят, что есть Бог, живущий на

основывалась на страстной приверженности Михайлы Ивановича к горячим напиткам и на его бедственной слабости к сотовому меду. Впрочем, всех чувашских и черемисских способов добывать его шкуру и не пересказать. Замечу только, что многие из них можно назвать отчаянными, дерзкими до безрассудства. И доселе здравствует в Чувашландии мой кум, старик *Йошка,* — Иов ли, или Иона настоящее имя его, — этого он и сам не знает, да и не интересуется этим. Но не в имени дело. Вот как он добывал бывало шкуру и мясо Топтыгина: почуяв приближение медведя, он падал на землю, притворялся мертвым; медведь подходил к нему, обнюхивал, тормошил его, иногда невежничал над ним; а Йошка затаивал дыхание до тех пор, пока улучал самое удобное время разом распороть невежде брюхо ножом. Надобно, впрочем, полагать, что это не всегда обходилось Йошке даром, потому что он крепко помят и изуродован.

небеси, видящий все дела человеческие, не только ниспосылающий людям всякое добро, но и отвращающий всякое зло, и потому достопоклоняемый, досточтимый; верят также, что Бог нераскаянных грешников наказывает разного рода несчастиями и лишениями, а тех, которые обращаются к нему с молитвами об отпущении грехов, прощает и благословляет богатством и изобилием. Потом Миллер рассказывает, что Чуваши признают существование дивола, виновника всякого зла в мире, которому также молятся и поклоняются, чтоб избавиться от его наветов и козней. *Больше этого они в деле религии ничего не знают,* — заключает Миллер. Но чрез несколько страниц далее утверждает, что у них есть малые божки, хранители и защитники особых деревень и мест, что покровителем, напр., Чебоксар и прилежащих к этому городу чувашских деревень считается бог *бородон*[13]. Если к этим известиям Миллера присоединить еще его совершенно ложное, как увидим впоследствии, сказание о том, будто Чуваши в будущем ни на что *не надеются, не боятся,* то получим все, что он сообщает нам о древней религии Чуваш. Не правда ли, слишком мало? — *В седьмой* и *восьмой* главах Миллер говорит о *религиозных обрядах* и *светских обыкновениях* описываемых им народов. Между религиозными обрядами первое место занимают, разумеется, жертвоприношения, и особенно те, которые совершаются в керметях. Описание устройства кермети у Миллера так темно, что его нельзя и понять. А сказание его, будто у *каждой семьи есть по одной собственной кермети, а у иной и более,* — решительно ложно[14] и заставляет нас *или* отказать автору в логической

---

[13] Вероятно, искаженное Миллером слово. Не сделал ли он его из чон-сюрадан-тора или из сюд-сюрадан-тора?

[14] Можно полагать, что эта ошибка Миллера произошла от того, что он и его толмач не поняли друг друга. Миллер спрашивает его о керметях, т. е., о местах, на которых приносится жертва кермети. А толмач подумал, что его спрашивают либо о месте жертвоприношений вообще, либо о месте домашних частных молений, возсылаемых *добрым* богам. Частные жертвоприношения Торе и другим добрым богам совершались преимущественно при *чук-шывъсь*, т. е. при деревьях, растущих на дворах чувашских, близ жилых покоев. На каждом дворе, или точнее у каждой семьи, непременно был собственный *чук-шывъсь*, иногда один, иногда два и более. И теперь еще почти на каждом чувашском дворе найдете эти жертвенные деревья. Чуваши не рубят их, отчасти по суеверному страху, отчасти по привычке к ним, а отчасти и потому, что они освежают воздух.

последовательности, *или* наперекор действительности предположить, что в чувашской стороне неприступные места встречаются сплошь да рядом; потому что, по словам Миллера, *Чуваши служат свою службу в местах, к которым, за густыми лесами, не инако, как с превеликою трудностию дойти можно.* О самих жертвоприношениях толмач много сообщил неверного Миллеру, а Миллер — нам. С чего, напр., взял он, будто *одной* керемети приносится в жертву крупный скот? И зачем он говорит: *у них нет никакого особливого дня, в который бы они паче прочих к отправлению божией службы сходились* (с. 43), а потом на странице 55 сам толкует, опровергая Страленберга, *о большом чувашском празднике*, называя его *годовым*. Число *ой-чука, сингзи, моления хлеба* и других чувашских праздников было подвижное; но разве от того они переставали быть праздниками, в *которые* Чуваши *паче прочих* дней *к отправлению божией службы сходились?* Правда, что время приношения жертвы злым богам не было определено, а зависело от произвола каждого, или лучше от случайностей частной жизни Чувашенина. Но жертва богам добрым приносилась в особо назначенные времена года. — Далее Миллер пишет, будто Чувашки не участвовали ни в общественных, ни в частных жертвоприношениях, и будто им не позволялось якушать никакой жертвенной яствы. Паллас и Георги исключают женщин из участия в *одних* торжественных жертвоприношениях в керемети[15].

Г-жа Фукс утверждает, будто *на моленим сингзи не бывает ни пива, ни вина, ни музыки, ни женщин, одним словом ничего соблазнительнаго*[16]. Все это неправда. Мне нет надобности цитоваться здесь Лепехиным и другими писателями, утверждающими совершенно противное и Миллеру, и Палласу, и г-же Фукс. В молодости я не один десяток раз бывал и на общественных, и на частных жертвоприношениях и всегда видел на них женщин. Грешный человек, я особенно любил ходить на жертвоприношения во время *ой-чука* и *сингзи*, потому что у Чуваш существовал похвальный обычай во время этих празднеств дозволять молодежи *чиаб тувас пожт-*

---

[15] Pallas: Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reichs. 1-r Th. S. 88. — Впрочем, Паллас по собственному его сознанию (590), не бывал на общественных, да вероятно и на частных жертвоприношениях. Миллер для него — авторитет.

[16] Записки о Чувашах, с. 23.

витре, т. е., целоваться с девушками через кончики тонко переплетенных лычек. — В главе: о *светских поведениях, нравах и обыкновениях* Миллер рассказывает об обрядах, которые заменяли у Чуваш присягу, потом переходит к обрядам, какие совершаются у них при рождении младенца, при бракосочетании, при похоронах, и в заключение делает несколько замечаний об их играх и плясках. — К *присяге* язычествующих Чуваш приводили в судах следующим образом: посолив[17] и воткнув на нож кусок хлеба, йомся клал его в рот присягающему, который, съедая хлеб, говорил: «чтоб мне никогда этого не видать, если я лгу, или если не исполню своего слова». Вступающим в военную службу вместо присяги давали посоленные куски хлеба концами двух палашей, сложенных крестообразно[18]. — На Чувашских родинах вся церемония состояла, по словам Миллера, в на-

---

[17] Известно, что и Аравитяне в знак присяги ели хлеб с солью. Вообще у восточных народов соль служит символом нерушимой верности и твердости союза. У Моисея Иегова говорит Аарону: *Завет соли вечный есть пред Господом, и семени твоему по тебе.* Чис. XVIII. 19.

[18] *Паллас* иначе рассказывает обряд чувашской присяги. По его словам, обвиняемого в каком-нибудь проступке приводили в кереметь и там заставливали с разными заклинаниями есть яшку. Чтобы еще более удостовериться, не ложно ли он клянется, его принуждали пить соленую воду: если он, выпив воду, начинал кашлять, то это знак, что он виноват. Pallas: Reise, I-r Th. 3. 93. Паллас хотел, кажется, пополнить Миллера, описавшего только *судебную* и *сыскебную* присягу и оставившего без внимания присягу *очистительную*, весьма часто употреблявшуюся у Чуваш вне суда, в делах частных. Но Палласу о последнем роде присяги сообщили сведения неточные и неверные. — У Чуваш, сколько мне известно, было два вида очистительной присяги: один древний, чисто языческий, другой полухристианский. Вот в чем состоял первый. Если Чувашенина подозревали в каком-либо проступке, в котором он однако же не сознавался, то его заставляли перешагнуть через сухую, зажженную с обоих концов лутожку, которая нарочно для этой цели *кереметь-пыхаганом* (директоры, или почтенным смотрителем керемети) должна быть вырублена в керемети. Переступая через лутожку, он должен сказать: «да буду я так же сух, как эта палка (ложит-юсси), если говорю неправду»; потом, припав к земле, выпить поставленный подле лутожки стакан вина или соленой воды, поцеловать землю и съесть с конца ножа круто посоленный кусок хлеба. Церемония эта совершалась иногда на мирской сходке, иногда вне села, в виду керемети, но всегда непременно в присутствии многих свидетелей. Другой вид очистительной присяги не требовал такой торжественности. Если один Чувашенин обвинял другого в том, что он не выполнил данного ему обещания, а тот утверждал, что вовсе не давал этого обещания, то обвиняющий покупал немного вина и приводил обвиняемого к церкви. Последний, взглянув на крест церкви, должен был сказать:

речении имени младенцу. Всего чаще его называли именем того, кто первый по разрешении родильницы войдет в дом[19]. — Богатые чуваши женили своих сыновей пяти или шести лет. Многоженство у них позволялось; но более пяти жен никто не имел. Законы родства при бракосочетании соблюдались строго. Не позволялось жениться: 1) на родных сестрах, 2) на сестриных и братниных дочерях, 3) на двух сестрах двум братьям, 4) на свояченице при жизни жены. Замечательно, что у Чуваш существовал еврейский закон *ужичества*, но только с следующим ограничением: оставшуюся по смерти большого брата во вдовстве жену брал за себя меньшой брат, но большой брат не мог жениться на вдове меньшого брата. — *Хоронили* Чувашенина непременно в том платье, какое он носил; в могилу с покойником клали всякий домашний скарб, котлы, ложки, ножи и проч. На могилах Чуваши ставили деревянные столбы. Поминки отправлялись у них не в домах, как у Чере-

---

Тобада Торжин, халаман (ей Богу, не говорил, не обещался!) и выпить стакан вина. Тем все дело и оканчивалось; обвинитель и обвиняемый по-прежнему делались приятелями, а об обещании между ними не могло уже быть и помину. Этот род клятвы был в большом употреблении у Чуваш. Но надо припомнить, что честное слово, скрепленное рукобитьем *(ала барас)*, заменяло у них все наши контракты, договоры, условия, заемные письма, купчие крепости и т. п. вещи.

[19] Здесь Миллер делает заключение от части к целому. Только у беднейших, у незапасливых Чуваш на родинах не было никаких церемоний, если они случались в страду, т. е. в такое время, когда было не до варенья пива. А у достаточных, след., у большей части Чуваш, всегда соблюдались строго следующие церемонии: *во-первых*, родильницу посещали родные и знакомые, пили пиво и клали в корту (ковш) деньги на *колыбель* новорожденному. *Во-вторых*, приглашался йомса, мужчина или женщина, смотря по полу новорожденного. Первым делом йомси было — лутожкою разбить над головою новорожденного два сырых яйца, потом оторвать голову петуху и выбросить все это за ворота. Это была неизбежная церемония при трех важнейших эпохах жизни человека: при рождении, бракосочетании и при смерти. Чуваши думали, что посредством нее отгоняют шайтана от новорожденного, от новобрачного и от умершего. Они внимательно наблюдали, станет ли трепетать петух после того, как оторвут ему головку, или не станет. Если не станет трепетать, то это знак, что шайтан отогнан. Если же станет, то заключали отсюда, что шайтан еще предстоит лицу новорожденного, новобрачных, умершего. В таком случае немедленно относили в кереметь так называемый *мамалыкси*, керемстные деньги. *В-третьих*, йомся читал над ковшом с водою заклинания, углублялся в созерцание ее, видел в ней всю будущую судьбу новорожденного и нарекал ему имя, сообразно с этими пророческими видениями.

мис, но на кладбищах[20], где закалалась и съедалась родственниками покойного его любимая лошадь, причем много бывало плача, пляски и питья. Пляску чувашскую Миллер называет беспорядочною. Из музыкальных инструментов Чувашам известны были тогда: 1) *гусли* (гуслэ), перенятые, по словам Миллера, и Русскими, и Чувашами у Татар, как это доказывает татарское название их[21], 2) *волынка* (шипюр, т. е. шибыр) и 3) *варган* (кобыз).

К концу книги Миллеровой приложен словарь на татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском языках с русским переводом. Может быть, вотяцкие, мордовские, пермские и зырянские слова у Миллера верны, но чувашские очень изуродованы. Кто в Миллеровых: *ассие, эркурпи, ксно-арне, ссоль, юлтан, бюхюр, архип, обска, тарси, ссорм, тилаг, хашлыш, херли-сирла, ссуо* — узнает чувашские слова: *сизим* (молния), *пур* (град), *киснепи-кон*[22] (четверг), *сиол* (дорога), *ылдым* (золото), *пыгыр* (медь), *арсин* (мужчина), *опушка* (муж, супруг), *чора* (слуга), *сиорт* (дом), *тыйга* (жеребенок); *хач* (ножницы), *сир-сирлы* (земляника), *сю* (масло)? — Едва ли еще не больше искажены у него черемисские слова. Так, вместо: *юшто* (студеный) он пишет: *юпста-шолоке*, вместо: *куго* (высокий) — *куша*, вместо: *шил* (мясо) — *сиил;* вместо: *омпса* (дверь) — *омзие*, вместо: *кыраш* (бить) — *кюрре*, вместо: *шинзал* (соль) — *сюк-сьел*, вместо: *нореб*[23] (колодезь) — *мюреб*, вместо: *ю-ушкал* (коровье масло) — *скалю* т.д.

---

[20] Мы увидим после, что Чуваши совершают поминки и дома, и на кладбищах и притом — в определенные времена года.

[21] Непонятно, как русский историограф мог не знать, что *гусли* были известны Славянам в самой глубокой древности, задолго до знакомства их с Татарами. Гуслей мы ни от кого не перенимали: это инструмент *всего света*, как справедливо замечает О.И. Сенковский. А наше название их — чисто славянское, которого корень *гусли*, т. е. издаю гул; наст. гуду, сохранился во всех славянских наречиях.

[22] На книжном — я еще не успел, кажется, сказать, что и у чувашей есть книжный язык, который состоит в препорядочном разладе с разговорным, живым — на книжном языке чувашские стилисты растягивают это слово так: *кизинь-арни-кон*, чтобы можно было сей час же видеть его этимологическое производство и значение: *младший*, т. е. последний *день недели*.

[23] Впрочем ни Черемисы, ни Чуваши, сколько *я* знаю, колодцов у себя не устраивают. Черемисское *нореб* и чувашское *нюхреб* собственно значит *погреб*. Этим же словом в переносном смысле они называют и русские колодцы.

Вот все, что находим о Чувашах в авторах, описывавших этот народ до его обращения в христианство! Очень немногое получим мы в остатке, если из этих описаний исключим все неверное и неточное. Но и за это немногое мы должны быть благодарны: лучше иметь что-нибудь, нежели ничего.

Обращаюсь теперь к авторам, писавшим о Чувашах после 1743 года.

В 1762 году вышла *Топография Оренбургская* Петра Ивановича *Рычкова*. В ней находим следующие этнографические сведения о Чувашах: Река Кама по-чувашски называется Чолма[24]. *Чолматы* были Болгары. След., Татищев справедливо называет Чуваш болгарским народом. Наибольшее число их живет в казанской губернии, а особенно в свияжском и симбирском уездах. До 500 семейств чувашских живет и в оренбургской губернии, а именно в уфимской провинции. Но по делам видно, что уфимские Чуваши из уездов казанского, курмышского и чебоксарского. В оренбургской губернии их называют *горными татарами*[25], но по языку они столь же отличаются от Татар[26], как от Вотяков и Черемис. Закона у них никакого нет: но Бога они исповедуют и приносят ему в жертву лошадей, коров и овец[27]. — Большего мы и не вправе требовать от Рычкова: этнография чувашская была для него делом второстепенным, побочным, чтоб не сказать посторонним.

Спустя лет около десяти после издания топографии Рычкова, вдруг появляются в свет пять описаний Чуваш, и каждое из них принадлежит перу академика. В 1768—1773 годах по повелению Государыни Императрицы Екатерины II многие из членов С.-Петербургской Академии наук отправлены были в ученое путешествие по разным частям Империи, для описания ее во всех отношениях и для разных наблюдений. Из них *Паллас, Георги, Фальк, Рычков* и *Лепехин* посетили и описали между прочим и здешний край. Они благосклонно удостоили своего внимания и наших Чуваш. Правда, Миллер

---

[24] Мне никогда не случалось слышать, чтобы Чуваши Каму называли *Чолма*.

[25] Замечательно, что и Черемисы называют Чуваш Курк Мари, *горные люди*.

[26] Несколько раз мне случалось замечать, что Татарин, хоть косвенно, не вполне, не всецело, но понимает Чувашенина, но Вотяка и Черемисинина — никогда.

[27] Рычкова Топография Оренбургская. Ч. I. С. 187—189.

был для них — авторитетом. Вместо того, чтобы проверять его описания, они весьма часто ограничивались повторением сказанного им и таким образом утверждали и распространяли ложные понятия о бедных Чувашах — понятия, которые и доселе еще не перевелись. Но несмотря на свою излишнюю доверительность к Миллеру, они, или точнее первый и последний из них, сообщают нам и некоторые новые черты из жизни этого народа, иногда дополняют, иногда объясняют сказания историографа. Надобно впрочем сказать, что это не стоило им и большого труда. Посредниками между Чувашами и учеными их описателями теперь были уже не Бог знает какие толмачи, но довольно образованное по тогдашнему времени духовенство православное. Русские духовные, тотчас по крещении Чуваши водворившиеся между ними, в течение двадцати пяти лет без сомнения успели уже весьма хорошо познакомиться и с языком, и с бытом, и с обычаями своей новой паствы. Многим чувашским священникам даже не нужно было и заботиться об ознакомлении с нею, потому что они сами были природные Чуваши, получившие образование в духовной семинарии, состоявшей при Зилантовом монастыре. Вообще ученые путешественники имели все средства и пособия к верному и точному описанию здешнего края в этнографическом отношении, и если мы находим промахи, ошибки, неточности в их описаниях, то должны приписать это одной невнимательности гг. академиков к своим обязанностям.

Паллас[28] находит, что Чуваши по языку своему, по образу жизни, по постройке домов, по женским костюмам очень походят на Татар. Самые черты лица их обнаруживают сильную примесь татарской крови. Подобно Татарам они празднуют пятницу, которую называют *ариа-кан*[29], недельный день. В деревнях, населенных приверженцами старой, языческой веры, сотники в четверг вечером обходят домы с объявлением, что наступающий день есть праздничный. Утром в пятницу Чуваши совершают обычные молитвы пред *ирихом* и

---

[28] Pallas: Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. 1-r Th. S. 86—93.

[29] Чувашское *ариа*, неделя происходит от *ярлас*, освобождаться от работ, удосуживаться, успокаиваться. След., *ариа-кан* есть день покоя, суббота Еврейская.

во весь этот день предаются праздности и удовольствиям. *Ирих*, по словам Палласа и Георги, есть не иное что, как пук прутьев шиповника, связанный лыком, на которое привешивался кусочек олова; это святыня, к которой, по словам Палласа, никто не смел прикасаться, а по словам Георги, даже и приближаться[30]. — Чуваши в домашней жизни опрятнее Мордвы. Паллас находил у некоторых из них чистые избы, топимые по белому, и заметил, что только самые бедные из них спят не на перинах, но на войлоках и рогожках. — Кроме хлебопашества и скотоводства Чуваши с особенным успехом занимаются пчеловодством; потому на пирушках они употребляют как пиво, так и вареный мед, но никогда — кумыс, любимый напиток Татар. Паллас считает излишним распространяться в описании чувашских свадебных пиршеств, на которых лилось пивомедие, и отсылает читателя к Миллеру. Зато он исправляет сказание Миллера о чувашском разводе. Историограф утверждает, что недовольный своею женою Чувашенин лишал ее своего ложа, делал своею работницею, — и вся недолга. Паллас рассказывает об этом предмете иначе. Если муж был недоволен своею женою, то разрывал ее *сарпан* (головную повязку из длинного полотенца) на две части; одну брал себе, а другую отдавал жене, которая вслед за тем должна была оставить дом своего мужа[31]. Это известие Палласа во всей силе подтверждают и последующие писатели. — Приступая к довольно подробному описанию чувашских кереметей, Паллас говорит, что торжественное жертвоприношение *Торе* совершается в них *один* раз в год, а именно, в Сентябре месяце, который потому Чуваши будто и называют *чук-ошх*[32]. В это время они за один

---

[30] След., и Паллас, и Георги подобно Г-же Фукс случайное украшение ирыха приняли за самого ирыха. Во втором письме я объяснил, что такое были ирихи.

[31] И у Русских в старину при разводах *разрыв* холста играл важную роль. *Рафаиль Барберини* в XVI веке описывает древний обряд развода в России, который состоял в том, что муж с женою приходили к проточной воде, становились каждый на противоположной стороне и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тех пор, пока не разрывали, так что у каждого из них оставалось по половине холстины в руках. После того муж и жена расходились и делались совершенно свободными. — И. М. Снегирева: Русские в своих пословицах, кн. II. с. 63.

[32] Здесь что ни слово, то ошибка. *Во-первых*, торжественное жертвоприношение Торе совершалось *не один* раз в год, как повествуют

раз закалают в *главной* керемети: лошадь, быка, овцу[33]. Во время жертвоприношения они обращаются на восток с молитвами к Торе и с частыми ему поклонениями. Кроме главного Бога, Торы, они молятся и другим низшим, подчиненным божествам. Паллас сожалеет, что из рассказов черни чувашской не мог составить себе ясного понятия об их демонологии. Он узнал только имена некоторых богов, каковы: *кереметь*, самое главное божество после Торы, *Аслыр* (вероятно, либо *Асладий*, либо *Аслаира-тюр)*, *Кенир*[34], *Пюлюхси*, *Сюрядань* (вероятно, либо *чон-сюрадань*, либо *сход-сюрадан-тюра*, т. е., Миллеров *бороdан)*, *Сирь* (вероятно, *Сирь-асше* либо *Сирь-амыж)*, *Сюал-сюрень-ирзам*, *Херле-сирь*, *Кебе*. — Может быть, замечает Паллас, кроме этих божеств есть еще и другие; исследование их свойств было бы любопытно. Замечательно, напр., то обстоятельство, что по мнению Чуваш у многих богов их есть жены и дети, и что с молитвами к таким (т. е. семейным) божествам Чуваши обращаются по трижды, восклицая: Тора-отец, или кереметь-отец! помилуй! Тора-мать, или кереметь-мать! помилуй! Дети-Торы, или дети-керемети! помилуйте!

Георги[35] пишет, что Чуваши суть многочисленный народ, который хотя большею частию обращен в христианство, но доселе удержал свой, происходящий от финского (?) язык, свои обычаи, свой национальный костюм, свои суеверия и даже места древнейшего своего жительства[36]. Только в образе жизни этого народа про-

---

Паллас и Г-жа Фукс (Зап. о Чув., с. 76), а несколько раз. *Во-вторых*, оно никогда не совершалось в Сентябре. *В-третьих*, месяцем жертвоприношения, *чук-ою*, называют не Сентябрь, а Декабрь. *В-четвертых*, время приношения жертвы в *керемети и кереметь* и торжественное жертвоприношение Торе — это две совершенно различные вещи.

[33] *Лошадь, быка и овцу* закалали в *главной* керемети! Уж нейдет ли тут речь об жертве в *собор-керемети*, о богомолье общем, на которое собиралось до 10 деревень и более? Ну есть тут чем помазать глаза одной лошалью, одним быком и одной овцою. Да этого мало и для одного околодка из 10 семейств. Василий Иваныч может целую неделю довольствоваться двумя небольшими *иггечами*, да караваем хлеба; но уж если примется есть на разволье, то ест чрезвычайно основательно.

[34] Какого бога Паллас переделал в *Кенира* — отгадать мудрено.

[35] Job. Gottl. Georgis Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Zw. Band. S. 849—857.

[36] Последнее — неправда. У здешних Чуваш есть предание, что предки их — очень много лет тому назад — пришли с юга: из-за Симбирска.

изошла весьма важная перемена: из номадов Чуваши сделались оседлыми земледельцами; впрочем они и доселе еще презирают (?) города и живут в небольших деревнях[37]. По наружности Чуваши более похожи на Татар, и в нравственном характере совершенно сходны с Черемисами, только умом тупее последних[38]. Домашняя экономия их стеснена до самой последней степени[39]: оттого они и живут, и едят, и одеваются — грязно. Некрещеные употребляют в пищу всех хищных зверей, птиц, даже падаль; крещеные хотя и более разборчивы в пище, но и они едят лисиц[40]. — Описание чувашской свадьбы у Георги преисполнено ошибок, иногда очень странных. Приведу несколько примеров.

---

[37] Что Георги хотел этим сказать и доказать? Если ту мысль, что недалеко еще время, когда Чуваши были народом кочевым, то мысль эта ошибочна. Они издавна, может быть, еще до татарского владычества вели жизнь оседлую и, занимаясь главным образом скотоводством и звероловством, не чуждались и земледелия. Это видно между прочим и из их древних религиозных установлений, напр., из праздника *моления хлеба*, из времени *ой-чука* и проч.

[38] Эта неправда. *Луговые* Черемисы грубее Чуваш и ниже их в нравственном отношении. *Горные* крепче, виднее, развязнее своих луговых единоплеменников, но не выше Чуваш в умственном отношении.

[39] И хлеба, и скота, и пива, и меду у Чуваш всегда было вдоволь. Одними остатками годового запаса доброй чувашской семьи можно бы при нужде целый год прокормить два немецких крестьянских семейства. Чуваши далеко запасливее русских крестьян. Тот, у кого съестной провизии заготовлено всего на один год, у них считался уже недостаточным крестьянином. А совершенных бедняков, людей, что называется, без двора между ними не было, да и нет. Никогда, ни в деревне, ни в городе не увидите вы нищего — Чувашенина. Одевается Чувашенин нещеголевато, — это правда: да ведь тут свой рассчет. Иной Василий Иваныч, пожалуй, сошил бы себе синий кафтан, купил бы и сапоги с *морозом* (со скрипом) точно такие, как у волостного писаря, да вот беда: о человеке в таком пышном наряде нельзя не подумать, что он — богач; а подумают добрые люди, — смотришь, — и притащут тебе *сухую беду*. След., благоразумнее не выезжать из благословенной сермяги и заветных онуч. — Правда также, что те из чувашских домов, которые топятся по-черному, грязноваты; но Чуваши живут в них только зимою; во все остальное время года они помещаются в холодных строениях, на дворе, которые обыкновенно бывают и лучше устроены, и чище содержимы, чем русские дворы.

[40] Чтоб Чуваши ели *всех* хищных зверей, всякую птицу, даже падаль, — это неправда; медвежье и лисье мясо они ели, да так, что и сам Георги не побрезговал бы им. Но чтобы они употребляли в пищу падаль — для этого надобно бы предположить, что для них мясо колотой скотины было — незидаль. Между тем несомненно известно, что цены на говядину и на дичину у Чуваш были чрезвычайно

Георги в отделе о *малом* свадебном *поезде*, который он называет Kostenes Kajas[41], говорит, что для уплаты калыма жених и его родители приезжают в дом невесты, привозя с собою несколько пшеничных хлебов[42]. Что же делает тогда отец невесты? Кладет, по словам Георги, *хлебы на стол, идет в баню, парится, моется, потом берет хлебы, да три ложки с медом, выходит на двор для жертвоприношения Торе* и *Тор-амыжа*[43]. Автор, очевидно, хотел посмешить читателей, выставляя в карикатурном виде чувашские обряды: что же может быть смешнее домохозяина и притом отца невесты, который до такой степени обрадовался гостям, что сей час же спешит укрыться от них в бане? Другой пример. Георги рассказывает, что когда жених с музыкою и с песнями ведет свою невесту из дому ее родителей, то к его поезду тотчас же, как взбалмошные, пристают жители тех деревень, через которые ему лежит путь, *взяв* однако же для празднования чужой свадьбы *собственные съестные* и *питейные припасы*[44]. Так и ждешь, что знаменитый натуралист прибавит: ведь Чуваши —

низки. Лет около 25 тому назад я покупал на чувашских базарах рябчиков по 4 коп. меди за штуку. Да и эта цена считалась тогда высокою: значит, прежде была еще ниже.

[41] *Кајас* — итти, а *костенес* если не русское *гостинец*, то не знаю что.

[42] Не несколько, а множество хлебцов, мед и пиво. Но хлебцы играли особенно важную роль: они заменяли у Чуваш место наших пригласительных билетов.

[43] Жертву эту приносил не невестин, а женихов отец и сам жених. Для этой цели они накануне поезда и должны были вымыться в бане, потом пригласить к себе всех родных и знакомых односельцов, выбрать из них дружку, поддружье и прочих поезжан, угостить как избранных, так и все собрание, а на другой день ехать к невесте со всею свитою.

[44] Автор и здесь переделал по-своему сообщенные ему сведения. Дело вот в чем: если жених был из одной деревни с невестою, то поезд его останавливается у нескольких ближайших его родственников, которым от него были посланы пшеничные сговоренные хлебцы, и которые, угостив поезжан, присталали к ним и отправлялись на брачный пир. Если же невеста и жених были не из одного селения, то свадебный поезд делал привал в двух или трех лежащих на пути деревнях, у родных или близких знакомых жениха, получивших от него в знак приглашения на свадьбу и пшеничные хлебцы, и долженствовавших на свадьбе от новобрачной получить либо шитую рубашку, либо другой какой-нибудь подарок. Угостив поезжан, они сами присоединялись к поезду, захватив *для дороги* недопитое пиво и недоеденные яства. Вот и все! Теперь посмотрите, что из этого сделал Георги?..

не люди, а стадо овец, из которых если одну принудите перепрыгнуть через поставленную вперед нее палку, то непременно станут на том же месте прыгать и все другие за ней идущие, хотя бы палки перед ними уже не было. — Такие же невероятности находим у Георги и в описании чувашских похорон и поминок. И о древней религии чувашской он сообщает сведения очень скудные, да вдобавок сбивчивые. Он насчитывает 8 божеств *добрых: Тора, Тора-Аныж, Керемет (?), Пюлюкси, Херле-Сир, Пигамбар, Сирь, Кебе;* а злыми божествами признает: 1) *шойтана,* совершенно отделяя его от керемети, 2) *лешего,* называя его *обито*[45]. Чем отличается одно доброе божество от другого, какие характеристические свойства каждого из них, — об этом не находим мы у автора ни полслова. Вообще Георги самый неверный, самый поверхностный описатель Чуваш: он не выкупает подобно Миллеру своих ошибок ни одним новым и дельным известием[46].

Фальк также не сообщает ничего замечательного о Чувашах. Николай Петрович *Рычков* упоминает о них только мимоходом, повествуя очень подробно о Черемисах. Автор уверен, что Чуваши, Черемисы и Вотяки суть коренные жители страны между Камою и Уральскими горами и что они суть прямые и законные потомки древних Скифов и Сарматов[47].

Иван Иванович *Лепехин* верно изобразил домашний быт Чуваш[48]: только весьма немногие черты его изображения относятся не ко всему этому народу, а принадлежат собственно тем Чувашам, которые живут по реке Черемшану и которых преимущественно наблюдал и изучал почтенный академик. Но в описании обычаев этого народа он часто смешивает Чуваш с Мордвою, и так как не все, что характеризует последнюю, может быть приписано и первым, то автор или ненамеренно вводит читателя в ошибку, заставляя его Чувашам приписывать обычаи мордовские, а Мордвам —

---

[45] О боге *Обито* я ничего не слыхал от Чуваш. Не принял ли Георги название обезьяны за название божка лесного. Обезьяна по-чувашски — *обыде.*

[46] Непонятно, как автор *Записок о Чувашах* мог сказать: «Из всех писателей, повествовавших о Чувашах, я почитаю Георгия лучшим». С. 121.

[47] Рычкова: Журнал или Дневные Записки путешествия по разным провинциям Российского Государства. С. 29—30.

[48] Дневныя Записки путешествия Ивана Лепехина. Ч. I. С. 117—154.

чувашские, или намеренно обобщает некоторые описания, сглаживает резкие, отличительные народные особенности, чтобы только поставить оба народа под один уровень. *Первого* рода ошибку находим в статьях автора под рубриками: *о состоянии Мордвы и Чуваш по крещении; об обрядах при родинах; о свадьбах; о похоронах*[49]. Читая эти статьи, незнакомый лично с инородцами здешнего края не поймет, что в них относится к Мордве и что к Чувашам. *Второго* рода ошибку находим в статьях: *о коренной Чувашской и Мордовской вере; о богомольных обрядах; о времени богомолья; о частных богомольях; понятия о вере*[50]. Здесь автор торопливо отделывается одними общими местами, и, чтоб быть верным своим рубрикам, опасается вдаваться в частности, в характеристические особенности верования того и другого народа. Но то, в чем действительно сходствовали Чуваши с Мордвою и что равно принадлежало тому и другому народу, изображено у нашего автора почти во всех отношениях верно. Таково, напр., его описание *керемети*. С начала текущего столетия у чуваш, говоря строго, уже не было керемети: на нашей памяти этим именем назывались овраги и рощи, не отличавшиеся решительно никаким особенным признаком, свойственным священному месту. Не так было в старину. Для любопытных заимствуем из *Лепехина*, *Палласа* и *неизвестного* автора Северного Архива описание устройства старинной керемети. Но прежде всего скажем, что те ошибаются, которые вместе с г-жою Фукс[51] думают, что кереметь *у Чуваш есть то же, что у нас приход*, или вместе с Миллером и Георги полагают, что это есть место *всякого торжественного* или *общественного* жертвоприношения. — Нет, это место жертвоприношения злым и *только злым* духам, потому что Торе и прочим добрым богам жертвы приносились или в открытом поле, или в домах.

Кереметью или *ирзамом* по имени главнаго злого духа чувашского называлась четвероугольная площадь, огороженная забором в рост человеческий; в длину этот забор от запада к востоку имел от 40 до 60 сажен, а в ширину от севера к югу — от 30 до 50 сажен. В керемети было трое ворот: восточные, западные и северные. В северные приносилась необходимая для жертвоприно-

[49] Там же, с. 168—178.
[50] Там же, с. 162—167.
[51] Записки о Чувашах, с. 76.

шения вода; в западные входили и выходили люди; в восточные могли проходить только жертвенные животные. Совершив над ними входную молитву у восточных ворот, йомси и старейшины отводили их к северным. Здесь прежде всего водою испытывали достоинство жертвенных животных. На них лили холодную воду до тех пор, пока они своим трепетанием доказывали присутствие при них керемети и ее благоволение к жертве[52]. Узнав таким образом, что животное приятно керемети, тотчас закалали его, снимали с него кожу, отделяли его голову и внутренности от жертвенного мяса и последнее разделяли на столько частей, сколько было богомольцев. Части эти по их омытии относились йомсею на жертвенник, который был не что иное, как стол длиною от севера к югу в полторы сажени, а шириною от запада к востоку в полтора аршина. Он устраивался обыкновенно по правую сторону западных ворот сажен на шесть дальше от забора к востоку. По обеим сторонам жертвенника было врыто по два столба с перекладинами, на которые вешались котлы для варения мяса жертвенных животных и которые посредством особых отводин соединялись с навесом, находившимся над жертвенником. Чуваши верили, что на жертвеннике во время их молитв присутствует Бог, которому приносится жертва, а на отводинах — его семейство. Моление начиналось тогда, когда йомси и старейшины опускали в котлы с водою мясо жертвенных животных, их сычуги, наполненные жиром, крупою и кровью, соль и крупу, и когда дым от горящих под котлами дров стущался около жертвенника. Положив шапки под левую руку, Чуваши становились в несколько рядов около жертвенника и с частыми поклонами просили *кереметь-отца, кереметь-мать, детей керемети* и *прочих злых духов* о *помиловании, об избавлении от горя, печали, болезней, от сухой беды*[53]. Моление продолжалось до тех пор, пока куски мяса, обыкновенно очень большие, совершенно увари-

---

[52] Если после всех обливаний животное не вздрагивало, то его зарезывали вне керемети. Мясо его не считалось идоложертвенным, хотя иногда съедалось и в керемети.

[53] *Сухая беда* (тип шар) — всякое незаслуженное несчастие, всякое бедствие, которого исходный пункт находился не в воле и не в деятельности бедствующего. Засуха истребит прекрасные всходы хлеба, лошадь падет у Чувашенина, корова сгибнет, умрет без исповеди старик-отец, старуха-мать, либо взрослый сын, мертвое тело, неизвестно как и откуда явится на сельском погосте — все это *сухая беда*.

вались, а иногда и долее, смотря по распоряжению йомси, который провозглашал молитвы, повторяемые народом. На запад от жертвенника и от места, где варилось жертвенное мясо, почти у самого забора керемети тянулось крытое здание, имевшее только три стены — западную, северную и южную, а к востоку совершенно открытое. В нем Чуваши ели мясо жертвенное, сидя на лавках, устроенных вдоль западной и отчасти северной и южной стены, и имея лица, обращенные на восток, как и во время моления. Черемисы имели обязанность съесть хоть через душу все идоложертвенное. Чуваши, напротив, остатки жертвенного мяса уносили домой и из них приготовляли ширтан. По окончании трапезы Чуваши сожигали на месте жертвоприношения внутренности животных и некоторые их кости. На деревья, растущие в керемети, они вешали, как мы сказали выше, головные и ножные кости, и также кожи животных, некоторые на время, а другие навсегда. В дупло одного или двух дерев в керемети, а иногда и в нарочно устроенный для того ящик каждый приносящий жертву клал деньги, смотря по своему достатку. Деньги эти назывались *мамаля-окси (окси,* или *окся* от татарского *акча* — деньги, а *мамаля* — от арабского *маль,* имущество, либо от слов: *ма маля,* то, что имеет кто-нибудь). Выходящие замуж девки кроме обыкновенных жертв приносили в кереметь и вешали на деревьях по аршину холста своего тканья. Все имущество керемети считалось священным, неприкосновенным; ни лесу рубить, ни травы косить, ни зверей бить в ней не дозволялось. Смотрение за целостию и сохранностию ее поручалось обществом выборному, доверенному человеку, называвшемуся *кереметь-пысаггал* (почетный смотритель керемети). Впрочем, все здания, находившияся в ней, ни под каким предлогом не могли быть поправляемы или починяемы: кажется, что дальновидные Чуваши опасались искушать бескорыстие директоров или смотрителей керемети во вред ее пансионерам[54]. Когда здания

Но в теснейшем смысле технический термин *тащить* человеку *сухую беду* значит заставить его потерпеть незаслуженное нарекание, или, еще теснее, ни за что, ни про что отдать его под суд, запутать в судебное следствие.

[54] Миллер пишет, что Чуваши в старину *мамаля-окси* употребляли между прочим *на общественные расходы* (с. 61). Можно догадываться, какие это были общественные расходы. Калеки, бедняки, лишенные физической возможности добывать себе пропитание, называются у Чуваш *мамаля*. Вероятно, это название они получили от того, что значительная часть *мамаля-окси* шла на них, как на пансионеров керемети.

керемети приходили в совершенную ветхость, то йомси сожигали их и потом приказывали построить новые по образцу прежних.

Многие из стариков-Чуваш помнят еще древнее устройство керемети. К ним-то обращался я с моими расспросами и недоумениями, когда находил разноречие у Палласа, Лепехина и неизвестного автора Северного Архива.

Последний из упомянутых авторов есть также писатель XVIII века и если не предшественник, то современник Палласа и Лепехина. Хотя статья его *о Чувашах* напечатана только в 1827 году; но, по уверению издателей Северного Архива, которые уже сами подновили ее слог, она написана таким языком, каким у нас писали в начале семидесятых годов прошлого столетия. Не можем, да и не имеем ни малейшей причины не верить свидетельству таких многоопытных знатоков истории отечественного языка, каковы гг. Греч и Булгарин, хотя и горько сетуем на них, *во-первых,* за то, что они, плохо зная чувашский язык, *а может* быть (чего доброго!) и ничего в нем не смысля, дозволили варвару-типографщику беспошадно изуродовать самые благозвучные, самые отборные Чувашские фразы. А *во-вторых,* за то, что они не объяснили, каким образом и от кого досталась им эта апокрифическая статья. А она стоила того: это есть лучшее произведение из всего, что доселе писано о Чувашах. Правда, многие обычаи, обряды и учреждения, в этой статье упоминаемые, теперь уже не существуют, многие божества, о которых она рассказывает, теперь уже забыты и некрещеными Чувашами; но тем-то в особенности она и драгоценна, что сообщает нам обстоятельные сведения о древних обычаях, о древней религии этого народа. Автор не мимоходом взглянул на свой предмет, как вышеупомянутые путешественники и некоторые из новейших писателей, но изучил его совершенно. Приметно, что он долгое время жил среди Чуваш и был знаком с их языком и притом с ядринским его наречием, как это доказывают некоторые грамматические особенности его чувашских фраз. Обстоятельство не совсем маловажное: наречием этим говорят в уездах ядринском, буинском, курмышском и отчасти цивильском, т. е. в тех местах, в которых Чуваши живут почти совершенно отдельно, не смешиваясь с другими инородцами, и в которых до-

дее, чем в других сохранялись старинные обычаи. В этих местах не был ни один из упомянутых нами академиков. Может быть, и самые местные условия знакомства нашего автора с Чувашами, независимо от других его преимуществ, доставили ему возможность далеко подробнее и вернее академиков описать этот народ. — Для нас особенно интересны его известия о древней демонологии Чуваш. Он насчитывает добрых Чувашских богов до 31; но из этого числа двух богов гг. Греч и Булгарин исключили, может быть, за неблагозвучие, либо неразборчиво написанное их название, а может быть и по своему убеждению в том, что для каждого порядочного язычника довольно уже и 29 богов[35]. Что касается до меня, то я, пожалуй, сократил бы и это число. Злых богов у Чуваш так много, что нельзя и перечислить их имен; автор ограничивается разделением их на главных, средних и малых. Некоторые ошибки, вкравшиеся в сказания автора об этом предмете, каковы, напр., толки его об особой керемети, под названием *мамаля*, или повествование об ирихе, или рассказ об апотеозе какого-то Чувашенина *Чемена*, который, сколько можно понять из слов нашего автора, хотел между Чувашами разыграть роль возрождающегося Далай-Ламы или по крайней мере Кутухты, — произошли или от того, что он недостаточно вразумел сообщенные ему сведения, или от того, что вдавался в произвольные их толкования. Но зато автор с надлежащею подробностию и отчетливостию описывает, какая жертва приносилась тому или другому доброму богу и какая — злым. Я нарочно читал некоторым старикам это описание: имена одних богов они совсем не понимали, названия других смутно помнили. Но когда доходило дело до обрядов и жертв памятному или непамятному богу, то все мои слушатели единогласно подтверждали совершенную справедливость слов автора; только никак не могли поверить, чтобы это писал Русский, а не Чувашенин и притом не *йомся*. Вот вам и критика, да еще какая? Шутка ли: писано самим *йомсей!*.. Да лучшей похвалы сочинению на свете, я думаю, и быть не может!

---

[35] В Северном Архиве при исчислении Чувашских богов за *первым* и *вторым* прямо следует *пятый*. Впрочем, знакомому с чувашскою мифологиею нетрудно отгадать, какие именно божества здесь пропущены.

В 1799 году издан на русском языке во многом против подлинника исправленный перевод *Георгиева описания всех обитающих в Российском Государстве народов*. Здесь, в статье *о Чувашах*, исправлено не очень многое, а новых неверностей внесено довольно. Так, напр., нам рассказывают, будто *чук-тоата* по-чувашски значит — разумный старик, будто *ой-чук* есть благодарственная жертва, приносимая в *керемети* (по-русски это выйдет так: *полевая* жертва, приносимая *в лесу*), будто у Чуваш есть какие-то кереметные праздники и т. д.

У Федора Христиановича *Эрдмана*, в его Beiträge zur Kenntnis des Innern von Rusland (изд. в 1822 году) находим несколько дельных замечаний о Чувашах. Но особенного внимания заслуживают его физиологические доказательства в пользу предположения, что Чуваши суть народ финского происхождения. Об этих доказательствах мы будем говорить подробнее в своем месте.

В 1829 году напечатаны были в *Казанском Вестнике* две статьи о Чувашах; но в обеих нет ничего замечательного. Антагонизм обоих авторов обращен — на пустяки.

В Статистическом описании Саратовской губернии г. Леопольдова, изданном в 1839 году, мы предполагали найти интересные сведения о Чувашах, потому что саратовские Чуваши, живущие в уездах кузнецком и петровском, во многом, как мы слышали, разнятся от здешних своих единоплеменников. Но, увы! г. Леопольдов свою статью о Чувашах целиком взял, или, как ныне обыкновенно говорят, *завоевал* у описывавшего наших же Чуваш *Палласа*, не чихнув даже ему в знак благодарности. Это бы впрочем еще не беда, если бы г. Леопольдов только просто завоевывал, но посудите сами: он портит, он уродует, он выворачивает наизнанку бедного Палласа. *В Чувашах*, говорит г. Леопольдов, *есть еще следы идолопоклонства. Они помнят богов своих: Керемети, Азлыра, Кенира, Пюлыса, Сира, Сиолегорена-Ирзене, Хилзира-Кебе* и пр. — Вот это и значит отподчивать приятеля! *В Сентябре месяце, который Чуваши называют Чухунас* (уж лучше бы: чух у Вас!) *они приносят в благодарность великую жертву, закалывают в большом керемете в одно время лошадь, быка и барана.* — Это уже значит заколоть приятеля. Но и этого мало г. Леопольдову. Потрудитесь припомнить замечание Пал-

ласа, что у многих богов чувашских есть жены и дети, и что к таким (т. е. семейным) богам Чуваши в своих молитвах обращаются по трижды, призывая бога-отца, бога-мать и их детей. Вот как изуродовал это место г. Леопольдов: *примечания,* говорит он, *достойно, что Чуваши называют* (у Палласа dreimal anrufen) *три* (???) *божества: Тор или Кереметь-ам — Бог-Отец, Кереметь-Амже — Бог-Мать, Кереметь-Цевли* (у Палласа: Uewli, правильнее, ывыл-зам) *— Бог-Сын, впрочем не могут ни объяснить, ни доказать, откуда заимствовано и на чем основано понятие об этом.* В одном только месте г. Леопольдов о Чувашах а sc. Паллас сказал, что у большой части их непременно есть gute Federbetten, und nur die Uermsten schlafen auf Matten, welchesie von Bafferplumpen (turha pallustris) zu duesem und andern üfonomisven gebrauf verfertigen, — и это правда. Г. Леопольдов повествует, что у Чуваш постели скудные, сплетенные из травы, — и это, с позволения сказать, чистая ложь[56].

В 1840 году изданы *Записки о Чувашах А.А. Фукс.* Я уже сказал мое мнение о них; не отказываюсь от него и теперь. Книга г-жи Фукс в свое время была приятным явлением уже и потому, что подала О.И. Сенковскому повод написать рецензию, которая вышла (как это нередко случается с его рецензиями) дельнее самой книги. Но те же *Записки о Чувашах* ввели в ошибки многих ученых, на слово поверивших г-же Фукс. Так еще очень недавно ученый ориенталист наш, П.С. Савельев, на основании сказаний нашей писательницы, вывел заключения, которых не хотелось бы видеть в такой прекрасной книге, какова «Мухаммеданская Нумизматика»[57]. Вот почему я позволю себе по временам делать указания на неточности и неверности г-жи Фукс. Вот почему и теперь считаю нужным заметить, что напрасно мы стали бы искать у нее сведения, которые могли бы вести исследователя к серьезным, важным выводам. Описать костюм чувашский, потолковать с апайкою о разных житейских мелочах, рассказать, как Чуваши принимают и подчуют своих гостей, — это г-жа Фукс, пожалуй, исполнит ловко, грациозно и даже верно, если только известная по Заволжью поэтическая

---

[56] Статистическое описание Саратовской губернии Андрея Леопольдова. Ч. I. с. 41—46.

[57] Об этих заключениях мы еще поговорим в своем месте подробнее.

муза ее не подбросит ей под перо *красного словечка*[58]. Но как скоро она начинает говорить о чем-либо серьезном, то сейчас обнаруживается, что это не ее сфера. Вот, напр., как она объясняет генетическое происхождение разных чувашских богов: *полудикий Чувашенин не может иметь понятия о происхождении вещей* (?), *не придав своим божествам мать*, т. е., *по нашему, природу*; далее: *Тора медлителен и не имеет острого зрения* (sic !!!); *по той причине у него есть помощник (пюлюхс)* и проч. Сказав, что у Чуваш *Тора — главный бог, Тора-Аможе — мать его, Пиликсе — помощник Бога, пиликсе-аможе — мать его*, и перечислив названия еще 11 богов, из которых у трех так же есть матери, г-жа Фукс восклицает: *как странно! у всякого бога есть мать; я спрашиваю, кто отец? — они не знают.* — Странно то, что этим и оканчиваются все исследования ее о богословии чувашском, а не то, что Чуваши почти каждому богу дают мать. У них, как и у других восточных народов, слова: *жена, супруга*, не употребляются, когда говорится о высших лицах: *мать Тора, керемети, пюлюхси*, — это эллиптические выражения, которые должно переводить: *мать детей Тора, керемети, пюлюхси* и т. д. Со времени покорения Русскими казанского царства Чуваши обоготворяли каждого из наших государей (падша), но супругу его называли не *падша-арым, супруга государя*, но *падша-амыж, мать государя*, т. е., мать детей государя.

Говорить ли мне о статье чебоксарского доктора *Кронгейма:* die Tschuwaschen, помещенной в Эрдмановом Archiv fur wissenschaftliche Kunde von Rusland (1843, 1 btes Heft). Это голословная и *бессовестная* выписка из

---

[58] А *красные словеса* у г-жи Фукс ни по чем. Так, напр., приехав в *Исенево*, — деревню, лежащую в *двух* верстах от большой дороги и от самого шумного в чувашской стороне, андреевского базара, г-жа Фукс говорит, что она заехала в *глушь*, где чувашские *обряды совершаются гораздо смелее, нежели в деревнях, лежащих при больших дорогах* (с. 11). Разве это не поэзия? Не красное словечко? — О той же деревне, которая населена сплошь *одними Русскими*, г-жа Фукс говорит: *проезд Русского мужика здесь диковина* (с. 11). — Видите, какая это поэзия: неподдельная, самородная, чистая, 84 пробы. — На с. 58-й г-жа Фукс говорит: *ежели у Чуваш печется хлеб, то они беспрестанно заглядывают в печь, наблюдая, не треснет ли у которого корка, и ежели это случается, то тотчас из печи хлеб вон и в овраг.* — Вот и это известие так и просится в стихи и в пиитику г. Георгиевского для примера — чистого вымысла. — Да всех поэтических вымыслов, рассеянных в Записках о Чувашах, — и не перечтешь...

записок г-жи Фукс, которая впрочем чрез то не только ничего не выиграла, но напротив очень много потеряла, потому что в немецком переводе недостатки ее представляются еще выпуклее, чем в русском подлиннике. Вот вам и доказательство. Г-жа Фукс, так же хорошо знающая быт Русского как и Чувашского человека, приехав в свою русскую деревню *Новинск*, описывает *капустку* и называет ее *народным праздником, принадлежащим собственно одним* (???!) *Чебоксарам и его уезду*. Ученый Кронгейм не понял, что у г-жи Фукс крестьяне русские и со слов ее преподробно описывает *чувашский* праздник — Das Kobl — Heft, праздник, которого Чуваши знать не знают и ведать не ведают. — Даже и *семик* у г. Кронгейма чувашский праздник.

В 1843 году издано *краткое описание суеверий Чуваш* Александра Степановича Протопопова, — книжечка маленькая, крохотная и дельная на столько, на сколько, можно быть дельной книжечкой в 24 крошечные страницы крупной и разгонистой печати.

В 1846 году в Вашей газете напечатана была прекрасная статья: *О религиозных поверьях Чуваш* Протоиерея Виктора Петровича Вишневскаго. Автор подробно описывает *нынешние* поверья Чуваш. От древних они существенно отличаются тем, что в них все божества сосредотачиваются в одном Торе, и что свойства божественные, прежде ипостасировавшиеся в отдельных божествах, теперь перенесены на одного бога. Нынешние религиозные поверья чувашские представляют собою чистый дуализм. Другими словами: Чуваши в настоящих своих верованиях пришли к той же точке, с которой началось развитие их религиозного учения. Влияние христианских понятий на нынешние их поверья — очевидно. Но ученый отец Вишневский вовсе неконсеквентно вывел отсюда мысль, будто и вся древняя религиозная система их не иное, что как искажение христианских и мухамеданских верований. Это слабая сторона превосходной во всех других отношениях статьи достопочтенного отца протоиерея, который совершенно справедливо пользуется славою отличного знатока Чуваш и их языка. Об его чувашской грамматике и чувашском словаре мы с особенным удовольствием поговорим подробнее в своем месте.

VII

Основываясь на сведениях, сообщаемых неизвестным автором Северного Архива, и на верованиях теперешних некрещеных Чуваш, мы можем составить себе верное и довольно подробное понятие об их древней религии.

У народов, чуждых всякого образования, обыкновенно находим господствующим более или менее грубый фетишизм. Но у Чуваш нет ничего похожего на этот первоначальный вид языческой религии; по крайней мере ничто не напоминает об нем исследователю, рассматривающему внимательно и язык, и нравы, и поверья этого народа и сличающему свои наблюдения со сказаниями авторов, писавших о Чувашах.

Едва ли также можно предполагать, чтобы они первоначально обоготворяли одни силы природы. Божества — представители этих сил входили в их религиозное учение по мере того, как Чуваши делались грубее и диче. В их языческих поверьях, какие нам известны, нельзя не различить два, так сказать, слоя, из которых один, первоначальный, довольно чист и мог принадлежать народу образованному, а другой, наносный, груб и образовался от постепенного погружения массы народа в невежество и грубость.

Более чем вероятно, что у Чуваш первоначально господствовал чистый дуализм, может быть, заимствованный либо от последователей древней зороастровой религии, либо от соседних некогда Чувашам Хазар, исповедовавших еврейскую, вероятно, не совсем чистую, религию. Дуализм этот состоял в поклонении двум враждебным одна другой божественным силам, т. е. *Торе* и *шайтану*. *Тора* был бог добра и света; место жительства его — высочайшая область света. *Шайтан* — бог

зла и мрака; местопребывание его — в бездне, в хаосе. Мне нет никакой надобности объяснять Вам, любезнейший Ал. Ив., титулатуру этих богов. Как старый и, с позволения сказать, закоснелый ориенталист, Вы очень хорошо знаете, что *шайтан* есть слово, известное всем семетическим племенам, и без всякого сомнения имеет свой корень в еврейско-финикийском *шатан* (противиться), откуда вышел и нам известный *сатана*. — Что касается до названия *Торы*, то он, как мне кажется, не имеет никакой связи с скандинавским Тором, хотя многим добрым людям страх как хочется вывести отсюда доказательство финского происхождения Чуваш, несмотря на то, что Норманны, у которых точно был бог Тор, и Финны, вовсе не знавшие Тора, отнюдь не одно и то же. Скорее же в чувашском Торе можно слышать отголосок монголо-татарского *Тангри, Тори;* знающим языки чувашский и татарский очень хорошо известно, что татарское *ан* и *а* в чувашском языке по большей части переходит в *о*.

В областях как доброго, так и злого бога по верованию Чуваш были духи служебные. Из них-то Чуваши в последствии времени сделали особенные, самостоятельные божества. — Таким образом из единого доброго бога составилось несколько богов, из которых каждый представлял собою одно какое-либо свойство прежнего, единого доброго божества, и каждый носил название *Тора* с прибавлением свойства, им представляемого. — К этим божествам присоединились потом и боготворенные силы природы, и за ними напоследок явились боги-покровители полей, домов, лесов, урочищ и проч. — Все это было *регрессивным* движением народа в развитии религиозном. И все это долженствует служить доказательством, что Чуваши некогда были не совсем недоступны образованию, что их жизнь и деятельность была далеко значительнее той, какую влачат их настоящие потомки...

Наконец вот как разветвился первоначальный дуализм этого народа.

Боги чувашские, как сказано выше, разделялись на *добрых* и *злых*. Тем и другим приписывалась взаимная друг от друга независимость. — Боги добрые подразделялись на два разряда: а) на *небесных*, или живущих на небе, и б) на *земных*, имеющих местопребывание на земле.

А) *Небесные добрые* боги были:

1) *Сюльди-Тора,* высочайший бог. У него жена — *Сюльди-Тор-Аныж* и дети, *Сюльди-Тор-ывыль-зем.* Это самое верховное божественное семейство. — Предикат *сюльди* происходит, как я полагаю, от татарского слова *юлдус,* звезда, по-Чувашски *сюлдыр,* по-Черемисски *шюдыр.* В таком случае Сюльди-Тора будет буквальный перевод еврейского *Иегова-Цебаот,* или по чтению LXX *саваоф,* бог звезд. *Сюльди-Тора* есть властитель и распорядитель всего надзвездного, духовного мира; с земным же он сообщается не иначе, как через посредство других небесных богов.

2) *Сюдь-Тунзы-Тора,* творец света, бог, во власти которого посылать людям свет и теплоту.

3) *Чон-сиорадан-Тора* (от персидского *джон* — душа), бог, дающий младенцам души. Чуваши допускали предсуществование (praeexistentiam) последних и верили, что души человеческие сотворены высочайшим Богом *посредством Чон-сиорадан-Торы* и до соединения своего с телом живут в удивительно прелестной, богатой и плодородной стороне, лежащей к юго-востоку от Чувашландии.

4) *Асла-аддий-Тора,* бог грома и молнии. *Асла-аддий-Тора* до слова значит: *бог-дед.* Отчего бог грома и молнии получил такое название, занимая ничуть не первое место в демонологии чувашской, — неизвестно. Знаем только, что гром и доселе у Чуваш называется дед *(Асла-адий).* Чувашские выражения *асла адий аудать* (дед поет или слышится), *асла адий хыда аудать* (дед громко поет) значат: *гром гремит, сильный гром гремит.*

5) *Кебе,* судьба (вероятно, от арабского *кадза,* судьба, предопределение, рок), бог, управляющий всеми земными и подземными делами и особенно судьбами рода человеческого. Ему содействуют два небесных божества: *пюлюхси и пигамбар.*

6) *Пюлюхси* есть небесный бог, который по назначению *Кебе* раздает людям счастливые или несчастные жребии, богатство или скудость земными благами. — Это семейный бог, как и *Сюльди-Тора,* т. е. у него есть жена и дети. — И корень, и грамматическая форма слова *пюлюхси* едва ли могут быть объяснены из финских наречий. Тут все напоминает *семитизм* и *туреччину.* У арабских писателей, наприм. у Лебида, слово *касим* употребляется в смысле бога-раздавателя счастливых и несчастных жребиев. У Шайха Саади в его предисловии к Гюлистану Мухаммед носит также почет-

ное прозвание *касима* (разделителя); а происходящим отсюда словам: *мукассамат*, Аравитяне называют ангелов, имеющих попечение о доставлении людям насущных благ. Татары название касим буквально перевели словом *булюкчи* (от *бульмяк*, разделять). Чуваши по обыкновению переменили ненавистное *б* в *п*, заменили окончание *чи*[1], означающее в тюркских наречиях действователя, производителя, владетеля, своим любимым партиципиальным окончанием *ссы* или сокращенно *си*, и вот из татарского *бюлюкчи* явился чувашский *пюлюхси*. Черемисский *пюлюкше*, дух, ангел, очевидно, взят у Чуваш.

7) *Пигамбар*, бог, по определению *Кебе*, раздающий людям душевные качества и сообщающий йомсям видения пророческие. — Самое название этого бога, очевидно, происходящее от персидских слов *пэйгам* (радостная весть) и *бюрден* (нести), значит пророка. Присовокупим к этому чистоперсидскому происхождению *Пигамбара* и то весьма важное обстоятельство, что он был первоначально бог и огня. Потом низвели его в степень бога пастухов и наконец понизили в звание покровителя скотов. Sic trangit gloria deorum paganorum! От заведывания прекрасными душевными качествами низойти до заведывания скотами — шаг несколько крупноватый; нам сдается даже, что здесь между прочим должно искать нового доказательства не прогрессивного, а регрессивного движения религиозного образования у Чуваш.

8) *Ира-Тора*, бог благодеяний, покровитель жизни супружеской, семейной. Он устрояет браки, старается сделать счастливою жизнь супругов и во всех отношениях обеспечивает их домашний быт.

9) *Перегеть-Тора*, его жена и дети. Это боги изобилия, преимущественно пред другими многочадные. Во власти *Перегеть-Торы* давать людям изобилие в жизненных потребностях, в счастливом поддержании супружества и преумножении земных плодов. Он же оберегатель сохраняемых в земле кладов. — Название *Перегеть* есть очевидно арабское *берекет;* то и другое зна-

---

[1] Наши существительные, кончающиеся на *чай* или *чей*, составлены под очевидным влиянием семитизма. Таковы, напр., слова *казначей, кормчий, стрячий, певчий* и тому подобные. — Первое из этих слов есть даже чисто арабское, происходящее от *хазана* (казна) и *чи* имеющий, производящий.

чит — изобилие. Корень его в еврейско-финикийском *барах* или *барак*, что значит благословлять, обогащать.

10) *Хвель-Тора*, бог солнца, *Хвель-амыж*, его жена; *Хвель-ывыл-зэм* — его дети.

11) *Оих-Тора*, его жена и дети. *Оих* по-чувашски значит месяц, по-татарски он называется *Ой*.

12) *Пертерли*, бог одновидный. Корень названия его заключается в татарском *бер* (один) и арабском *таур* (вид, раз), а частица *ли*, как известно, употребляется в тюркских наречиях для образования имен прилагательных. Это бог-покровитель мануфактурных изделий. Он же употребляемую Чувашами пищу делает безвредною.

13) *Сюлан*, от татарского *илан*, *дживан*, змей, бог, летающий в воздухе и сообщающий женщинам дар плодородия.

14) *Сир-асше*, его жена и дети. Это бог, создавший землю. Земля по-чувашски *сир*, по-татарски *ир* или *джир*.

15) *Силь-Тора*, его жена и дети. Это боги ветра (от чувашского *силь* или от татарского *ил*, что значит ветер).

16) *Сюрень-Тора (сюрень* или *сюреггень* от чувашского *сюряс*, имеющего корень в татарском *юрмак*, ходить, странствовать, гулять), бог, странствующий по воздуху и подающий помощь тем, которых постигает непредвиденное, нечаянное и незаслуженное бедствие. В особенности он покровительствует странствующим по водам и спасает утопающих.

17) *Херле-Сирь-Тора*, бог красной, плодородной земли, т. е. оплодотворяющий землю.

18) *Хурбан-Тора* (от арабского *курбан*, жертва), бог жертвоприношений. Когда Чуваши хотели приносить жертву высшим небесным богам, то прежде всего особым жертвоприношением просили Хурбана, чтобы он внял их молениям. Потом уже начиналось жертвоприношение в честь высшим богам, к которым один только Хурбан-Тора мог переносить молитвы жертвоприносителей.

19) *Алык-озян-Тора*, отворяющий двери небесного жилища богов, охранитель небесных врат.

В) *Земными* добрыми богами считались:

1) *Сирди-падша, сирди-падша-амыж, сирди-падша-ывыл-зэм*, земной царь, земная царица и дети их. Язычествовавшие Чуваши боготворили каждого из земных своих владык, считая их представителями высочайшего бога

и приписывая им чисто божественную натуру. На торжественных жертвоприношениях имя земного царя и его семейства произносилось в молитвах сряду после имени высочайшего бога, прежде всех других небесных божеств.

2) *Сиол-Тора*, от чувашскаго *сиол* или татарского *юл*, дорога, — бог покровитель дорог и путешествующих по ним.

3) *Кильран-Тора* (от *киль*, дом), домовой.

4) *Кардран-Тора* (от *карда*, загородка, хлев, скотный двор) — покровитель и защитник домашних животных.

5) *Вурман-тора* (от чувашского *вурман* или татарского *урман*, лес) — хранитель лесов, не имеющий впрочем ничего общего с кереметью.

6) *Хирран-Тора* (от татарского *ккыр*, поле, степь, откуда *киргиз*, степной человек) — блюститель пашен и вообще полей.

Все эти боги суть, как мы сказали выше, анализ и представление разнородных свойств одного, прежде обожаемого Чувашами высочайшего существа. Все они составляли одну божественную семью. Доказательством этому может служить уже и то обстоятельство, что торжественные молитвы у Чуваш всегда сопровождались жертвоприношениями и всем прочим добрым богам.

Из этих торжественных жертвоприношений два совершались в поле: одно перед *яровою*, другое — перед *озимою* пашнею. Первое называлось *ой-чук*, полевая жертва, второе — *синзя* (неделовая пора). То и другое совершалось в поле, с такими же обрядами, как и описанное мною кереметное жертвоприношение. Вот в чем только разница, в кереметном *чуке* не бывает ни музыки, ни плясок. Напротив, праздники *ой-чук* и *синзи* начинались музыкою и оканчивались пляскою и веселыми играми.

Третье жертвоприношение есть уже известное Вам *Тора-тыражан-чуклес*, моленье о хлебе. Оно отличается тем, что при нем кроме добрых богов призывают и злых.

О четвертом жертвоприношении я потолкую особо, когда поведу речь о поминовении усопших.

VIII

В седьмом письме я сообщил Вам, любезнейший Ал. Ив., перечень добрых чувашских богов. Число их, как Вы изволили видеть, немалое. Но *злым* богам уже и счета нет, и я затрудняюсь, как Вам передать понятие о чувашской диабологии или чертовщине. Дело в том, что добрые боги были одни и те же у всех Чуваш, а злые, напротив, не везде одни и те же. Каждая чувашская деревня кроме общих злых духов признавала еще свои местные злые божества, которым преимущественно и поклонялась. Составить полный перечень их нет никакой возможности, тем более что число их у некрещеных, а отчасти и у некоторых крещеных Чуваш и теперь еще постоянно продолжает увеличиваться. Извините же меня, почтеннейший Ал. Ив., если в настоящем письме найдете далеко не полный перечень чувашских злых богов. Я по необходимости принужден ограничиться очерком общего учения Чуваш о злых богах.

Я сказал уже, что в древнем дуалистическом чувашском вероучении *шайтан* был злым началом. Но впоследствии времени понятие о шайтане подобно понятию о Торе распалось на несколько частей: явилось множество злых богов, которым всем приличествовал предикат шайтана. По мере того как Чувашенин погружался в грубость и невежество, он старался приблизить к себе как добрые, так и злые божества, окружать себя ими, внести их в сферу своей жизни, чтобы удобнее можно было иметь сношение с ними и умилостивлять их. Таким образом, два первоначальные божества, Тора и шайтан, сделались божествами абстрактными, не имеющими совершенно никакого сношения с людьми и с миром видимым. Это сношение есть дело богов — творцов или представителей отдельных сил природы и богов, живущих на земле, добрых и злых.

Мы видели, что ближайшие к высшему Богу, к *Сиольди-Тора*, добрые божества образовались из служебных духов, созданных первоверховным добрым началом. Напротив, в области злых богов служебные существа, происшедшие от первобытного злого начала, занимают низшее место; наивысшее принадлежит существу по происхождению доброму, но сделавшемуся злым от стечения различных обстоятельств. Это высшее злое существо, первенствующее в царстве злых богов, есть кереметь[1] (вероятно, от арабского слова *гюреметь*, означающего все неприкосновенное, священное). Вот что рассказывают Чуваши о происхождении этого грозного существа.

Кереметью первоначально назывался сын верховного бога, первенец его. Люди, подстрекаемые шайтаном, убили его в то время, когда он в пышной колеснице, запряженной белыми конями, разъезжал по земле, всюду принося с собою плодородие, обилие благ земных, довольство, счастье. Чтобы скрыть от верховного бога свое ужасное преступление, люди сожгли тело убитого сына его и прах его развеяли по ветру. Но там, где пал на землю этот прах, выросли деревья, а с ними возродился и сын бога уже не в одном лице, но во множестве враждебных человеку существ, которые впрочем сделались уже, так сказать, привязанными к земле, и лишились возможности жить в сообществе с добрыми небесными богами. Таким образом произошло множество кереметей; число их размножилось потом еще более, когда кереметь переженились и произвели от себя длинную вереницу потомков.

Вообще кереметь есть существо озлобленное, мстящее людям за свое убиение, за потерю права на небесное жилище, — существо, готовое поражать преступный род человеческий всеми возможными бедствиями и страданиями. Всякая невзгода, всякое частное и общественное бедствие происходит от кереметь. Чуваши верили, что люди давным-давно были бы стерты с лица земли со всем их имуществом, если бы только не умилостивляли кереметь жертвоприношениями.

У каждой чувашской деревни непременно была своя кереметь, в многолюдных селах их было по две, по три

[1] Почитание кереметь, вероятно, уже от Чуваш перешло к Черемисам, Вотякам и некоторым другим финским племенам.

и более. Название свое они получали или от своих отличительных свойств, или от деревни, либо от реки, к которой прилежали, а иногда от имени йомси, либо старика, который первый посредством пророческого сновидения или каким-нибудь другим чудесным образом открывал кереметь в том или другом месте. Как скоро народонаселение в той или другой деревне умножается до такой степени, что количество пахотной земли оказывается недостаточным для всех, и потому некоторые из обывателей принуждены бывают выселяться на новые места; то и некоторые из кереметей или их детей переходят с ними на эти новые места, поселяются в близлежащих рощах и ездят оттуда каждую ночь в великолепных колесницах к своим сродникам для свидания[2]. — Каждая кереметь, кроме детей, имеет своих служебных, также как и сама она, злых духов, исполняющих ее приказания.

Наиболее общими у Чуваш были следующие кереметь:

1) *Асли-кереметь* (слово *асла* по-чувашски значит большой и имеет свой корень в арабском *асли*, коренной, главный, знаменитый), главная, соборная кереметь. В частных кереметях, почитаемых тою или другою деревнею, приносились по назначению йомси жертвы, если эти семейства впадали в какое-либо несчастие. Но если Чуваш постигало общественное бедствие, например, засуха, голод, моровая язва, то деревень до десяти и более собирались по приглашению йомсей в главную или соборную кереметь и с описанными мною выше обрядами приносили ей в жертву несколько лошадей, три или четыре белых коровы и около дюжины овец, также непременно белых.

2) *Кюмюль-кереметь* (слово *кюмюль*, происходящее от татарского *кюмуш*, значит серебро), серебряная кереметь. Если Чувашенин замышлял какую-либо спекуляцию, от которой надеялся получить значительные выгоды, то считал обязанностию предварительно умилостивить кюмюль-кереметь и принести ей в дар несколько серебряных монет или по крайней мере тухлинок (оловянных кружочков), чтобы она не обратила в прах всех его рассчетов и чтобы не заставила вместо ожидаемых от предприятия барышей понести значительный убыток.

---

[2] Сев. Арх. 1827. Ч. XXVII, с. 216.

3) *Пилик-тюбе-кереметь* (от *пилик*, пять и *тюбе*, что и по-чувашски, и по-татарски значит холм, вершина), кереметь, расположенная на пяти холмах. Число пять у Чуваш некогда было, как кажется, священным, и потому пилик-тюбе-кереметь пользовалась значительным уважением. Ей в жертву приносился белый баран.

4) *Чиришлавар-кереметь* (от *чириш*, ель), кереметь, находящаяся в еловом лесу. Ей в жертву приносился белый баран и гусь.

5) *Херле-сирь-кереметь*, т. е. кереметь, от которой зависит плодородие земли. Ее не должно смешивать с добрым небесным богом — *Херле-сирь-Тора*. Последний старается оплодотворить землю, напротив, первая усиливается лишить ее плодородной силы. Чтобы предотвратить пагубные следствия тлетворного влияния *херле-сирь-кереметя* на обрабатываемые поля, каждый Чувашенин должен был через каждые пять лет приносить ей в жертву жеребенка. Раза два мне случилось быть при таких жертвоприношениях, и в оба раза я с изумлением слышал, что в молитвах, обращаемых к херле-сирь-кереметя, Чуваши упоминали имя Николы-Торы, т. е. Николая Чудотворца. Никто не мог объяснить мне, как и почему в эти именно молитвы включено имя христианского святителя.

6) *Йиваш-кереметь*, смирная кереметь. Если она и причиняет людям вред, то самый легкий и охотно вознаграждает его, как скоро ей принесено будет какое-либо, даже мелкое животное. Это существо ни доброе, ни злое. Совершенную противоположность ей представляет —

7) *Хаяр-кереметь*, злая кереметь. Это самое свирепое и самое грозное божество. Наносить людям всевозможные бедствия и страдания для хаяр-кереметя — наслаждение. Чтобы отклонить от себя карающую ее руку, надобно было принести ей в жертву либо черную лошадь, либо черного быка, либо черную овцу, смотря по тяжести ниспосланного ею бедствия и по совету йомси. Но для того, чтобы Чувашенин мог заставить ее покарать своего недруга, обрушить на его голову всевозможные скорби и бедствия, не нужно было жертвоприношений: ему стоило только явиться в хаяр-кереметь и с известными заклинаниями попросить ее наказать и даже, если нужно, умертвить его недруга, — и все исполнялось по его желанию. Заклинатель своими молитвами распалял ее гнев и ярость до такой степени, что она в бешеном ослеплении готова была пора-

зить всякого, кто попадется ей под руки. Горе Чувашенину, который будет находиться в хаяр-керемети или близ нее в то время, когда заклинатель будет просить ее наказать своего врага! Ужас, внушаемый ею, был причиною того, что только весьма немногие из чуваш осмеливались являться пред нее для заклинания или призвания бедствий на своих врагов. Большинство Чуваш не знало даже, в чем оно заключается, какие тайные молитвы должны быть проговорены при этом случае и какими символическими действиями должно сопровождаться произнесение этих молитв. Не думаю, чтобы и из Русских многие имели ясное и определительное понятие о заклинании, может быть, и потому уже, что оно всегда совершалось в глубокой тайне. По крайней мере, я знаю, что из всех авторов, доселе писавших что-нибудь о Чувашах, ни один ни слова не упоминает об этом предмете. Мне случайно и вовсе неожиданно удалось быть свидетелем заклинания.

Это было в 1828 году. Я медленно тащился по проселочным дорогам Чувашландии. Целью моею были два села, из которых в одном я хотел получить должные мне одним духовным лицом деньги, а в другом — повидаться с моими родственниками. К последней цели я был уже близок; мне оставалось сделать до нее не более шести верст. Но на пространстве этих шести верст почти вплоть до селения, в которое лежал мой путь, с большими перерывами тянулся густой лес. Прекрасный июльский вечер, прескверная проселочная дорога, которая делалась тем хуже, чем ближе мы углублялись в лес, усталость моих коней, а пуще всего обилие малины в этом лесу — все это вместе заставило меня вылезать из кибитки. Я велел моему ямщику, *Нягосю* (Егору) ехать как можно тише, и сам пошел лесом, собирая местами малину. Пример мой соблазнил и Нягося: он по временам останавливал лошадей, сходил с козел и также собирал малину. Видя, что он меня не торопит, я углубился в лес более, нежели на двести шагов от дороги. Наполнив бурачок ягодами, я собирался было выйти на дорогу, как вдруг заметил шагах в 20-ти от меня одного знакомого мне Чувашенина *Козюшку* (Касьяна). Он, пересекая мне дорогу, торопливо пробирался в глубь леса. На нем, как говорится, лица не

было. Я знал, что он считался вобуром[3] и за то нередко подвергался тяжким оскорблениям от своих односельцов. Мне представилось, что измученный этими оскорблениями, он по примеру многих своих соплеменников хочет наложить на себя руки и теперь прискивает себе местечко, где бы удобнее, покойнее и беспрепятственнее было удавиться. Я тихонько пошел за ним в намерении кликнуть Нягося, если мое предположение окажется справедливым, и общими силами удержать сумасброда от самоубийства. Но скоро обнаружилось, что Казюк спешил не к петле. Он вышел на небольшую поляну, сбросил с головы шляпу и грянулся оземь, произнеся вполголоса какую-то молитву. Вставши на ноги, он распоясался, скинул рукавицы, кафтан, рубашку, снял с ног лапти и онучи и остался в чем мать родила. Несколько времени он совершенно нагой стоял и шептал что-то про себя, вперив глаза на восток и изредка покачивая головою. Потом вдруг завыл диким, пронзительным, раздирающим душу голосом. Вопли его прерывались восклицаниями: *Хаяр-кереметь! озал кереметь! Манын сумах ильделе! чазрах тыд она, виляр она*, т. е. *злая кереметь, лихая кереметь! услышь мою молитву, немедленно излови, умертви его!* — Произнося эти слова, он рвал на себе волосы, валялся по земле, кувыркался, руками и зубами рыл землю, судорожно корчил руки и ноги, скрежетал зубами. Этот дикий вой, это кувырканье, эти заклинания продолжались с полчаса времени. Не будучи замечаем Казюком, я смотрел на это из-за густого орехового куста, и, признаюсь, в жизнь мою не видывал человека в подобном отвратительно-странном положении. Глаза налились кровью и сверкали, как горячие уголья; пена клубом билась изо рта; волосы на голове и бороде были всклокочены и осыпаны землею; лицо, руки, ноги и вообще все тело исцарапано до крови и покрыто пылью и грязью.

Окончив заклинания, Казюк встал, опять что-то прошептал, поклонился в пояс на восток и, поспешно надев на себя рубашку и обувшись в лапти, захватил в охапку всю остальную свою одежду, и стремглав бросился из лесу. Окликать и останавливать его с моей сто-

---

[3] *Вобур* у Чуваш тот, кто скрадывает и съедает месяц. Слово это, очевидно, происходит от татарского *убыр* — колдунья, ведьма, ягая баба. Отсюда же, вероятно, ведет свое начало и малороссийский упырь.

роны было бы величайшим неблагоразумием: в бешеной ярости своей он мог бы принять меня за своего врага и задушить в один миг. Я неподвижно простоял за кустом до тех пор, пока замолк шелест его шагов. Вышедши на большую дорогу, я не нашел уже там моего Нягося и принужден был около пяти верст идти пешком. По прибытии в село я узнал, что Нягось в совершенной исправности сдал моим родным принадлежащие мне вещи, но никак не хотел дожидаться расплаты и уехал в свою деревню, лежащую в двух верстах от села.

— Почему бы ему не подождать меня? — спросил я у моей сестры.

— До того ли ему. Он чуть жив; лихорадка так подымя и треплет его...

— Как лихорадка? Да он часа полтора тому назад был здоров, как бык.

— Ну вот! ты еще станешь спорить. Я говорю тебе, что он в сильнейшей лихорадке. Бедный Нягось около трех лет не бывал в Казани, которую я с твоего позволения считаю резиденциею всех красавиц — иродовых дочерей, и с непривычки к тамошнему климату схватил лихорадку. Вот и все!

Слова сестры моей были подтверждены свидетельством людей, принимавших от Нягося мои вещи.

Дней через пять я увидел моего ямщика в церкви. По всему видно было, что он едва успел избавиться от тяжкой, изнурительной болезни. Я велел ему прийти к себе для расчету.

— Что это тебе вздумалось бросить меня в лесу? — спросил я Нягося, отдавая ему следующие по расчету деньги.

— О, *тибь болдыр*[4]. Тут стоять бы нам не надо. И я, дурак, забудь, что тут недалеко хаяр-кереметь. Право, *усмак* (дурак). Надо бы ехать да ехать. И здоров бы я был, и кереметь бы меня не ломала, и черный бык мой был бы цел...

— Тебя ломала кереметь?

— Как же? Только я услышал вой в кереметь, как

---

[4] *Тибь болдыр* — бранная поговорка, вроде нашей: черт возьми! Слово *тибь* очевидно не иное что, как арабское *тэббь*, погибель. И у арабов есть поговорка: *тэббьлека;* она значит: гибель тебе, пропадай ты! След., чувашское присловье *тибь болдыр* до слова значит: гибель да будет!

она и напала на меня, да и ну корчить все мои суставы так, что я совсем *аптрал* (из сил выбился). Я не помню, как приехал сюда, отдал твои *ябалы* (вещи), как вернулся домой и пролежал на печи, говорят, двое суток. Уж Илюк-йомся пришел к нам, велел заколоть черного быка, сделать *чук*. Ну кереметь и отступила от меня. Вот теперь я и пришел кончить чук, *кюдесра-Тора*[5] *сиорда лардас,* иконе (обыкновенно, Спасителя, либо Николая Чудотворца) свечу поставить. А все этот, *тибь болдыр,* проклятый *тогатмыш!*..

— Тогатмыш? что это за тогатмыш?

— Да вот колдун, что в хаяр-кереметн намаливает на других болезни и даже смерть...

— Стало быть, Казюшка не только *вобур,* но и *тогатмыш* (заклинатель, намаливатель)?

— А так это был Казюшка? *Хопланна* (пострел)! *Сысна-сюри* (свиной сын, поросенок)!

— Да, это был Казюшка, твой *хорондаш* (родственник) и *дос* (друг). Можешь быть уверен, что он не на тебя намаливал и что ты перепугался совершенно понапрасну. Болезнь твоя произошла не от кереметн и не от тогатмыша, а от суеверного, пустого страху и от сильного душевного потрясения...

— Эх, *оксах* (хромой), как ты не знаешь, что хаяр-кереметь, когда ее намаливают, злится на всякого, кто находится близ нее, корчит его, ломает, а подчас и совсем карачун ему дает (умерщвляет)?

— Но ведь я сам был не только близ кереметн, как ты, но в самой кереметн, стоял в двадцати шагах от Казюшки во все время, пока он намаливал, все видел и все слышал. Отчего же со мною ничего не сделала твоя мнимая хаяр-кереметь?

Казалось, возражение мое смутило Нятося: он при-

---

[5] *Кюдесра-Тора* буквально значит бог угла, т. е. икона, образ, обыкновенно находящийся в переднем углу избы. Священники чувашские всегда настаивали на том, чтобы в каждом доме непременно была икона. Чувашам это очень не нравилось. Они думали, что иконы находятся в каком-то таинственном сношении со священниками и сообщают им обо всем, что делается у них в домах. Случалось, напр., что священник по запаху в избах узнавал, что Чуваши ели скоромное в постные дни и за то порядком пожуривал своих духовных детей. Чуваши думали, что это икона передает все священнику, и потому желая полакомиться скоромным в постный день во время обеда или ужина, обращали икону ликом к стене: не увидит-де и не скажет бачке!

задумался. Я решился воспользоваться этим случаем, чтоб убедить моего приятеля в неосновательности его религиозных убеждений.

— Послушай, Нягось, — сказал я, — ты малый умный и, можно сказать, дошлый: не раз ходил бурлачить на Волгу: два года был в Сундыре работником у богатого и смышленого русского крестьянина; три года держал ям в Чебоксарах, одним словом, обтерся между Русскими. Тебе-то именно и стыдно было бы верить в такие пустяки, как кереметь. Ну что это за злой бог, который карает да милует одних Чуваш, Черемис и Вотяков, а к Русским, к Татарам и к Немцам и подступить не смеет? Если бы он точно существовал, то мог бы карать всех людей. Да и за что он, по вашему мнению, вас наказывает? Посуди сам: неужели ты столько виноват и грешен потому, что невзначай услышал вой какого-нибудь сумасшедшаго Казюшки? Так могут говорить только ваши дураки-йомси, эти плуты, обманщики, объедалы, которым при чуках только бы попировать на чужой счет. А такой умный человек, как ты, должен быть уверен, что кереметь есть выдумка йомсей, вздор, пустяки, небывальщина...

— *Чим-га, оксах* (погоди-ка, хромой), — сердито перебил меня Нягось. — Ты не греши: грешить не надобно. Чего не знаешь, о том не калякай. Ты не видал керемети, так и говоришь, что ее нет, а я видел ее сам.

— Во сне?

— Нет, видел наяву, вот этими глазами, видел самое хаяр-кереметь, как тебя теперь вижу.

— Где же, когда и как это было?

Сначала мой Нягось заартачился было и не хотел отвечать на мои вопросы. Но добрый стакан водки развязал ему язык.

— Лет семь тому назад, — начал Нягось, — я ехал домой со свадебнаго пира от одного моего дока, который женил тогда сына. Мне надобно было либо сделать большой крюк, либо проехать лесом, мимо хаяр-керемети. Начинало уже смеркаться, и я решился на последнее. Недоезжая сажен около полтораста до керемети, вдруг вижу карету, большую, черную, блестящую. Ее везли десять черных, как смоль, лошадей. Я заранее своротил с дороги и остановился в сторонке, сняв из уважения к хозяину кареты, который мог быть и сам исправник, — шапку, и привстав на корточки. В

это самое время из каретнаго окошка высунулось лицо седока. Уф!!! это была сама хаяр-кереметь, точь-в-точь такая, как сказывал об ней Семка-йомся. Я чуть не помер от страха. А помню и лицо, и платье ее. Рыло у нее продолговато, борода большая, висящая сплетшимися прядями наподобие сосулек; на голове красный колпак, сквозь который торчали козьи рога и на каждом из них привешено по звонкому колокольчику; глаза ее сверкали, как молния; кафтан на ней был красный, как огонь. Ужас мой увеличила моя лошадь: она затряслась, зафыркала, начала бить ногами. Когда карета приблизилась ко мне, я чуть живой упал ниц на телегу. Звон колокольчиков, шум, хлопанье кнутами, крик, вопли, с которыми ехала кереметь, едва не оглушили меня и долго отзывались в ушах моих и после того, как она далеко умчалась от меня. Совершенно расслабленный, чуть владея руками и ногами, я кое-как добрался до нашей деревни, — и прямо к Семке-йомсе. Тот велел мне сделать чук черным бараном, а у меня были только белые. Делать нечего: заплатил за барана втридорога[*] и принужден был на этот год отказаться от намерения купить себе третью лошадь. *Ак минь больче манби* (вот что случилось со мною)!..

— Верю, Нягось, что все это правда. Но ведь ты говоришь, что ехал со свадебнаго пира?

— *Сяпла* (да)!

— Ну а на свадьбе, чай, было довольно и пето, и пито? Я думаю, и ты на свою руку не положил охулки, и *пер-так усре болдын* (был немножко пьян)?

— *Болмазыр* (как не быть)?..

— И выехавши от доса, думал, что дорога твоя будет лежать мимо хаяр-керемети, и заранее ожидал встретить на ней что-нибудь необыкновенное?

— Да как же не думать об этом? Ведь хаяр-кереметь — не свой брат.

— Ну, так видишь ли: может быть, и действительно ты встретился с какою-нибудь колымагой или каретой, в которой сидел такой же человек, как ты и я, а са-

---

[*] Если назначенное йомсею для жертвы животное Чувашенин должен был купить, то не мог ни под каким видом торговаться с продавцом. Надобно было непременно заплатить столько, сколько последний запросит: иначе жертва будет недействительна. Нужно ли сказывать, что продавцы скота, особенно Русские, мастерски умели пользоваться этим обстоятельством и набивать свои карманы, благодаря суеверию Чуваш?

ным *чок*, твоя душа, твое воображение, разгоряченное вином, представило тебе этого человека в таком именно виде, как Семка-йомся когда-то описывал тебе хаяркереметь. Все необыкновенное в этом очень обыкновенном событии тебе, хмельному, почудилось, померещилось. Вот и вся недолга!

Нягось, не постигавший и возможности сомневаться в действительности своего чудного видения, слушал меня, разинув рот, выпуча на меня свои большие черные глаза, и наконец из своего довольно благообразного лица сделал такую забавно-уморительную рожу, что я покатился со смеху. Оскорбленный этим, он махнул рукою и вышел от меня, сильно хлопнув дверью. С тех пор я никак и ничем не мог заставить его толковать со мною о старой чувашской вере.

Приломиная теперь это событие, я невольно прихожу к вопросу: как это случилось, что большинство Чуваш теперь трактует кереметь, как мечту, как заблуждение своих предков? Прежние ли Чуваши были уж чересчур глупы, или нынешние в двадцать лет успели слишком много поумнеть? Ни то, ни другое. Дело, кажется, было вот как: Русские по распоряжению правительства вырубили керемети. Сначала Чуваши с ужасом смотрели на это богопротивное, по их мнению, оскорбление святыни и были уверены, что боги сами накажут дерзких оскорбителей керемети. Но когда керемети были вырублены, а истребители их остались здравы и невредимы, то вера большинства Чуваш сначала в неприкосновенность, потом в святость, а наконец и в существование кереметей поколебалась в самом основании своем. Вот сто первое доказательство той истины, что в деле истребления суеверий argumenta ad hominem гораздо важнее и действительнее всех установленных и отвлеченных доказательств, как бы последние ни были основательны и консеквентны!

Обращаюсь к прочим злым богам, которые по прямой линии происходят уже от шайтана. В ряду их первое место занимает —

1) *Есрель*. Это есть не что иное, как арабский *Азраиль*, ангел смерти. *Есрель*, по мнению Чуваш, поражает людей и животных внезапною, но тем не менее мучительною смертию. Он независимо ни от какого другого божества, по своему личному усмотрению губит людей и выбор его падает на тех, которые не приносят ему жертв. *Есрелю* Чуваши приносили в жертву черных ба-

ранов в таком количестве, какое назначал йомся. Притом баранов этих не кололи, не ели и даже шкур с них не снимали; но разрубив каждого из них на три части, оставляли в лесу или в овраге, смотря по указанию йомси, в пищу самому Есрелю.

2) *Ар-сюри*, леший. Слово это происходит от татарского *ар* или *ер*, муж, и *юри*, ходящий или *юрмак*, ходить. *Ар-сюри* не убивает людей, подобно Есрелю; а только поражает их разными болезнями, производит в них расслабление, онемение членов. Он живет в лесу и часто кричит в нем филином. К селам и деревням *Ар-сюри* не смеет приближаться, потому что боится собак, которых у Чуваш всегда бывает множество. Видом он похож на стог сена и особенно отличается большими глазами *(кабан-бек-корнать)*. Ему в жертву приносятся блины, итечи, хлеб и пиво: все это ставится в определенном йомсею месте в пищу лешему.

3) *Ирих*, божество, насылающее на людей разные наружные болезни, как-то: оспу, корь, чирьи, коросты, глазную боль и проч. Кого постигает одна из таких болезней, тот должен принести ириху в жертву гороховой кисель и несколько ягнят по назначению йомси. У одного из ягнят отнимают голову и кладут ее в особый кузов, который обыкновенно вешается в углу амбара, украшается разными ветвями, блестками и мелкими серебряными деньгами и который называется также *ирихом* и служит предохранительным средством от вышеупомянутых болезней.

4) *Ий-э*, домовой, существо, не столько злое, сколько насмешливое. Оно живет в домах под печками и в банях. В последних оно, по выражению Чуваш, играет с людьми, сталкивает их с полков, вывихивает им руки, делает глаза их раскосыми. Но оно же и обогащает Чувашенина, умножает его скот, хранит его дом от огня, покровительствует его пчеловодству, заботится об его торговых оборотах. Ему-то в жертву Чуваши во время домашних жертвоприношений бросают на печь кусочки хлеба, итеча и проч.

Оканчиваю этим мой рассказ о демоногогии чувашской. В следующем письме постараюсь изложить понятия Чуваш о происхождении человека и о будущей жизни.

IX

...Космогонические понятия Чуваш довольно сбивчивы и неопределенны. Если вы обратитесь к их старым йомсям с вопросом о происхождении мира, то услышите самые разноречивые толки. Кажется, что космологическое учение их изменялось с изменением учения о самих богах. Держась строгого дуализма, они верили, что мир видимый также вечен, как вечны Тора и шайтан, что вселенная искони служит поприщем, на котором происходило, происходит и вечно будет происходить столкновение и борьба этих двух враждебных божеств. Вот почему неизвестный автор Северного Архива замечает, что вселенная и стихии, по словам *некоторых* престарелых жрецов чувашских, не сотворены никем, а суть *вечно пребывающая и непостижимая*[1]. То же можете и теперь услышать от некоторых и из нынешних некрещеных Чуваш, верных стародавнему учению. Но когда из дуализма образовалась система многосложного политеизма, то почти каждому из главных богов большинство Чуваш стало приписывать создание той или другой части вселенной. Так, *Сюльди-Тора*, по их мнению, сотворил звезды и небесное жилище богов; *другой* верховный бог *Сюд-Тунзы-Тора* по воле *Сюльди-Торы* создал свет, *Хвель-Тора* — солнце, *Сирь-Асше* — землю, *Оих-Тора* — луну, *Силь-Тора* — ветер и т. д. Наконец, в новейшее время, когда все означенные божества под влиянием христианских понятий снова слились в одно божество, называемое *Сюльди-Тора, Сюд-сяндалык тыдагган* (содержащий вселенную), *Мун-ира-Тора* (вышний бог благодеяний), *Сюд-сюльде-выдагган* (в верховном свете почивающий), то уже одному Богу стали приписывать как сотворение всего, что существует во вселенной, так и промышление о ней.

[1] Сев. Арх. 1827 г. Ч. XXVII, с. 216.

Гораздо определительнее и постояннее было учение о происхождении человека и его назначении. По мнению Чуваш люди созданы были из земли самим первоверховным богом, Сюльди-Торою. Но это были существа слабые, безобразные, бессмысленные, ходившие на четвереньках, питавшиеся одними растениями, ничем не защищенные от вредоносного влияния стихий и от лютости хищных зверей. Сюльди-Тора сжалился над этими бедными созданиями своими: по его воле *третий* верховный бог *чон-сиорадан-Тора*, т. е творящий души бог, создал бесчисленное множество духовных существ и некоторые из них соединил с новосозданными людьми, а другие оставил в райской обители для детей и потомков первых людей. Как скоро душа соединилась с человеком, — он сделался существом умным, стал ходить на ногах, укрощать диких животных, питаться их мясом, владеть землею и всем, что на ней находится.

Первобытное состояние людей было блаженное. Земля произращала им всякого рода хлеб и плоды в дивном изобилии, ничуть не требуя от них ни удобрения, ни возделывания; скота у каждого было множество; имущество у всех было равное или лучше равно изобильное; они не знали ни труда изнурительного, ни тяжких лишений и нужды, ни горя, ни печали, ни болезней. Но недолго пользовались люди этим блаженством: самое богатство обратилось им в пагубу. Они обленились, упали духом и телом, выдумали хмельные напитки — пиво и мед, от нечего делать предались пьянству и обжорству, а в пьяном виде начали заводить между собою распрю, ссоры, драки; каждый хотел быть больше другого, каждый хотел властвовать над всеми. Наконец, отуманенные гордостию и хмельными напитками, они поддались влиянию шайтана и совершили ужаснейшее преступление, убив первенца Сюльди-Торы. Тогда-то Сюльди-Тора рассеял их по лицу земли и поручил *четвертому* верховнаму богу *кебе* назначать людям различные жребии. С того времени явилось между людьми различие состояний, племен и языков; последние в числе семидесяти семи изобретены для разных народов самим высочайшим Богом. С тех пор *кебе* при рождении каждого младенца назначает ему счастливую или несчастную участь, сообразно с будущим его образом жизни, который кебе, как верховный бог, ясно провидит.

Пюлюхси и *пигамбар* приводят в исполнение это назначение, раздавая людям внешние и внутренние блага и совершенства. Для того чтобы водворить между людьми спокойствие, порядок, благоустройство, Сюльди-Тора поставил над ними *сирди-падшу* (земного царя), который как видимый образ высочайшего Бога облечен божественною властию творить между своими подданными суд и расправу, водворять между смертными благочиние и добродетель и карать всякое преступление, а особенно нарушение прав собственности и присвоение кем-либо из его подданных таких прав, преимуществ и достояний, которые не назначены ему от *кебе* и не даны ни *пюлюхси*, ни *пигамбаром*. По этой причине земному царю и дана свыше особенная природа или лучше особенный божественный дух, который может иметь таинственное сношение с высшими богами небесными и который не переходит вместе с ним на тот свет, но остается в наследие его преемнику. Когда все люди при содействии сирди-падши сделаются добродетельными, то для них еще на земле настанет блаженная жизнь. — В чем же состоит *добродетель?*

В почитании богов и принесении им обычных и назначаемых йомсями жертв, в исполнении повелений царских, в уважении к старшим и особенно к йомсям, в любви к равным, в снисходительности к низшим, в довольстве своим жребием, в неприсвоении себе ничего чужого, в гостеприимстве, в трудолюбии и, наконец, в празднованию пятницы и воздержании себя в этот день от всякой работы.

Люди добродетельные предназначены наслаждаться счастьем не только в настоящей, но и в будущей жизни. Они и по смерти поселятся в *мамык-сирь*[1], в светлой удобренной стране. Там у них будут красивые дома, хлеба, разного рода скота, товаров, денег, роскошной и праздничной одежды, пива и вина, одним словом, всего будет вдоволь и даже с избытком: в чувственных веселостях, в светлых ликованиях они станут проводить нескончаемую жизнь. Напротив, грешному человеку на

---

[1] *Мамык* и по-чувашски, и по-татарски собственно значит пух, бумагу хлопчатую. *Мамык-сирь* — земля пуховая, мягкая, как пух, т. е. удобренная, плодородная. Не происходит ли *мамык* от персидского *памбэ*, откуда латинское bombax — хлопчатая бумага? Или от турецкого *пумук, бумбуг, пумук*, откуда произошла и наша *бумага?* Примеры перехода губной *п* в *м* и вообще губной в губную очень нередки в чувашском языке.

том свете будет и горько, и голодно, и скорбно. Его отведут в *тамык-хоран*[1], в котлообразную бездну, в ад. Напрасно будет он употреблять все усилия выстроить себе дом, возделать землю, обзавестись добрым хозяйством, — ни в чем ему не будет спорыньи. Напрасно станет он вызывать с этого света к себе в помощники своих детей, родственников и досов; одни из них, именно добрые, поселятся в раю и, следовательно, не будут иметь с ними никакого сношения, а другие, порочные, будут такими же бедными, горемычными скитальцами, такими же вечно бедствующими и вечно мучимыми голодом и жаждою обитателями ада, как и он сам.

Как добродетельные, так особенно злые люди при переходе в другую жизнь должны быть напутствованы и снабжены всем, что нужно им для многотрудного перехода на тот свет и для первоначального там обзаведения самыми необходимыми вещами. Если при погребении Чувашенина опущена будет какая-либо церемония, если с ним в могилу не положат всего, что по обыкновению считается нужным, то мертвец не даст покоя оставшимся в живых родственникам своим, будет им являться и в сновидениях, и наяву, и нашлет на них тяжкие болезни, как-то: резь в животе и боль в пояснице. Вот почему Чуваши и по переходе в христианство, и по оставлении всех других суеверий, считали да и теперь считают (разумеется, далеко не все) обязанностию свято соблюдать важнейшие, если не все церемонии языческого погребения.

Как скоро умирал Чувашенин, то одна из родственниц его должна была разбить над головою его сырые яйца, а йомся или старший в семействе оторвать голову петуху и все это выбросить за ворота в жертву злым духам, которых потом просили не препятствовать переходу умершего на тот свет. Летом выносили покойника для омытия на двор, а зимою это делалось в самих избах. Потом наряжали его в праздничное платье, надевали на него белую рубаху и порты, ноги обували непременно в новые лапти и онучи, на руки надевали рукавицы, на голову шапку и, подпоясав кушаком, кла-

[1] *Тамык* значит бездна, от татарского *тамук*, ад; а *хоран* есть татарское же *казан*, котел. Татарский звук *з* у Чуваш часто переходит в *р*. Напр., восемь у татар *сигез*, у Чуваш *сакыр*, девять у Татар — *тогуз*, у Чуваш *тохур* или *тухур* и проч.

ли его в гроб; в рот, за щеки всовывали ему несколько серебряных монет. В гроб хоть понемногу клали всего, что покойник особенно любил, чем забавлялся и чем занимался. Если он курил или нюхал табак, то непременно надобно было положить трубку с листовым или рожок с молотым табаком. Если он занимался плетением лаптей, то в гроб клали кочедык, ножик и лыки; если он был *шибырзе* (т. е. виртуоз, игравший на пузыре), то — пузырь; если плотник, то — топор и т. д. Само собою разумеется, что при этом незабываемо было и вино, потому что все Чуваши были большие охотники до него. Так же точно поступали и с женщинами: облекали их в парадное, праздничное платье, на голову надевали шапку, на руки — рукавицы; в гроб их клали иглы с разными нитками, веретена, несколько льну, шерсти, шелку и холста. Все это считалось необходимым для первого их обзаведения на том свете, где, по мнению Чуваш, люди занимаются теми же самыми ремеслами, как и здесь, имеют те же наклонности и ведут ту же чувственную жизнь, как и на земле. Кроме того, как мужчинам, так и женщинам, ноздри, рот, глаза и уши затыкают шелком. Чуваши не могли мне положительно объяснить значение последнего обряда. *Одни* говорили, что это выражает их желание изобилия покойному. *Другие* утверждали, что это необходимо нужно сделать для того, чтобы покойник на суде Торы мог извиниться в грехах своих неведением и сказать, что слышать не слышал, видеть не видел, говорить не говорил и вообще не чувствовал и не понимал всего, что ему следовало знать на счет своих обязанностей. *Третьи,* наконец, не принимая ни того, ни другого объяснения, просто говорили: *шик сяпла туны; авалей юла сяпла,* т. е. прежде так делали; это по прежней вере.

Прежде Чуваши хоронили покойника в тот день, в который он умирал. Когда выносили его из дому, то родственники бросали вслед ему зажженное тряпье либо раскаленный и облитый водою камень. Это выражало их желание, чтобы душа умершего также быстро унеслась на небо, как улетает дым от горящего тряпья или раскаленного и облитого водою камня. Принесши гроб на кладбище и опустив его в могилу (причем наблюдается, чтобы голова умершего была обращена на запад), родственники и провожатые начинают прощаться с покойником и поручают кланяться от них прежде отшедшим родным и знакомым своим. Зарыв могилу, вкола-

ливают в нее с западной и восточной стороны по столбу, в рост умершего. К этим столбам провожатые приставляют зажженные восковые свечи в честь умерших своих родственников и друзей. Тогда как бы в присутствии последних и вместе с ними начинают есть приготовленные на этот случай блины, иггечи, лепешки, яйца, вареную курятину и пить пиво: каждый, откусив трижды от блина, иггеча и т. д., остальное кладет на могилу в сторону умершим, и трижды прихлебнув пиво из ковша, остальное выливает также на могилу.

По возвращении с кладбища домашние покойного прежде всего относят на *мазарки*[1] платье, в котором он умер, его постелю, посуду, из которой его обмывали, а также и некоторые другие вещи, преимущественно у него бывшие в употреблении, чтобы покойник по привычке к этим вещам не воротился за ними в свой дом. Потом идут в баню мыться и париться и переменять платье, потому что признают и себя, и одежду свою от прикосновения к трупу нечистыми. Наконец начинается попойка, составляющая пролог к целому ряду поминок, о которых поговорю с Вами, любезнейший Ал. Ив., особо, в следующем письме.

---

[1] Г-жа Фукс совершенно несправедливо говорит, будто чувашские *кладбища* называются *мазарки* (Зап. о Чув., с. 17). *Мазарки* — это отдельные от кладбищ, некогда считавшиеся священными места, на которых складывались принадлежавшие покойникам вещи и в которых *никогда* не хоронили мертвых. Умершие, по мнению Чуваш, любили посещать эти места, где лежали вещи, дорогие для них по соединенным с ними воспоминаниям. Потому Чуваши часто приносят сюда хлеб, лепешки, пиво для угощения умерших. Корень слова *мазарки* находится в арабском *зор, посещал*, откуда происходит *мезар, мезарат*, посещение, места, которые посещаются людьми благочестивыми. По-персидски место посещения — *мезар-кар*. Отсюда — чувашские *мазарки*. Впрочем, у магометан местами посещения называются преимущественно гробницы угодников божиих. Но у Чуваш слово *мазарки* никогда не значило кладбища. Последнее называют они *обамар* и *сова*. Обамар, вероятно, есть испорченное арабское *моаммар* или *маамар*, жилище долговременное, вечное, — от корня *амар*, жил долгое время. — *Сова*, кажется, происходит от татарского *ив* или *джив*, дом.

X

В самой глубине природы человеческой скрывается потребность верить, что со смертию тела мы не оканчиваем нашего бытия, что человек *должен* жить и после того, как его телесный состав разрушится и обратится в прах и что между людьми, живущими на земле, и людьми, прешедшими от здешней жизни, *должна* быть какая-то таинственная, непостижимая, но тем не менее действительная связь. Потому у всех народов, за исключением самых грубых дикарей, находим учреждения, в которых выражается эта вера. Натурально, что свойство этих учреждений всегда определяется свойством самого верования в будущую жизнь.

Мы видели, что Чуваши считали будущую жизнь продолжением настоящей, чувственной, животной. Они верили, что добрые люди, хотя и живут на том свете счастливо и во всем довольстве, но по любви к оставшимся на земле родственникам и приятелям своим с удовольствием посещают пиршества и праздники, в честь их учреждаемые на земле, и принимают в них живое участие. Злые же мертвецы имеют и особенную причину присутствовать на этих пиршествах: в аду особенно на первых порах им есть почти нечего; они там голодают ужаснейшим образом и отводят душу только тем, чем воспользуются на учреждаемых в честь их поминках. Притом Чуваши были убеждены, что животные, закалаемые и съедаемые ими на поминках, переходят на тот свет и делаются там собственностию поминаемых ими родственников — собственностию не лишнею и для добрых, а для злых, имевших несчастие попасть в ад, совершенно необходимою. Вот верования, из которых можно объяснить как происхождение и свойство чувашского поминовения усопших, так и причину, почему оно совершается у них довольно часто.

Поминки чувашские разделяются на *частные* и *общие*.

А) *Частные* совершаются по вновь умершим: a) в третий день после его похорон, b) в седьмой день, c) в каждый четверток до шести недель по смерти покойника[1], d) в сороковой день.

В *третий*, в *седьмой* день после похорон и по четвергам богатые Чуваши варят в яшке куриц, стряпают блины, сырцы и проч., а бедные довольствуются заготовлением *хыбарды* — небольших хлебцов пшеничных, испеченных без соли и сверху помазанных маслом, — и *перемечи* — ватрушек, наливаемых мятым и растворенным в масле либо в молоке картофелем. Ввечеру эти кушанья и *чиряс* (выдолбленная из липового дерева бадья) с пивом ставятся на стол у волокового окна. Все члены семейства отделяют руками, без пособия ножа, по куску от каждого кушанья для новоумершего и кладут в особую чашку, а потом, прихлебнув пива из ковша, остальное выливают в другую чашку и обе выносят на двор собакам. Затем обыкновенным порядком идет ужин и пивопитие, но ни музыки, ни песней, ни плясок при этом случае никогда не бывает.

Сорочины исправляются у Чуваш с особенною торжественностию и с весьма обильными возлияниями пива и вина. Это для родственников умершего день розговения и разрешения на *все*: в течение шести недель после похорон они не могли ни пить, ни плясать, ни свистать, ни бить в ладоши; родственницы умершего не смели во все это время спать с мужьями, прясть шерсть, мыть белье, надевать на себя новые или праздничные одежды, мазать печь или чинить ее, хотя бы она значительно попортилась; им дозволялось только стряпать самые необходимые кушанья, ходить за скотом и прясть куделю. Вообще во все время продолжения шести недель показывать вид довольства, веселости — *йорамасть*, не ладно, не годится. Только в сороковой день после похорон это *йорамасть*, этот освященный стародавним обыкновением и примером предков

---

[1] Многие из престарелых Чуваш сказывали мне, что прежде поминки по *четвергам* продолжались до полугола и более. Если похороны были после ноября, то поминовение по умершим в старину совершалось каждый четверток до семика; а если похороны были после *семика*, то поминки четверговые продолжались до ноября месяца. Может быть, это обыкновение и поныне сохранилось у некрещеных Чуваш.

закон о трауре теряет свою силу. В этот день совершались тройственные поминки: на кладбище, на мазарках и на дому; но зато на них Чувашенин мог уже свободно и петь, и плясать, и утешаться национальною музыкою. — Начиналось тем, что родственники умершего приглашали йомсю или какого-либо стороннего человека, который закалал овцу, либо козу, либо корову, обыкновенно перед кончиною назначавшуюся для этой цели самим умершим и который за то получал шкуру заколотого им животного и право участвовать в семейном пиршестве. Сварив мясо этого животного, одну половину его, равно как половину из приготовленных блинов, сырцов, лепешек, каши, вина и пива оставляют дома для ночного поминовения, а с другою родственники умершего, приглашенные ими досы и музыканты около полудня отправляются на *кладбище*. Здесь прежде всего каждый из родственников с обычными поклонами говорит *таву* (здравствуй) умершему, потом отливает полковша пива и полстакана вина на его могилу и откладывает на нее по куску из предлагаемых ему хлебных и мясных яств, приговаривая: *амынче болдыр* (будь перед тобою)! Исполнившие эту церемонию, отойдя несколько шагов от могилы, начинают вопить в истошный голос, кланяясь на север и призывая умершего принять участие в их трапезе. Как скоро все окончат обряд возлияния и приношения, то собаки бросаются на могилы, начинают драться и визжать. И этот визг считается самым благоприятным знаком. Чуваши думают, что души покойников входят в это время в собак, что пожираемое последними съедается умершими, что визгом собак покойники изъявляют свое удовольствие поминающим их родственникам. Доказательством такого верования Чуваш во временный метампсихоз или во временное переселение душ умерших в собак служит уже и то, что последние во время поминок пользуются правами неприкосновенности: ни один Чувашенин не осмелится отогнать от могилы собаку, отнять у нее лакомый кусок или ударить ее, хотя бы она очень невежливо стала рвать хлеб или мясо из его рук. Надобно полагать, что нарицательное имя собаки *(ида,* по-татарски *эт)* сделалось у Чуваш бранным словом в позднейшее время, из подражания Татарам; вероятно, что в древние времена это животное считалось если не священным, то по крайней мере и не презренным. Мы видели уже, что собаки признавались у Чу-

ваш защитниками против нападок *Ар-сюри*, лешего; теперь видим их органами умерших и ублажаемых родственников: та и другая роль не могла приличествовать существам презренным. Как бы то ни было, только из визга собак Чуваши заключали, что умершие явились лично на поминки и разделяют с ними трапезу. Это мгновенно прелагало печаль и сетование поминающих на шумную радость и веселое разгулье. Музыканты тотчас принимались за свое дело, пирующие постепенно увеличивали приемы пива и вина: начинались песни, хлопанье в ладоши, пляска, от которой даже самые дряхлые старики не могли отказываться. Все это продолжалось до тех пор, пока истощался весь назначенный для кладбищных поминок запас яств, пива и вина. Тогда приглашенные родственники и досы отправляются в дом покойного, а старший или старшая в семействе в сопровождении музыкантов и самых близких своих родных едет на *мазарки*. Там устраивается небольшой одноножный столик. Сделав несколько поклонов на север, старший или старшая в семействе ставит на этот столик чиряс пива, блюдо с кашею, кладет на него небольшой кусок холста, которым поминаемый мертвец, напившись и наевшись, должен утереться, кидает собакам несколько кусков хлебных и мясных кушаньев, приговаривая: *сии, ись, атте, анне, пичче, аппа* и проч. (т. е. ешь, пей, батюшка, или матушка, или братец, или сестрица и т. п.) и наконец, ударяя в ладоши, начинает плясать вокруг стола. Примеру старшего последуют и все присутствующие. В сумерки пляска оканчивается, присутствующие низко кланяются перед столом на север и, оставя чашку с кашей и чиряс с пивом на мазарках, едут домой.

В *доме* умершего начинаются новые церемонии. У дверей, подле волокового окна ставят стол с нужными для поминок кушаньями и питиями; к волоковому окну в память умершего прилепляют зажженную восковую свечу. Каждый из родственников по старшинству лет садится за стол, отведывает кушаньев, отпивает пива и вина, отделяя для умершего в один чиряс пиво, а в другой — хлебные и мясные куски; потом, сделав поклон умершему, который в это время, по верованию Чуваш, сидит за трапезою, а также поклонившись и всем присутствующим, начинает плясать. Когда каждый из домашних и приглашенных родных совершит

этот обряд поминовения, то очередь опять начинается со старшего, и таким образом поминовение продолжается во всю ночь. На рассвете стол с чирясами пива и кушанья для умершего выносят на двор и ставят около крыльца. Вокруг стола снова начинается пляска и продолжается до тех пор, пока один из пляшущих, как бы невзначай, не опрокинет ногою стола, объявив притом, что покойник все *сийза-исьза-да-питерны*, съел и выпил и совершенно доволен сделанным ему угощением.

К *частным* поминкам относятся и *экстренные*, совершающиеся в различные времена года. Поводами к ним бывают следующие случаи:

1) Если Чувашенин, проезжая мимо мазарок, почувствует себя дурно, или ежели у скота его, побывавшего на мазарках, заболеет что-либо; то это явный знак, что мертвецы просят себе поминок. В таком случае Чувашенин относит на мазарки чашку накрошенного хлеба и чиряс пива. Тем все дело и оканчивается. Но гораздо убыточнее были экстренные поминки, совершавшиеся по нижеследующему поводу.

2) Случалось очень часто, что Чувашенин, порядком подгуляв на поминках у соседа либо у дося, засыпал с мыслию о давно или недавно умершем родственнике своем и видел во сне, что покойник требовал себе от него для приплоду и заведения на том свете известное домашнее животное, напр., лошадь, корову, овцу. Нельзя было не исполнить этого требования: иначе покойник преждевременно возьмет непослушного к себе на тот свет, а скот его истребит посредством змей либо перебьет каменьем. Volens nolens Чувашенин колет требуемую скотину, варит пиво, приготовляет все нужные для поминовения запасы и отвозит на кладбище, где все родственники и приглашенные досы, упав на землю около могилы поминаемого, слезно умоляют его не тревожить их видениями и не брать к себе преждевременно. Потом с теми же обрядами, как и в сорочины, пьют пиво и вино, приготовленные яства, братски разделяя трапезу с собаками, и в заключение поют и пляшут вокруг могилы.

3) Чуваши верят, что мертвые не посредством одних сновидений, но и другими способами могут требовать себе поминок. Есть, напр., болезни, происхождение которых чувашская патология не может объяснить себе иначе, как предположив, что они насылаются на жи-

вых мертвецами, требующими себе поминовения. Таковы: боль в пояснице и резь в животе. Кто почувствует их, хотя бы давным-давно не был на мазарках, тот должен совершить по умершим своим родственникам поминки точно так же, как и видевший во сне покойника, требующего себе известное животное.

B) *Общие* или *годовые* поминки совершаются у Чуваш трижды в год и притом около того же времени, как и у нас. Мы творим поминовение по усопшим в субботу перед Пятидесятницею, в субботу же между Дмитриевым днем и Казанской и в Фомин вторник. У Чуваш общие поминки бывают: a) в семик, b) в ноябре месяце *(йоба ош,* месяц поминовения усопших) и c) во второй или в третий день Пасхи. Общими мы называем их как потому, что на них поминаются все умершие, так и потому, что в них более или менее участвует весь народ.

В *Семик* Чуваши имеют обязанность отправлять поминки непременно на кладбищах, если со смерти одного из ближайших родственников их (как-то: отца, матери, тестя, тещи, свекра, свекрови, мужа, жены, брата, сестры) не прошло *трех* лет. Следовательно, число отправляющих в этот день поминки на могилах должествовало бы быть невелико. Но к ним для компании всегда присоединяются и дальние родственники и знакомые, у которых в течение трех последних лет не умирало ни одного близкого родственника. Они, чтоб не быть в тягость ближним родственникам новоумершего, приносят с собою свое пиво, свое вино и свои съестные припасы. Только бедняки да люди без роду и племени поминают в этот день своих давно умерших родственников у себя дома, с обрядами, какие употребляются при поминках в *третий* и в *седьмой* день после похорон, скромно довольствуясь небольшим количеством пива, *хыбарды* и *перемечи.* Лица начальственные, головы, заседатели, добросовестные и проч. также по большей части остаются дома из опасения в заключительной семиковой свалке уронить свое чиновное достоинство. А богатая и обруселая аристократия правит свои поминки вместе с Русскими и по русскому обычаю. Но зато все среднее сословие, т. е. все, что занимает средину между высшим чувашским обществом и бобылями, с таким же удобством, с таким же успехом отыскивает случай творить поминки на могилах, с каким лентяй всегда находит повод лениться, а пьяни-

ца — напиться... Таким образом, чувашские кладбища в семик около полдня бывают битком набиты народом, привезшим с собою во множестве съестные и питейные запасы. Каждое семейство располагается вокруг могилы новоумершего своего родственника, расстилает около нее холсты и кафтаны и расставляет пойла и кушанья. Сделав три низких поклона перед могилой, поминающие начинают выть и оплакивать новоумершего, восхваляя его достоинства и добродетели. Потом к могильному столбу привешивают полотенце в знак открытия поминок, делают в головах покойника ямку и, налив в ковши пива, говорят: «*Таву сана* (здравствуй), молись о нашем здоровье, храни нас от бедствий, живи на том свете хорошо, богато и весело и не бери нас к себе до маститой старости!» Каждый из поминающих отливает в ямку пива и вина и кладет в нее по куску от каждого из предлагаемых ему яств, разумеется, на пользу и потребление собак. Пока с плачем, воплем и причитаньями поминают новоумершего, до тех пор пьют и едят принесенное его ближайшими родственниками. А как скоро начинают поминать давно умерших, то на сцену являются запасы, принесенные дальними родственниками новоумершего. О давно умершем уже не плачут и не воют; в честь их поют песни, хлопают в ладоши и пляшут под музыку. Поливая могилки их пивом и вином, Чуваши мало-помалу и сами в буквальном смысле *наливаются* до такой степени, что у самых усердных поминальщиков и поминальщиц на руках один палец не сходится с другим, соседним. Сцена из забавной постепенно делается более и более отвратительною. Шум, гам, вопли плачущих, веселые восклицания пирующих, крики ссорящихся между собою, нестройная игра *шибырзе* и гусельщиков, вой и визг собак, взвизгиванья пляшущих, ругательства дерущихся — все это вместе превращает чувашские поминки в настоящий шабаш киевских ведьм на Лысой горе. До последней степени экзальтированное вакхическое неистовство представляют собой женщины, недавно схоронившие мужей. Они и плачут, и пляшут в одно и то же время, рвут на себе волосы, одежду, бросаются на могилы, роют на них землю руками, со слезами причитают добродетели и достоинства своих супругов; и потом, вдруг вскакивая на ноги, неистово топчут могилу и, жесточайшим образом понося своих дражайших сожителей, обнаруживают изумительное искусст-

во владеть русскими, не бывавшими еще в печати словами, хотя вообще по-русски выражаются очень плохо... Немногие возвращаются с кладбища добрым порядком. Большую часть усердных поминальщиков малолетки отвозят домой, взвалив их на телеги вместе с пустыми пивными и винными бочонками как бы нарочно для того, чтобы они в лицах представили народную русскую поговорку: *фляга ты моя фляга! сем-ка я возле тебя лягу; ты меня не оставь, а я тебя не покину...*[1]

Несравненно пристойнее, трезвее и целомудреннее ведут себя Чуваши на поминках, бывающих в *ноябре* месяце и на *Пасху*. Поминки эти совершаются в домах, в честь всех умерших родственников. Обряды в этом случае соблюдаются почти такие же, как и в сорочины на домашних поминках. По закате солнца за обставленный разными кушаньями и сосудами с пивом и вином стол садится старший в семействе и прилепляет к волоковому окну за каждого из отшедших родственников по одной зажженной восковой свече. Потом руками отделяет от каждого из кушаньев по куску, отъедает половину сам, а другую разделяет на части по числу поминаемых родных и кладет в пустую чашку, произнося притом: *атте-не, анне-не, пичче-не, аппа-на болдыр* (да будет это батюшке, матушке, братцу, сестрице и т. д.). То же делает с пивом и вином. Таким же образом поминают умерших и все прочие члены семейства. Отделенные умершим кушанья и пиво женщины выносят на двор и выливают собакам. После того все члены семейства, за исключением малолетних и дряхлых стариков, взяв с собою съестных и питейных запасов, уходят к своим родственникам для такого же поминовения и, таким образом, целую ночь переходят из дома в дом.

В заключение считаю нужным заметить, что прежде пасхальные поминки обыкновенно совершались в *среду* на страстной неделе *(кальм-кон)* и что с ними у Чуваш-язычников соединялось жертвоприношение в честь высшего Бога, а за этим жертвоприношением сле-

[1] Впрочем в Казанской губернии воспрещено Чувашам отправлять поминки в семик на кладбищах. Начальство при этом случае имело в виду пользу самих Чуваш, которых нередко обирали русские крестьяне, обыкновенно являвшиеся на поминки к заключительной свалке, когда у каждого насосавшегося до положения риз Василия Ивановича можно выманить или отнять все что угодно.

довал обряд изгнания шайтана и вообще всех злых духов из домов и деревень. На это соединение указывает самое слово: *калым-кон*[3]. Но впоследствии времени калым-кон, среда страстной недели назначена была только для поминовения усопших, а жертвоприношение высшему Богу и изгнание шайтана перенесено на субботу страстной недели. Ввечеру этого дня в каждом доме варили ячменную кашу, ели ее и пили пиво во имя высшего Бога, а потом с криком и визгом били рябиновыми палками по всем углам избы, по печи, под печью и по подполью, выбегали на двор, на карды, в амбары и там также сплеча колотили по всему, что ни попало, отворяли ворота и, как бы выгоняя и преследуя кого-либо, бежали до первого оврага, либо до ближайшей речки. Тут бросали палки, раскланивались с злыми духами, дарили их хлебцами, сырцами, яйцами и проч. и, возвратясь домой, светло праздновали освобождение от лукавого.

[3] *Кон* — день, *калым* от татарского *хабын* собственно значит вино, деньги, платимые женихом на невесту, потом воздаяние, благодарение.

XI

Хоть бы Вы, любезнейший Ал. Ив., и еще два раза прислали ко мне горячие послания с просьбою описать черты лица и душевные качества Чуваш, — я не послушаюсь Вас. К чему это?.. Для Казани, для благополучного города, имеющего завидную честь и неоцененное счастие каждую среду, каждую пятницу и каждое воскресенье и слышать, и созерцать на своих шести базарах и Татар, и Черемис, и Чуваш, и Мордву, и Вотяков, — для такого города, или лучше для органа его Губернских Ведомостей вовсе не нужно описание наружности моих приятелей. Кто из казанских жителей не знает, что Чуваши по большей части роста среднего, что лица у них смуглые, с немного выдавшимися скулами, глаза черные с узкопрорезанными ресницами, лоб узкий, волосы на бороде и на голове черные, либо черноватые, нос остроконечный, рот и губы правильные, что походка у Чуваш тяжелая и неуклюжая, а у чувашек — смешная, похожая на утиную? К чему говорить обо всем этом в Ваших Ведомостях? Разве для того только, чтобы при сей верной оказии выставить на вид казанской читающей публике, что знаменитый Ф.Х. Эрдман в наружности или вообще телосложении (Körperbau) их совершенно напрасно отыскивал какие-то небывалые следы финского происхождения Чуваш?..[1] Это совершенная правда.

Да и о нравственных качествах моих приятелей что я Вам скажу? — Чувашенин отлично гостеприимен для всех, кто не выше его, отличный работник, хороший семьянин, но снабжен очень покатым горлышком, — это дело уже известное. Он добр от природы, но зол

[1] См. Erdmann's Beytrage zur Kenntniss des Innern vor Russland. Erst. Th. S. 109.

пьяный и мстителен во гневе, — это также известно всему свету. Теперь он уже далеко меньше прежнего суеверен, — он знаком с началами истинной религии, но зато любит пользоваться суевериями других и превосходно знает, когда его либо некрещеному, либо не вполне обращенному единоплеменнику нужны для жертвоприношения бурая или черная, или пестрая корова, а при случае, пожалуй, и сам не только в виде йомси определит этот цвет, но и корову свою приведет на двор доса, да и слупит с него за идоложертвенное животное втридорога. — Он не так дик, не так боязлив, не трепещет перед каждым Русским, как прежде; но зато если он торговец, то целию своей торговли, если мастеровой, то целию своего мастерства, если извозчик, то целию всей своей извозчичьей деятельности поставляет непременно надуть Русского из одного чисто эстетического наслаждения — надуть. Он, пожалуй, не украдет у Вас денег, хоть бы они плохо лежали, — оборони Бог, — это грех; но взять с Вас безбожную цену за товар либо за извоз не сочтет за грех. Он читает со слов священника своему сыну моральные правила о трезвости; но его же, пожалуй, прибьет, если тот опустит случай накатиться у приятеля даровым утешением. — Он страшно боится уже не судей, но самого процесса суда; но зато на допросе необыкновенно увертливо старается сбить с толку следователя: то прикинется дурачком, незнайкой, то отвечает на одну половину вопроса, как бы не слыша другой, и отпирается от своего ответа под предлогом, что хочет дать полную силу второй половине вопроса, то взведет небывальщину на себя самого, то отведет следователя к другому, чаще всего мнимому преступлению. — Но что ж такое все эти качества? — Просто случайность. Посмотрите, какую мораль или лучше какое отсутствие всякой морали нашла у Чуваш г-жа Фукс[2]... Лет двадцать пять тому назад описание ее в некоторых отношениях было и верно, и натурально, а теперь оно — анахронизм. Так за какие же блага мне распространяться о том, что может быть, и раньше 20 лет сделается — анахронизмом?

Нет, — в сторону моральные качества современной Чувашландии. Давайте лучше петь чувашские песни!

— Как песни? — спрашиваете Вы. — Да ведь г-жа Фукс говорит, что *песни Чуваш спрятаны в их воображении, что когда они едут лесом, то поют, не пригото-*

[2] Записки о Чувашах, с. 57—58.

вясь, песнь лесу; плывут по реке — и поют похвалу ей; едут по дороге — и воспевают ее и все случившиеся на ней были и небылицы[1].

— Это сказано прекрасно. Чуваши точно весьма часто импровизируют свои песни. Но не менее справедливо и то, что у них есть песни, переходящие от одного поколения к другому. Да и сама г-жа Фукс приводит и прекрасно переводит две из них, известные всему чувашскому миру. Таких песен в молодости я знал много, но потом перезабыл. Теперь некоторые из них, услышав из уст Чуваш, я вспомнил, другая узнал вновь частию от товарища моего путешествия по Чувашландии, студента нашего Университета Н.И. Золотницкого, уроженца Чебоксарского уезда, частию от самих народных песнопевцов, и составил порядочную коллекцию.

Прежде чем станете читать выборку из моей коллекции, потрудитесь припомнить вторую из приводимых г-жею Фукс чувашских песен. По характеру своему она как две капли воды похожа на сообщаемую мною. Те же звукоподражания, подобия, сравнения; так же почти постоянная парономазия, игра словами. Речь всегда отрывистая; переходы быстрые. Вот Вам несколько примеров *эротических* песен.

1

Пыть, пыть, подене!
Шта каядын, подене?
Хорама-ла каядыг.
Хорамалда минь ись бор?
Толых-тыны бор дессе.
Толых-тыны мин хак-ра?
Сюрь сирим бус дессе
Сюрьбю-синче сюрь сиона,
Сюрь сиона-ра перь хирь сиок:
Пирин ял-да пер бахча;
Перь бахча-ра сакыр хирь,
Сакыр хирь да сара-минь,
Чорным-сарыш хора-минь.

1

Пыть, пыть, перепелка!
Куда летишь, перепелка?

[1] Записки о Чувашах, с. 82.

В Кармалы[4] *я* лечу.
А что делать в Кармалах?
Торица есть, говорят.
Дорога ли торица?
Да рубль двадцать говорят.
В Цивильске[5] есть сто саней
Да в них нет ни девушки;
В нашем селе один сад,
В одном саду восемь девушек,
Восемь да все беленьких;
А та из беленьких, которую я люблю, черновата.

2

Хора хирь-зэне
Хора Тора сиоратны;
Хирле хирь-зэне
Херле Тора сиоратны.
Хирь-зэм хизирь болас-ран
Пире Тора сиоратны.
Хора хирь-зэне
Хора корга-ба сыра барас!
Хирле хирь-зэне
Хирле корга-ба сыра барас!

2

Брюнеток девушек
Черный бог родил;
Красивых девушек
Красивый бог родил.
А чтобы девушки не были бесплодны,
Для того нас Бог родил.
Черным девушкам
Черным ковшом пива поднести!

---

[4] Под названием *Кармалов* известны четыре села, одно за Камою, к которому без сомнения не относятся слова этой песни, другое в Цивильском уезде, третье в Чебоксарском (оно же и Шутнерево), лежащее близ знаменитого в чувашской стороне Андреевского базара. Наконец, *Хормал* Чуваши зовут и село Вязовое (недалеко от Свияжска), потому что *хормал* значит вяз. Вероятно, здесь разумеется третье.

[5] В русском переводе здесь не видно связи, но в подлиннике она есть. Сочинитель привязывается к употребленному в предыдущем стихе слову *сюр* (сто). А оно есть корень чувашского названия Цивильска — *Сюрьба*.

Красным девушкам
Красным ковшом пива поднести!

3

Чол-хола-ра чон выллять,
Пирин хола-ра йон выллять.
Симбирь котлых-чин котлых,
Хазан кисрэ — хора кисрэ,
Сиол кюскетьме ву йорать;
Хонимын хирь-хора хирь
Сюрь кюскетьме ву йорать;
Пирин окся хоним ра.

Хоним хирь *мрт*-туре,
Хозан кисрэ *хрт*-туре,
Симбирь котлых *мрт*-туре.

3

В Нижнем душа играет,
В нашем городе кровь играет.
Симбирския шлеи — ременные шлеи,
Казанская лошадь — вороная лошадь,
Дорогу сократить она годится;
Тестева дочь — черная девушка,
Ночь сократить она годится,
(Потому что) наши деньги (калым) у тестя.

(Услышав это), тестева дочь фыркнула,
Казанская лошадь брыкнула,
Симбирская шлея тррр... оборвалась.

4

Кикирик, сар-алдан,
Хорын-туры бошмаки!
Качь, качь, качагга!
Качагга-подяки карда-ра,
Барни-сарни арча-ра,
Вахи-двяки бичке-ре.
Айда инге чук-симе,
Досым баны тор-лажа,
Тор-лажа чук-турым;
Таву, таву, хирь-зэм,
Тату, хирь-зэм!!!

4

Кикирику, петушок,
Бересчатый башмачок!
Цыба, цыба ты, коза!
Козлята малые в хлеве,
Дареный *сарни*[6] в сундуке
Мелочи все в *кадке*[7].
Пойдем, молодка, чук есть,
Мне досушка гнедого дал,
Гнедым конем я чук делал.
Да здравствуют же девушки!
Да здравствуют девушки!!!

5

Ква, ква, кувагал!
Шта каядын, кувагал?
Хорамала каядым.
Хорамалда минь тувас?
Онда маным ьива бор.
Ьива-синьче мискер бор?
Ьива-синьче симарда бор.
Симарда-синьче мискер бор?
Симарда-синьче ьир бор...
Тыдрым, пыхрым-хошки бор,
Утландым, кайрым ял-тавра,
Тохресь ьид-зэм вирьмешкын,
Тохресь хирь-зэм чармашкын.
Хирле пить-ле хирь кордым,
Чоным хир-не чоб-турым.
Никама, дерым, ан-кала.
Кидем, кайрым шор пюрде,
Шора тюрть-ре шора стель...
Шора стель-де шось чашка,
Шось чашка-ра шора пол.
Шора пола тыдмашкын,
Атма-коси керле она.
Атма-кось-не тумашкын,
Тимерз-ывыл керле она.

---

[6] Не помню, объяснял ли я Вам, Ал. Ив., что *сарни* — женский наряд, надеваемый на спину и доходящий до лядвей.

[7] Здесь речь идет о приданом чувашских невест, которое обыкновенно кладется в кадку, называемую *вюнся* или просто *бичке* (бочка).

Тимерз-ывыл-не сидерме,
Колачь-ба читнай керле она.
Колач читнай писерьме,
Падша-хирь керле она.
Падша хирь-не вирентме,
Тор-ран сюмулх керле она.
Падша хирь-не сяптарма,
Порьзин пужа керле она.
Порьзин пужа сятгмашкын,
Кюмюль иргах керле она.
Кюмюль иргах сяпмашкын,
Кюмюль бревне керле она.
Кюмюль бревне кюмешкын,
Падша лажи керле она.
Падша лажа-не сидерме,
Уда-ба сюлю керле она.

5

Ква, ква, утка!
Куда летишь, утка?
В Кармалы я лечу. —
А в Кармалах что делать?
Да там мое гнездо есть. —
А что в том гнезде есть?
В том гнезде есть яйца. —
А что в том яйце есть?
В яйце жеребенок. —
Поймал, смотрю — с лысиной!
Сел, поехал вокруг села,
Собаки лаять выбегли,
Унимать их вышли девушки.
Вижу тут красотку-девушку,
В губки чмок милашку-девушку,
Да молчи, сказал, не сказывай!
Взял да взошел в белый дом,
В белом доме — белый стол...
На том столе чашка жестяная,
В жестяной чашке — рыба белая.
Рыбу ловить белую,
Для этого сеть нужна.
Чтоб такую сеть вязать,
Кузнечонка звать надобно.
Кузнечонка накормить
Калач с ситным надобно.

Калач с ситным испечи
Княжую дочь надобно.
Княжескую дочь выучить,
Просить надо божьей помощи.
Княжью дочь побить,
Кнут надобно шелковый.
Чтоб связать этот кнут,
Нужен крюк серебряный.
Чтоб вколотить этот крюк,
Нужно бревно серебряное.
Чтоб привезть то бревно,
Лошадь нужна княжая.
Чтоб кормить лошадь княжую,
Овес с сеном надобны.

Вот Вам и пример *элегической* чувашской песни. Молодой Чувашенин выражает жалобу на злую судьбу, которая насылает на него неудачу во всем.

6

Кош, кош, вурман, кош, вурман!
Миньма туджах кошлать ву?
Сиоллень торат хожас деть.

Кош, кош, хумуш кош, хумуш!
Миньма туджах кошлать ву?
Сиоллень сыпаларас деть.

Кирь, кирь, халых, кирь халых!
Миньма кирьзеть сяв халых?
Сиолленег чион хожас деть.

Атте баны хор-лажа;
Тыдам, кюлем-день-чочне...
Йоман-каски болза выртре.

Атте баны шор-ине,
Тыдам, сувам-день-чохне...
Хорын-каски болза выртре.

Атте баны херле сорых,
Тыдам илем сюмне день-чохне...
Херле янгар болза выртре.

Атте баны порьзин пизихи;
Тыдам, сигам-день-чохне...
Пожит-чиле болза выртре.

Атте баны порьзин тодыр,
Тыдам, сигам-день-чохне...
Вирене-сюльчи болза выртре.

6

Шумит, шумит дубровушка!
Зачем же все шумит она? —
Сучки родить сбирается.

Шумит, шумит камышок!
Зачем шумит он все? —
Коленца ставить думает...

Шумит народ, волнуется!
Зачем же тот народ шумит? —
Душ прибавлять думает.

Да мне батюшка ворона коня;
Дай впрягу, подумал я:
Дубовой колодой конь сделался...

Дал мне батюшка корову белую;
Нутка подою, подумал я —
Березовой колодой она сделалась...

Дал мне батюшка овцу;
Сниму шерсть с нее, подумал я...
Гнилушкой красной она сделалась.

Дал мне батюшка кушак шелковый;
Дай подвяжу, подумал я...
Лыком кушак сделался.

Дал мне батюшка платок шелковый;
Дай подвяжу, подумал я...
Кленовым листом платок сделался.

Приведу еще *обрядовую* песню. Ее поют, когда жених берет невесту из дома отца.

7

Ай, ай инге, Куль-инге
Хора-рахъ да шатра-рах:
Ах, ах, астуман,
Астумазыр ильны она.

Сара-каик туратьчень
Сарни тордса-сигынче
Ах, ах, астуман,
Астумазыр ильны она.

Хвель хирельзе-тогатьчен
Питне турза сювынче;
Ах, ах, астуман,
Астумазыр ильны она.

Шора-корак туратьчень
Шор сарпанне сырнынче;
Ах, ах, астуман,
Астумазыр ильны она.

Вить-вить-каик туратьчень
Вить салмине турынче;
Ах, ах, астуман,
Астумазыр ильны она.

Хора-корак туратьчень
Хоран-не сювза сяггынче,
Ах, ах, астуман,
Астумазыр ильны она.

Вильтрень каик туратьчень
Витрене сюклезе турынче;
Ах, ах, астуман,
Астумазыр ильны она.

7

Молодая Акулинушка
Черновата, рябовата!
Ах, ах, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!

До просыпу жолтянки
Пусть сарни свой подвяжет;
Ах, ах, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!

До восхода солнушка
Пусть встанет, умоется;
Ах, ах, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!

До просыпу вороны
Пусть *сарпан* обернет;
Ах, ах, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!

До просыпу мелких птиц
Пусть салму накрошит;
Ах, ах, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!

До просыпу ворона
Котел вымывши подвесит;
Ах, ах, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!

До просыпу крапивника
Пусть ведра (воды) принесет.
Ах, ах, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!

Вот бранная или, если угодно, *сатирическая* песня, которую на свадьбах поют свахи, недовольные либо угощением, либо подарками.

8

Хирь чиберь-и? — тылла пось!
Качь чиберь-и? — мук согал!
Эбер она каламарым:
Той-ачи-зем каларесь. —
Ку хозянын сыра тутла,
Пичиксе хумла калаймесь. —
Ку хозянын яшка лаих,
Пердак тувар калаймесь. —
Ку хозянын кинь чиберь,
Пичиксе сорпан хора-рах. —
Ку хозянын хирь чиберь,
Пердак чалма хора-рах. —
Ку хозянын ывыл лаих,
Пердак сюсне вурман юстерны.

8

Хороша ль невеста? — кочка!
Хорош ли жених? — мох-борода![8]

[8] Т. е. жених очень стар.

Не мы это сказали;
Дети это сказали. —
У этого хозяина пиво сладко,
Да хмелю тут недоложили. —
У этого хозяина *яшка* хороша,
Да соли тут недоложили. —
У этого хозяина сноха красива,
Да немного у нее *сарпан*[9] черноват. —
У этого хозяина дочь красива,
Да немного у нее *чалма*[10] черновата. —
У этого хозяина сын хорош,
Да волосы великоньки отростил.

Есть у Чуваш бранные песни далеко резче этой, но все они уже отзываются сильным влиянием русизма и пересыпаны теми русскими выражениями, которых стыдится печать. Странная вещь эти выражения. Бродя по окрестностям Петербурга, я видел препочтенных немецких колонистов, которые плохо говорили по-русски, но с достодолжною отчетливостью в случае нужды разражались этими выражениями. Теперь то же вижу и у Чуваш, и у Черемис, и у Татар.

Впрочем, не думайте, чтобы и в приведенной мною песне брань была легкая. Нет, сорок раз нет. Сказать, что у Чувашенина нет хмелю, соли, что он скупится на них — это значит отпустить ему презлой сарказм.

В заключение считаю нужным заметить, что устройство чувашского стиха — тоническое. Первое условие и основание чувашской версификации составляет логическое ударение, другое — игра слов и аллитерация, занимающая у Чуваш место нашей рифмы, только рифма эта бывает у них не на конце стиха, но в начале или средине, как это можно видеть из вышеприведенных примеров.

---

[9] И опять-таки не помню, в прежних письмах моих сказал ли я Вам, любезнейший Ал. Ив., что *сарпан* — редкое, прозрачное полотно, одним концом которого у женщин обертывается голова, а другой опускается на спину и прикрепляется к поясу. *Сарпан* черный — это верх нерядества.

[10] Подобно Татарам-мужчинам чувашские девушки обертывают голову полотном поверх *тюбя* или шитой бисером тюбетейки. Разница в том только, что у *хирек* эта обвивка не так густа, как у Татар.

XII

Вопрос о чувашском языке и его происхождении доселе не приведен к окончательному решению. Большинство филологов слишком поспешно решило, будто он есть *финское* наречие, образовавшееся под сильным влиянием тюркского и славянского языков. Я утверждаю совершенно противное и готов доказать, что чувашский язык есть чисто тюркское наречие с примесью слов арабских, персидских и русских и почти без всякой примеси слов финских, потому что по точном исследовании оказывается, что и весьма немногие выражения, сходные с финскими, как например, *вый* (ф.войма, сила), *коргга* (ф.каута, ковш), *олым* (ф.олки, солома), *хумла* (ф.гумала, хмель), очевидно, заимствованы с черемисских: вы (сила), *корка* (ковш), *олом* (солома), *умла* (хмель). Притом нельзя не заметить, что происхождение двух последних слов очень подозрительно. *Олам* — это едва ли не наша *солома*, подобно тому и *умла* едва ли не русское *хмель*.

Да нельзя не сознаться и в том, что доселе ученые мало имели надежных пособий к изучению чувашского языка. Правда, теперь уже несколько книг переведено на этот язык и напечатано русскими буквами, как напр., Катехизис, сочиненный митрополитом Платоном (1804), Проповедь о воспитании детей, свящ. Алоизова (1819), Четвероевангелие (1820) и проч; но все это переводы подстрочные, в которых мало обращалось внимания на дух языка и на внутренний механизм его. Так, в Четвероевангелии многие славянские слова, непонятные и для многих Русских, а тем больше для Чуваш, оставлены вовсе без перевода. Для некоторых из них, скажут мне, в бедном чувашском языке не может быть равносильных выражений. — Верю: но что ж тут за беда? Употребите перифраз: вы растянете речь,

но зато сделаете ее понятною, след., приблизите к цели. Далее строение и склад речи здесь большею частию не чувашские. Наконец, что всего страннее, переводчики по неизвестной причине боятся употреблять условную форму глагола, столь обыкновенную в устной речи, и без всякой нужды пестрят текст русским *если*, тогда как союз этот вовсе неизвестен Чувашам. Если бы теперь кто-либо захотел изучить чувашский язык по этим переводам, то он составил бы себе столь же верное понятие о нем, какое мог получить о *черемисском* языке г. *Ф. И. Видеманн*, учитель греческого языка в Ревеле, по черемисскому переводу Евангелия составивший грамматику: Bersuch einer Grammatik der sicheremissischen Sprache nach dem in der Evangelichen übersezung von 1821 gebrauchten Dialecte (Rebal. 1847)[1]. Что именно в книге г-на Видеманна заимствовано: 1) из грамматики черемисской, изданной в Петербурге в 1775 году, 2) из грамматики о. Альбинского, напечатанной в Казани в 1837 году, 3) из книги г-на Кастрена: Elementa grammatices Tscheremissae, изданной в Куопио в 1845 году, — и что нового и верного он сам, не знающий живого и разговорного языка[2] и, как по всему видно, никогда не бывший в здешней стороне, придумал от себя, какие странные правила относительно духа и механизма языка извлек из своего изучения черемисского перевода Четвероевангелия, — обо всем этом мы будем говорить в другом нашем сочинении, — в *Исследованиях о Черемисах*; а теперь обращаемся к оценке печатных пособий для изучения чувашского языка.

В 1772 году издана книга под названием: *Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка*. В ней заключается очень краткая грамматика с еще более краткою переченью имен и глаголов. Книга эта — ниже критики.

В 1836 году явилось: *Начертание правил чувашского языка и словарь, составленный для духовных училищ Казанской епархии*. Это труд ученого о. протоиерея В.П. Вишневского. Позвольте мне несколько подробнее погово-

---

[1] Замечательно, что тот же г-н Видеманн составил по переводу Евангелия Св. Матфея зырянскую грамматику: Versuch einer Grammatik der syrianischen Sprache nach dem Übersezung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte.

[2] Автор сам сознается, что при составлении грамматики советовался с каким-то матросом из Черемис, умевшим впрочем забыть свой язык. Vorwort. S.V.

рить об этой грамматике. — Главы 1 о буквах и 2 о знаках ударений изложены в ней основательно. Автор является здесь установителем чувашской орфографии, довольно затейливой. — В главе 4-й читаем несколько дельных замечаний об идиотизмах чувашскаго языка. Но на стр. 8-й встречаем следующее примечание: «имена *ача* — дитя, *ывыл* — сын, *хирь* — дочь, *пось* — голова в звательном падеже принимают приращение *м*, напр., *ачам* — дитятко, *ывылым* — сынок, *хирим* — дочка, *посим* — головушка, они же и уменьшительные». Здесь, как мне кажется, небольшое недоразумение. *М* есть притяжательное татарское местоимение 1-го лица и значит: *мой*. След., *ачам* значит не дитяко, а *дитя мое*, *ывылым* — не сынок, а *сын мой*, *хирим* — не дочка, а *дочь моя*, *посим* — не головушка, а *голова моя* и т. д. Формы уменьшительной тут вовсе нет. — Принятое автором деление существительных имен на 3 склонения совершенно произвольно. Я думаю, что у Чуваш одно склонение. Стоит взглянуть на приведенные автором деклинационные формы, чтобы убедиться в этом. Он сделал три склонения, основываясь на различных окончаниях имен в падежах прямых. Метода слишком устарелая! Если слова в падежах косвенных имеют одинаковые окончания и разнятся только в прямых, то к какой стати тут деления на разные склонения? — В главе об имени прилагательном многое не обделано надлежащим образом, и встречаются значительные неверности. Так, на стр. 15 автор говорит, что «нередко имена существительные, поставленные в родительном падеже, имеют значение прилагательных». — Это неправда. — С большею отчетливостию изложены главы о местоимении и особенно о глаголе, хотя и здесь не обошлось дело без промахов. Так, на стр. 36-й автор говорит, что «повелительное наклонение делается из неопределенного, отбрасывая слог *ас* или *яс*, и в примере приводит глагол *изяс* (пить), который будто бы в повелительном наклонении имеет: *из*. — Но слово *из* Чувашам вовсе неизвестно; они говорят: *ись* (пей), а не *из*.

Синтаксис автора очень короток: он весь помещается на 4-х страничках разгонистой печати. Это бы конечно еще не беда. Но автор держится устарелой грамматической методы и отделывается общими местами там, где необходимо нужно было бы применяться к действительным особенностям и условиям живого языка. Говоря, напр., *об употреблении падежей*, он ограничивается

только пресловутою заметкою, что именительный падеж поставляется по вопросам: *кто* или *что*, родительный — *кого* или *чего* и т. д. — Вот почти все, что автор говорит об управлении слов. — Но ведь это свойство всех языков в мире и нисколько не объясняет существенных свойств языка чувашского. — Увлекшись своими вопросами: *кто, кого, кому* и т. д., автор утверждает, что *именительный* падеж употребляется вместо *родительного*, напр., *бар мана пер ластык сюкур*, дай мне кусочек хлеба. — Трудно согласить это с логикою языка. Скорее можно предположить, что слова: *пер ластык сюкур* здесь слиты в одно понятие, и в винительном падеже стоит *сюкур*. И у нас в старинных песнях встречаются подобные грамматические формы: напр., *колоты стрелы из трость дерева* или *воротись мия надежа, воротися друг* и т.п. — Понятия: *трость-дерево* и *надежа друг* здесь слиты, и оттого в первом примере *из* не управляет притяжанием, и во втором *надежа*, как эпитет *друга*, принимает род сего последнего. Это особенная грамматическая фигура, известная филологам под именем *аттракции*. — Далее на стр. 63-й автор говорит, что во фразе: *бар мана сюкур* последнее слово стоит в *именительном* падеже. — Это опять неправда. Ведь и у нас есть слова, из которых одни в именительном и винительном, а другие в родительном, дательном и предложном падежах, несмотря на шумные прещения грамматиков, благоизволят иметь одно и то же окончание. Тут много толковать нечего: лучше допустить сходство именительного падежа с винительным, нежели предполагать, будто бы вопреки законам и логики, и здравого смысла, и общефилософской грамматики действительный глагол мог требовать именительного падежа.

К грамматике о. прот. Вишневскаго приложен *словарь*, составляющий ее главное достоинство. Это первый дельный опыт чувашской лексикографии, который стыдно и сравнивать с Миллеровским изуродованным сборником. Труд почтенного о. протоиерея доселе по всем правам пользуется честию быть руководительною книгой в духовных училищах. Но если автор вздумает приступить ко второму изданию своего очень полезного труда, то мы приняли бы на себя смелость просить его сделать следующие перемены. *Во-первых*, не опускать из виду употребительнейших слов, каковы, напр., *волас* (читать), *сивыхланас* (приближаться) и некоторые другие, не помещенные в словарь. *Во-вторых*, или

не пестрить свое произведение исковерканными на чувашский манер русскими словами, или тут же для пользы учащихся объяснять их происхождение, присовокупляя, напр., что чувашское *озра* есть русское зря, *ворак* — овраг, рытвина, *клейме* — клеймо, *клук* — клушка, *кнегге* — книга, *коба* — копна, *кожак* — кошка, *корбунла* — горбатый, *кран* — грань, граница, *краплe* — грабли, *кукшум* — кувшин, *курка* — курица, *кутра* — кудрявый, *кюсле* — гусли, *мук* — мох, *падак* — батог, палка, *пружин* — пружина, пробой, *прус* — брусок, оселок, *сажан* — сажень, поленница, *сала* — салю, *салад* — солод, *саплас* — заплатить ветхое платье, *саплык* — заплата, *сога* — соха, *соласка* — саласки, *стель* — стол, *хитре* — хитрый, мудреный, красивый, *хымач* — кумач и проч.

В-третьих, выключить из словаря чувашского ни за что ни про что попавшие в него русские слова. Таковы: *клеть*, *капуста*, *маяк* (веха), *мор* (зараза), *рак*, *сазан* и пр.

Но вполне удовлетворительными грамматика и словарь о. Вишневского были бы только тогда, когда бы он и в той, и в другом постоянно следил и указывал на сродство чувашского языка с тюркскими наречиями. Сродство это и притом самое ближайшее не подлежит ни малейшему сомнению. Уже и в прежних письмах моих я неоднократно указывал на одинаковые слова у Татар и у Чуваш. Можно распространить это лексикографическое сходство от первого до последнего слова в чувашском языке, исключив только вышеприведенные русские выражения, равно как арабские, персидские и монгольские[3]. Чтобы убедиться в этом, стоит

[3] Вот слова, перешедшие из *арабского* языка в чувашский: *авал* (первый, древний,) *айван* (ар. хайван, скот), *аип* (позор), *аипла* (ар. аиблу, виноватый), *йумур* (ар. умыр, жизнь), *кабир* (надменный, гордый), *кагал* (ар. кагиль, ленивый), *лаих* (ар. лаик, приличный), *мыскара* (ар. масхари, насмешка), *нухрат* (серебряные деньги), *сагат* (ар. саат, час), *салам* (почтение, мир), *сеани* (ар. салим, здоровый, хороший), *телей* (ар. талнэйк, собственно гороскоп, счастие, судьба), *тохья* (ар. такия, повязка, род диадемы), *ухмак* (ар. акмак, глупый), *хадер* (ар. хадзер; то есть запас), *хак* (цена), *хал* (мочь, сила), *халь* (теперь), *халаль* (ар. халяль; то, что позволено, в переносном смысле наследство), *халап* (ар. халаф, басня), *халык* (народ), *хаман* (ар. аман, пощада, спасение, здоровье), *хот* (письмо, почерк), *хыбар* (ар. хабар, известие). — Монгольского происхождения суть слова: *абам* (мать моя), *алдас* (мон. малдху, копать, рыть), *ама* (мон. эме, самка), *ини* (мон. унье, корова), *ормыг* (мон. зерлык, тат. ярлык), *албут* (мон. олпаут, господин), *орма* (бешеный), *тар* (мон. дару, порох), *тылыгебе* (мон. диль-бегге, возжи), *тарду* (мон. орду или урду, род, племя,

только принять в соображение следующие диалектические признаки обоих наречий.

а) Перемените чувашские окончания неопределенного наклонения *ас* и *яс* на татарские окончания того же наклонения *мак* и *мяк*, и вы получите чисто татарские слова. Вот несколько примеров:

Чувашские слова:	**Татарские:**
авланас	анвлямак, жениться
анаслас	иснамак, позевать
астарас	аздырмак, обманывать, соблазнять
бирас	бирмяк, давать
биляс	бильмяк, знать
болас	болмак, быть
бырас	бармак, быть, приходить, годиться
виляс	ульмяк, умирать
дес	димяк, говорить, отсюда наше *дескать*
казас	канмак, резать, рубить
махтанас	мактамак, хвалиться, по-монгольски — мактаху, по-арабски — мадаха
олдалинас	олданмак, обманывать
пидерес	бидермяк, оканчивать
пизерес	пизермяк, варить
торас	торамак, чесать
сивас	сивмяк, любить
табас	тапмак, лягать
тивяс	тимак, трогать
тордас	тормак, тянуть
тухтас	тухтамак, ждать
хвалас	кваламак, гнать

отсюда — орда), *чилэ* (мон. чилун, камень), *бырги* (мон. зирге, ряд, порядок). — Из персидского в чувашский язык перешли: *ача* (бече, ребенок), *дос* (дост, друг), *умут* (пер. умид, надежда), *кизыя* (пер. киса, карман, кисет), *кюкюрть* (пер. кукерт, горячая сера), *начар* (от пер. на, не и *чар*, не имеющий средств, бедный, худой), *парча* (от пер. паре, часть, кусок, уменьшит. парче, кусочек, отсюда наше *парча*), *падша* (падиш-шах, царь), *пызык* (пер. бузурк, большой), *сас* (голос, звук), *сынчир* (пер. занчир, цепь), *сювармас* (от пер. сювар, всадник), *таза* (чистый), *тушман* (пер. душман, враг, злодей), *уста* (пер. устад, мастер), *хевес* (желание), *хоя* (ходжа, господин, хозяин), *чон* (пер. джон, душа).

ь) Слова, в татарском языке начинающиеся со звуком *о* или *у*, в чувашском принимают в начале букву *в*, напр.:

Чувашские слова:	**Татарские:**
вилим	улим, смерть
виляс	ульмяк, умирать
вода	утун, дрова
вот	ут, огонь
вурз	уруш, война, сражение, брань
вурзяс	урушмак, браниться, спорить
вурлас	угрламак, воровать
вуру	улры, вор

с) Изменив в чувашских словах букву *л* на *б*, мы получим однозначущие с чувашскими татарские слова. Вот примеры:

Чувашские слова:	**Татарские:**
пабак	бабка, детенок
пага	бога, дорогой, важный
пагарды	багыр, печень
палан	балан, калина
паттыр	батур или батыр, сильный, откуда наше *богатырь*
перь	бир, один
перле	бирля, вместе, с
пить	лицо
пить	бик, очень
план	булан, олень (не отсюда ли и наше *буланый?*)
подене	бутне, перепелка
пожа	бош, пустой, незанятой
позас	басмак, класть, давить, печатать; отсюда *басмаки*, печатники, носившие с собой *басму*, изображение ханское
пола	балык, рыба
пор	бур, мел
порне	бирмак, палец
пось	баш, голова
пось-порне	баш-бирмак, голова-палец, т.е. большой палец
пошмак	башмак
путу	бутке, каша
пурзя	бурчак, горох

пуры	бурай, полба
пуян	баян, богатый
пызык	бузурк, большой
пыл	бал, мед
пыльчик	балчак, грязь
пюзюр	бусыр, грыжа

d) Татарский звук *з* в чувашском языке переходит в *р*. Например:

Чувашские слова:	**Татарские:**
мар	мыз, без
зыр	сыз, без
кюрь	кюзь, осень
пур	буз, лед, град, мороз
сузыр	исам-сыз, нездоровый
хирь	кыз, дочь
сюрь	юз, сто
сюлдыр	юлдус, звезда

e) Слова, начинающиеся в татарском языке звуками *и, дж, я, ю* в чувашском принимают звук *с*. Например:

Чувашские слова:	**Татарские:**
силь	иль, или джиль, ветер
симарда	юмурта, или джумурта, яйцо
сине	ике, новый
сирь	ир, или джир, земля
сирим	джигирма, двадцать
сирь-олма	ир-алма, земляное яблоко, картофель
ситмиль	итмыш, семьдесят
сиок	юк, нет
сиол	юл, дорога
сиол-пюси	юл баши, голова дороги, провожатый
сиомыр	июмыр, дождь
сиоран	юран, пеший
сиорт	юрт, дом
сюлень	илан, или джилан, змей
сюрга	юрга, иноходец

f) Татарские слова, начинающиеся звуком *к*, в чувашском имеют *х*. Например:

Чувашские слова:	Татарские:
хачь	кач, ножницы
хвалас	кваламак, гнать
хир	кыз, дочь
хобах	кабак, род военной игры
хозах	казак, вольный, холостой
хора	кора, черный
хорал	караул
хорам	корама, вяз
хорандаш	корындыш, брат, родственник
хорт	курт, червяк, пчела
хорчка	карчга, ястреб
хуна	кунак, гость
хурак	курук, сухой
хырым	кырым, брюхо
хыяр	кыяр, огурец

Прочие чувашские слова по большой части или совершенно сходны с татарскими, или допускают только такие изменения, в которых, если будем иметь в виду 6 вышеизложенных правил, найдем не опровержение, а доказательство тюркского происхождения Чуваш.

Еще более убедительное доказательство тому представляют грамматические формы того и другого языка. Отдельные слова и выражения один народ может в большем или меньшем количестве заимствовать у другого, совершенно разноплеменного. Но форм грамматических ни один народ вполне не заимствует от другого. След., если два языка и два народа в них сходствуют, это уже не два языка и не два народа, а два наречия одного первоначального основного языка, два племени одного корня. Применим это положение к чувашскому и татарскому наречиям.

Формы склонений в обоих наречиях очень сходны.

Возьмем в пример общее тому и другому языку слово *халыг*.

Чувашское склонение:	Татарское:
Ед. ч.	Ед. ч.
И. халыг (народ)	халк
Р. халыган	халкын
Д. халыга	халкнга
В. халыгне	халкни
Т. халыг-ба	халк-бирля и проч.

Еще яснее открывается это сходство из законов об-ования имен прилагательных.

В чувашском языке они образуются:

) Из существительных чрез прибавление слогов *ла и.* — В татарском они составляются чрез прибавле-слогов *яу* или *лы.*

!) Из наречий чрез прибавление слога *ги,* напр., — т — древле, *авалги* — древний. То же правило со-дается и в татарском языке: *авалнги*— первый.

!) Имена прилагательные, значущие недостаток, от-ание, в чувашском языке образуются из существи-ных чрез прибавление слога *зыр* (без), напр.: *хал-* (нездоровый). Но это формация чисто татарская. И атар в этом случае присоединяется к именам части-*ыз,* напр.: *хал-сыз* (нездоровый), *кус-сыз* (по-чуваш-*кось-сыр)* безглазый.

!) Сравнительная степень образуется в чувашском ке чрез прибавление к положительной *дарах,* сокра-но *рах,* напр.: *озал-рах* (хуже); и по-татарски хуже — *-рак.*

;) Сравнительная степень в чувашском языке не-ко заменяется положительною. Это случается тогда, да к имени прибавлен предлог *дан,* напр.: *вул он-дан* . Это тоже татарский идиотизм. Татары в этом слу-говорят: *ул он-дын улук.*

Местоимения чувашские также сходны с татарски-*Я* — по-чувашски *аби,* по-татарски — *бян* или *ман; я* — и по-чувашски, и по-татарски *миныи; мне* — *га, мана; он* — по-чувашски *вуя,* по-татарски — *ул;* — и по-чувашски, и по-татарски — *онын* и т. д. Лег-изменения принимают в чувашском языке немно-из местоимений, напр., *пирин,* тат. *бизын* наш; *сирин, сизын* ваш и некот. др. Но здесь прошу припомнить, было сказано мною выше о переходе в чувашском ке букв *б* в *п* и *з* в *р.*

Имея в виду это правило о переходе букв, можете отреть сходство и спрятательных форм того и дру-наречия.

Остается заключить отсюда, что *чувашский язык есть окское наречие.*

Но что за народ были сами Чуваши, под каким име-они могли быть известны в древности и что зна-настоящее их имя, — об этом я поговорю в следу-ем письме, а потом обращусь к Черемисам.

XIII

Чуваши — народ довольно многочисленный, разбросанный густыми группами на пространстве четырех губерний: казанской (где их считается до 300000 человек), оренбургской (57 243 чел.), симбирской (101 370 чел.), и саратовской[1]. Само собою разумеется, что это рассеяние их по столь обширному пространству произошло в позднейшие времена, вследствие политических переворотов, и что прежде они жили нераздельно, в одной массе. Весьма естественно также предположение, что они не могли быть неизвестны путешественникам и особенно арабским историкам и географам, столь хорошо знакомых со здешнею местностию и этнографиею. Но ни у них, ни у русских летописцев до 1551 года не встречается имени Чуваш. Прямое заключение отсюда то, что народ этот известен был в старину под другим названием. Под каким же именно?

Мы не будем отыскивать Чуваш между финскими племенами по причинам, изложенным в предыдущем письме, а лучше приведем мнения об этом предмете новейших писателей, которые уже признали незаконным родством чуваш с Чудью белоглазою.

А.А. Фукс говорит: «удивительно, что Нестор в своей народной генеалогии, говоря о всех народах, нигде не упоминает о Чувашах, тогда как этот народ всех многочисленнее... Я начинаю соглашаться с мнением, что Чуваши в самом деле не потомки ли *Хозар*, и что у Нестора Хазары то же, что наши Чуваши»[2].

---

[1] Число Чуваш, живущих в саратовской губернии (в уездах петровском и кузнецком), мне неизвестно. Г. Леопольдов говорит, что там новокрещенных Чуваш вместе с Татарами считается 65 542 души, но не показывает, сколько в этом числе Чуваш.

[2] Записки о Чувашах, с. 32.

Но у г-жи Фукс нет среднего термина, и оттого силлогизм ее неверен. Нестор не упоминает о Чувашах, след., это были Хазары! Но почему же именно Хазары, а не Булгары, Печенеги, Торки или другой какой-либо народ? На это нет ответа в *Записках о Чувашах* да, кажется, не может и быть.

П.С. Савельев видит в Чувашах потомков Волжских Булгар, и в подкрепление своего мнения приводит следующие доказательства:

1) Г-жа Фукс, описывая чувашский торжок, происходивший в *десяти* верстах от деревни, в поле, при большой дороге, замечает, что *Чуваши не любят прилива посторонних жителей в их селения.* «Это, — говорит г-н Савельев, — едва ли не древнее обыкновение Булгар: и они, кажется, не любили видеть чужестранцев в своих селениях. Руссы на время булгарской ярмарки жили на берегу, близ своих людей, далеко от города, потому что Булгар был верстах в *десяти* от Волги. Даже после Халифа не были допущены в столицу и в продолжение нескольких дней оставались в поле, верстах в *десяти* от города»[1].

Смеем уверить почтенного автора, что чувашские торжки не имеют ничего общего с булгарскими ярмарками, и что торжки эти происходят в поле, на больших дорогах отнюдь не в подражание древним Булгарам, а *во-первых,* вследствие распоряжений винного откупа. Главная принадлежность чувашского базара — кабак; если он построен так удачно, что к нему рукой подать из многих окрестных деревень, то возле него непременно устраивается базар, обыкновенно бывающий по пятницам и воскресениям; а известно, что для откупа строить кабаки гораздо выгоднее на больших дорогах, чем в селах. *Во-вторых,* торжки эти бывают на больших дорогах потому, что их никоим образом нельзя завести в чувашских селах и деревнях по причине крайне беспорядочной их постройки и отсутствию всего, что хоть сколько-нибудь походило бы на площадь или на правильную улицу. Завести же базары близ сел значит лишиться либо выгона для скота, либо пахотной земли. След., и для самих Чуваш выгоднее иметь базары на больших, обыкновенно очень широких дорогах. Выходит, что здесь все зависит от обоюдных выгод откупа и самих Чуваш, а не от древнего обыкновения Булгар,

[1] Мухаммеданская Нумизматика, с. 100.

как утверждает г-н Савельев, и не оттого, что Чуваши не любят прилива посторонних жителей в их селения, как полагает г-жа Фукс. Не могу умолчать и о том, что меня очень соблазняет в вышеприведенном доказательстве ученого ориенталиста слово *десять*, употребленное им трижды и всякий раз напечатанное курсивом. Очевидно, тут было у автора особенное намерение. Булгары отстояли на *десять* верст от Волги, на берегу которой Руссы жили во время ярмарки, близ своих людей, далеко от города: чувашский торжок Семик происходит также в *десяти* верстах от деревни (?). Сближение, думал вероятно автор, не случайное: уж не все ли булгарские и чувашские ярмарки происходили и происходят не менее, как в *десяти* верстах от жилых мест? Но напрасно автор думает, будто древний Булгар стоял в *десяти* верстах от Волги[4]: он находился на самом берегу этой реки. *Абульфеда* ясно говорит, что Волга, протекая близ столицы Булгар, огибала ее с севера и запада, и это вполне подтверждается местностию развалин города. Татарская рукопись *Теварих-уд-даваир* (летопись кругов или веков) и восточные писатели *Раузэль-митара* и *Ибн-эль-Вардия* определяют даже и время, когда Волга приняла другое направление (спустя 54 года по завоевании Булгар Тимуром[5]. Да и авторитеты здесь, кажется, вовсе не нужны. Если бы автор сам побывал на развалинах Булгар и осмотрел их местность, то твердо убедился бы, что в старину Волга *должна* была протекать мимо этого города. Напрасно также автор извращает слова г-жи Фукс, которая говорит, что чувашский *базар происходил в десяти верстах от нашей деревни*, т. е. от ее русской вотчины, от ее поместия; а г-н Савельев, гоняясь за роковым словом *десять*, выпустил местоимение *нашей*, отчего речь приняла другой смысл, из которого можно заключить, будто чуваш-

[4] И ныне развалины Булгар отстоят от Волги в шести или много семи верстах, да и те меряла старуха клюкой, да махнула рукой. Надобно сказать также, что Ибн-Фоцлан, на котором основывается автор, говорит только, что за два фарсанга (за 8 верст) от столицы царь Булгарский встретил посольство Халифа, а об расстоянии Волги от Булгар у него, кажется, нет ни слова.

[5] Энциклоп. Лекс. Т. VII. 292. — Волга в здешней губернии и теперь продолжает напирать на правый берег, а левый заносит песком и илом. Уже на моей памяти многие большие протоки ее на левой стороне или обмелели, или вовсе занесены песком. Не упоминая о множестве примеров этого рода, укажем только на Казанскую пристань — Бакалду.

ские торжки располагаются в *десяти* верстах от всякого жилья. Напротив, они бывают и в селах, и в деревнях, только русских, удобно расположенных, и на больших дорогах в расстоянии одной, двух, трех, четырех и т. д. верстах от чувашских деревень.

2) Еще страннее второе доказательство автора. О.И. Сенковский, чтоб объяснить и согласить по-видимому противоречивые сказания восточных писателей о племени, к которому принадлежали Волжские Булгары, развил и сделал весьма вероятною гипотезу, что в состав булгарского государства входили турецкие, славянские и финские народы, которых соединяла между собою власть одной династии, вероятно турецкой, но *ославянившейся* в Булгарах, населенных преимущественно Славянами[6]. Имея в виду это предположение, г-н Савельев говорит: *«Чуваши сохранили своим торжкам древнее славянское название семик, т. е. сеймик, малый сейм»*[7].

Это совершенно несправедливо. На языке чуваш слово семик *никогда не значило и не значит* торжок, базар... Но, боже мой, от каких пустых, ничтожных случаев и поводов возникают иногда наши предположения, наши гипотезы, наши доказательства, наши ученые решения и заключения! Посудите сами: г-жа Фукс, изображая картину чувашского рынка, *описалась*, поставила маленькую букву там, где следовало быть большой (семик вместо Семик), и из орфографической ошибки ее произошло для г-на Савельева новое доказательство, что Чуваши суть потомки Булгар. Дело вот в чем: действительно, недалеко от Чебоксар есть чувашский торжок, называемый *Семик-базар*. Название это происходит от первого целовальника, сидевшего в кабаке этого базара, подобно тому, как название Эндри-базар происходит от целовальника же Андрея. Семик-базар, Эндри-базар значит — *Семкин базар, Андреев базар*. А ученый ориенталист, благодаря нетвердой орфографии г-жи Фукс, из *Семки* сделал семик, сеймик, малый сейм, съезд, сходку, сбор и заставил вышеупомянутого *Семку* происходить от санскритского sam — сбирать, и родниться с немецким глаголом sammeln — собирать, что впрочем без ведома автора вышло довольно остроумно и метко, потому что Семка на своем веку без сомнения *собрал* с пьющих немалую дань.

---

[6] Энциклоп. Лексик. Т. VII. С. 303.

[7] Мухам. Нумизм. С. 100.

3) Приведя из г-жи Фукс описание чувашского базара, ученый ориенталист выводит из него такое заключение: «если бы не трубка и табак, которых Булгары не знали, можно бы принять эту картину за описание в малом виде булгарской ярмарки X века. Те же местныя произведения, о которых говорят Арабы, — кожи, рогожи, рыба, яблоки, те же издельныя произведения, бисер, пронизки, шертяныя и бумажныя изделия, ожерелья, серебряныя монеты в виде украшений»[6].

Но ведь те же самые произведения и на татарских, и на черемисских, и на вотяцких, и на мордовских, и на сельских русских базарах... Выходит, и Татары, и Черемисы, и Вотяки, и Мордва, и Русские суть потомки Булгар?.. Странная логика!!!

Итак, если нет никакой достаточной причины, никакого повода считать Чуваш потомками Хазар и Булгар, то не имеют ли они родства с третьим народом, жившим в X веке на берегах Волги, — с Буртасами? Представим в извлечении главнейшие сведения о последнем народе, изложенные О.И. Сенковским, в Энциклопедическом Лексиконе, в статье: Буртасы.

Буртасы, по словам Масуди, Идриси, Ибн-Халледуна и других арабских писателей, обитали между Хазарами и Булгарами, на правом берегу Волги, вдоль по ее течению. Арабский географ Якут пишет, что длина буртасской земли простиралась на двадцать дней езды, т. е. вся страна имела в длину 750 верст. След., Буртасы занимали по течению Волги нынешние губернии саратовскую и симбирскую. У них было два города *Буртас и Сивар.* Они строили себе деревянные домы, но жили в них только зимою, а на лето расходились по кочевьям. Часть их, по словам персидского писателя XII века Ахмеда-Туси, исповедывала мухаммеданскую веру. Буртасы занимались преимущественно земледелием и звероловством: в честь их названы были буртасскими (буртасие) меха чернобурых лисиц, которые славились по всему мусульманскому востоку и продавались так дорого, что одни только цари могли покупать их.

В этих сведениях заключается многое, что заставляет нас предполагать тождество Буртас и Чуваш. Вот данные, на которых мы основываем свою гипотезу:

1) Чуваши и доныне населяют северную часть земли буртасской. В X веке приливом монгольских племен

[6] Мухам. Нубиям. С. 103.

они вытеснены только из южной ее части, равно как на севере с берегов Волги, и принуждены были селиться в лесах и оврагах.

2) Самое имя *Буртасы* или *Бурнасы* объясняется из чувашскаго наречия. *Буртас* есть древняя и правильная форма ныне употребляемого глагола *бурнос* (жить, быть оседлым); что первая форма правильнее последней, — это доказывается большею близостью ее к корню *юрт* (жилье). *Сы* или *ссы* есть чувашское партиципиальное окончание. След., *Буртассы* или *бурнассы* будет значить — обитаемое, т. е. место, жилище, становище или то же, что татарское *юрт* (живущий, оседлый). Вероятно, от имени главного своего зимнего становища или от главного города и самый народ получил свое название. Этот главный город, т. е. Буртас, находился по мнению г-на Сенковского в окрестностях нынешнего Саратова.

3) Настоящее название *Чуваш*, составлявшее доселе камень преткновения для исследователей, по моему мнению, есть просто буквальный перевод слова *Буртассы*. Оно происходит от татарскаго *ив* или *джив* (дом), откуда — *дживаш, чиваш, чуваш*, живущий домом, оседлый, также мирный; в последнем значении слово *ывваш* и доселе сохранилось в чувашском языке.

4) Другой город буртасский, *Сивар*, также, как и *Буртас*, носит на себе признаки чувашского происхождения. *Сивар* или *сивыр* будет повелительное наклонение от *сиврас* (спать, отдыхать, покоиться); след., употребленное вместо имени существительного слово это будет означать место покоя, отдохновения.

5) Хазарская крепость, пограничная с буртасскою землею, носила, вероятно, заимствованное от Буртас чувашское название *шора-киль* (белый дом), что Греки, не имевшие буквы *ш*, превратили в *Саркел*, а Руссы буквально с чувашского перевели словами: Белая-Вежа. Может быть, сами же Буртасы, признавшие над собою верховную власть хазарского хана, и выстроили для него под руководством греческих инженеров эту крепость.

6) В древнем месте своего жительства Буртасы оставили свои названия местностей, сел и рек, которые объясняются из форм чувашского языка. Таковы: *Лотрык*, деревня и река, от лотра (низкий); *Сокур*, речка и деревня, от сокур (кривой, извилистый, непрямой — в саратовском уезде); селения *Хура* от хура, сухая тра-

ва (в волжском уезде); *Чувашка* (в хвалынском уезде, где впрочем давно нет ни одного Чувашенина); *Сюзюм* от сюзе, ива, или от сизим, молния; *Чиберлей* от чибер[9], хороший, красивый (в кузнецком уезде); *Кондаль* от кондалги или кондаллы (здешний, местный, туземный); *Каржман* от кюрюж (сосед); *Вырыпаевка* от выры — средина и пуян — богатый (в петровском уезде)[10].

7) Северную границу буртасской земли первоначально составлял, кажется, город *Сингилей* от чув. сл. *сине* (новый) и *киль* (дом, новый дом), а потом *Симбирск*[11] от чув. сл. *сине* и *пюрте* (жилище, новое жилище, новая крепость). Но быв покорены Монголами вероятно в одно время с Булгарами, т. е. около 1236 г., Буртасы, теснимые победителями, мало помалу подвигались *одни* на северо-запад и постепенно заселили нынешние уезды: буинский, курмышский, цивильский, чебоксарский, ядринский и козьмодемьянский. *Другая* часть их перешла на левый берег Волги, направилась на северо-восток и водворилась в нынешних уездах: самарском, ставропольском, спасском, чистопольском, мензелинском, бугульминском, бугурусланском, белебеевском, стерлитамацком, уфимском и оренбургском. Ниже Сингилей и Симбирска во время этого движения осталась *третья* часть Буртас, и из них жившие в городах богатые торговцы и исповедывавшие исламизм, вероятно, слились с Монголами, когда те приняли мухаммеданскую веру, а остальные язычествующие, в числе довольно незначительном, удержались в нынешних уездах: сызранском, кузнецком и петровском. Так образовалось нынешнее селение Чуваш или Буртас.

8) То, что говорят арабские писатели о занятиях и промыслах Буртас, легко может быть отнесено и к Чувашам: они славились как отличные земледельцы и звероловы еще и в позднейшие времена, находясь уже в состоянии одичалом; эти качества еще нашел в них и

---

[9] Того же корня и *Сибирчи* или употребительнее Чибирчи — деревня свияжского уезда, третья станция по дороге из Казани в Симбирск.

[10] *Карждманы и Вырыпаевка* есть в Симбирской губернии; под первым именем известно село ардатовского уезда, а под вторым — деревня в шести верстах от Симбирска.

[11] Замечательно, что Симбирск, помня свое этимологическое происхождение, до текущего столетия постоянно писался: *Симбирск*.

Миллер. Больше чем вероятно, что Чуваши по делам торговли имели непосредственные сношения и с Аравитянами, и с Персами, которым продавали свои дорогие меха. Иначе как бы столь значительное количество арабских и персидских слов попало в язык народа, жившего в глуши, не знавшего ничего на свете дальше своих лесов?

9) Слова Якута: «Буртасы имеют свой собственный язык, отличный и от хазарскаго, и от булгарскаго», — могут относиться к диалектическим разностям этих тюркских наречий и к тем изменениям, которые в них произвело влияние других языков. Очень вероятно, что в булгарском языке преобладал элемент славянский, в хазарском — еврейский, в буртасском или чувашском — монгольский. И в теперешнем чувашском языке гораздо больше следов монгольского элемента, чем в другом каком-либо из тюркских диалектов; всего меньше следы эти видны в языке наших некрещеных Татар[12].

10) Сами Русские в старину отождествляли Буртас с Чувашами. Вытесняя последних с выгодных мест и селясь на них по праву господствующего народа, они называли свои новые селения именем Буртасы. Таково происхождение двух русских сел Буртас, одного в свияжском, другого — в цивильском уезде.

11) Наконец припомним и то, что мы сказали выше о *регрессивном* движении Чуваш в религиозном и умственном отношениях. Загнанные в дремучие леса, принужденные скрываться от своих победителей, лишенные всякой возможности иметь прежние торговые связи с образованными народами, отброшенные во внутрь страны с берегов Волги, которая некогда была их важнейшим торговым путем, они естественно должны были дойти и дошли до состояния дикости.

В заключение скажу, что я гипотезою о тождестве Буртас и Чуваш хотел дойти до решения исторического вопроса: куда вдруг девался с берегов Волги народ многочисленный, торговый и довольно образованный

---

[12] Татарский язык, по замечанию ученого ориенталиста нашего И.Н. Холмогорова, сохранился в наибольшей чистоте у старокрещенных Татар, не любящих пестрить свой язык арабскими и персидскими фразами и оборотами, которыми любят щеголять некрещеные, особенно ученые Татары. Нередко последние вовсе не понимают своих крещеных единоплеменников и наоборот.

(Буртасы), и откуда спустя несколько столетий потом, почти на тех же местах, вдруг появился народ невежественный, грубый, но говорящий языком, в котором видно сильное влияние образованных наций (Чуваши)? Успел ли я в своем намерении — пусть судят люди, более меня знающие в этом деле.

Quid potui feci: faciant meliora potentes.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Василий Афанасьевич Сбоев *(Г.Б.Матвеев)* . 3
Глава I 7
Глава II 17
Глава III 24
Глава IV 35
Глава V 44
Глава VI 50
Глава VII 78
Глава VIII 84
Глава IX 96
Глава X 102
Глава XI 111
Глава XII 123
Глава XIII 133

Научно-популярное издание

Василий Афанасьевич Сбоев

ЗАМЕТКИ О ЧУВАШАХ

Редактор *Р.К.Игнатьева*
Художник *М.Д.Давлятшин*
Художественный редактор *Г.С.Самсонова*
Технический редактор *Л.К.Егорова*
Корректор *Е.П.Семенова*
Компьютерная верстка *М.В.Филиппова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. № 06317 от 26.11.01. Подписано к печати 27.10.04. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Тим Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,56. Учетно-изд. л. 7,8. Тираж 1500 экз. Заказ № К-4934. Изд. № 34а.

ГУП «Чувашское книжное издательство»,
428000, Чебоксары, пр. Ленина, 12 б.
ГУП «ИПК «Чувашия», 428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

Сбоев В.А.

С 23 **Заметки о чувашах.** Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. — 142 с.

Книга известного русского ученого-этнографа и писателя XIX в. посвящена этнографическому исследованию чувашей. В ней описаны их материальная культура и земледелие, религия, свадебные и погребальные обряды. Большой интерес представляют подробные описания народных праздников, исследования о чувашском языке, собранный им фольклорный материал и т.д. Публикуется по изданию 1856 г.

УДК 391/395
ББК 63.5 (2Рос.Чув)

ISBN 5—7670—1349—7